

№4 (32), 2024

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
**СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ**

Входит в Перечень ВАК
Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
Журнал открытого доступа
Плата за публикацию с авторов не взимается

5.4 Социология

5.4.4 Социальная структура,
социальные институты и процессы
5.4.7 Социология управления

5.3 Психология

5.3.3 Психология труда, инженерная
психология, когнитивная эргономика

5.8 Педагогика

5.8.7 Методология и технология
профессионального образования

Свидетельство о регистрации Эл №ФС77-64254 от 25 декабря 2015 года

ISSN (On-line): 2500-4204

www.sgtjournal.ru

Научный журнал
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
№ 4 (32), 2024
ISSN (Online) 2500-4202

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

ЭЛ № ФС77-64254 от 25 декабря 2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», г. Королев, Россия (141074, Московская обл., г. Королев, ул. Гагарина, д.42) / 16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Кирилина Т.Ю., доктор социологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Афонин И.Д., кандидат педагогических наук, доцент
Барков С.А., доктор социологических наук, профессор
Гайдабрус Н.В., кандидат философских наук, доцент
Гусева И.И., доктор философских наук, профессор
Долгорукова И.В., доктор социологических наук, профессор
Захарова Н.Л., доктор психологических наук, профессор
Капранова М.В., кандидат психологических наук, доцент
Когтева Е.В., кандидат социологических наук
Костыря С.С., кандидат психологических наук, доцент
Красикова Т.И., кандидат филологических наук, профессор
Лапшинова К.В., кандидат социологических наук, доцент
Ларионов А.Э., кандидат исторических наук, доцент
Магомедов К.О., доктор социологических наук, профессор
Морозюк С.Н., доктор психологических наук, профессор
Морозюк Ю.В., доктор психологических наук, профессор
Романов П.С., доктор педагогических наук, доцент
Старцева Т.Е., доктор педагогических наук, профессор
Тавокин Е.П., доктор социологических наук, профессор
Ткалич М.А., кандидат социологических наук

EDITOR-IN-CHIEF:

Kirilina T.Yu., Doctor of Sociology, Professor

EDITORIAL BOARD:

Afonin I.D., PhD {Pedagogy}, Associate professor
Barkov A.S., Doctor of Sociology, Professor
Gaydabrus N.V., PhD, Associate professor
Guseva I.I., Doctor of Philosophy, Professor
Dolgorukova I.V., Doctor of Sociology, Professor
Zakharova N.L., Doctor of Psychology, Professor
Kapranova M.V., PhD {Psychology}, Associate professor
Kogteva E.V., PhD {Sociology}
Kostyrya S.S., PhD {Psychology}, Associate professor
Krasikova T.I., PhD {Philology}, Professor
Lapshinova K.V., PhD {Sociology}, Associate professor
Larionov A.E., PhD {History}, Associate professor
Magomedov K.O., Doctor of Sociology, Professor
Morozyuk S.N., Doctor of Psychology, Professor
Morozyuk Yu.V., Doctor of Psychology, Professor
Romanov P.S., Doctor of Pedagogy, Associate professor
Startseva T.E., Doctor of Pedagogy, Professor
Tavokin E.P., Doctor of Sociology, Professor
Tkalich M.A., PhD {Sociology}

Над выпуском работали:

Паршина Ю.С.

Когтева У.А.

27.12.2024 г.

Адрес редакции:

141070, Королев, Ул. Октябрьская, 10а

Тел. (495)543-34-31

e-mail: sgtjournal@mail.ru

www.sgtjournal.ru

© Технологический университет

СОДЕРЖАНИЕ

5.4.4 СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ.....	3
Иванова И.А. Девиантное поведение в контексте миграционных процессов: от классических социологических теорий к актуальным вызовам современности.....	3
Ипатова Л.П., Самаров Е.К., Певзнер В.В. Сравнительный анализ кластеризации данных социологического опроса двумя алгоритмами кластерного анализа	15
Гусева И.И., Кирилина Т.Ю. Микроракурсы социального в движении социально-гуманитарных наук от антропологизации к цифровизации.....	30
5.4.7 СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ	36
Алиев М.Ф. Роль брендинга работодателя в стратегии управления талантами и внедрении цифровых инноваций.....	36
Кирилина Е.А. Планирование и развитие пространств в городских агломерациях: социолого-управленческий аспект	43
Ракович Е.В. Социальная экспертиза управленческих решений: понятие, сущность, основные концепции.....	52
Форостянный Н.В. Целеполагание национальной политики России.....	59
5.3.3 ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГНОМИКА	65
Жарких Н.Г., Костыря С.С. К вопросу о соотношении формально-динамических свойств и коммуникативной компетентности в старшем школьном возрасте	65
Зими́на Е.В. Контент-анализ публикаций об арт-терапии на платформе elibrary.ru: взгляд научного сообщества.....	74
Токарева В.В., Ткач А.В., Христофорова И.В. Дезинформация и манипуляции в социальных сетях.....	82
Точилина Т.В., Шарова О.Л. Психокоррекция как учебный курс на стыке теории и практики	97
5.8.7 МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	104
Крюков А.А. Инженерное мышление как интегральный структурный компонент учебно-познавательной деятельности курсантов	104
Ларионов А.Э., Новичков А.В. Советская педагогика в социально-политических реалиях Великой Отечественной войны: проблемы, стратегии и актуальность опыта	111
Силайчева В.В. Актуальные принципы педагогики И. Канта	118
Федотова Е.А. Формирование информационно-аналитической культуры, критического и аналитического мышления в эпоху цифровизации	124

5.4.4 СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316

ОБ АВТОРЕ:

Иванова Ирина Александровна,
Ведущий клиент-менеджер, АО «Роял Кредит Банк», Хабаровск, Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Ivanova Irina A.,
lead client manager, Joint-stock company «Royal Credit Bank», Khabarovsk, Russia

Иванова И.А.

Девиантное поведение в контексте миграционных процессов: от классических социологических теорий к актуальным вызовам современности

В статье рассматривается девиантное поведение через призму социологических теорий Адольфа Кетле, Франца Фон Листа, Чарльза Кули, Эмиля Дюркгейма, Джорджа Мида, Уолтера Реклесса и других корифеев социологической мысли. Особое внимание уделяется взаимосвязи девиации с современными миграционными процессами. Анализируются классические подходы и их актуальность

в условиях глобальных миграционных вызовов, подчеркивается необходимость пересмотра традиционных взглядов на социальные нормы и отклонения в меняющемся мировом контексте.

Девиантное поведение, миграция, причины девиаций, классические социологические теории.

Для цитирования: Иванова И.А. Девиантное поведение в контексте миграционных процессов: от классических социологических теорий к актуальным вызовам современности // Социально-гуманитарные технологии. 2024. №4 (32). С.3-14.

DEVIANT BEHAVIOR IN THE CONTEXT OF MIGRATION PROCESSES: FROM CLASSICAL SOCIOLOGICAL THEORIES TO CURRENT CHALLENGES OF MODERNITY

Ivanova I.A.

The article applies the method of deviant behavior through the prism of sociological theories of Charles Cooley, Emily Durkheim, George Mead and Walter Reckless and other luminaries of sociological thought. Particular attention is paid to the deviation of relationships with modern migration processes. Classical approaches and their relevance in the context of reducing migration challenges are analyzed, which necessitates revising traditional views on social norms and deviations in the changing world cycle.

Deviant behavior, migration, causes of deviations, classical sociological theories.

For citation: Ivanova I.A. Deviant behavior in the context of migration processes: from classical sociological theories to current challenges of modernity. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2024; 4 (32): 3-14. (In Russ.)

Девиантное поведение как социальный феномен, давно привлекает внимание исследователей в области социологии, психологии и криминологии. С момента зарождения социологической мысли учёные стремились понять, почему одни индивиды или группы отклоняются от установленных социальных норм, а другие следуют им. Разнообразные теории, предложенные классиками социологии, такими как Чарльз Кули, Эмиль Дюркгейм, Джордж Мид и Уолтер Реклесс, предоставляют богатый теоретический фундамент для анализа девиаций, предлагая различные объяснения их природы и механизмов возникновения.

В контексте современных миграционных процессов вопрос девиантного поведения

приобретает особую актуальность. Глобализация и интенсивные миграционные потоки изменяют социальные структуры, вызывая новые формы социальных отклонений, что требует пересмотра традиционных взглядов на девиацию. Миграция, как многоуровневый социальный процесс, часто становится катализатором социальных конфликтов, культурных столкновений и формирования новых форм девиантного поведения.

Настоящая статья направлена на анализ девиантного поведения через призму классических социологических теорий и их применения в условиях современных миграционных вызовов. Рассмотрение этой проблемы позволяет лучше понять, каким образом изменение социальных условий влияет на динамику девиантного поведения и какие меры могут быть приняты для предотвращения и минимизации таких отклонений в изменяющемся мировом контексте.

Социология уделяет особое внимание исследованию взаимосвязи между преступностью и структурными особенностями общества как социального организма. Вопросы, касающиеся природы и роли преступных явлений, остаются предметом активных дискуссий среди социологов, поскольку до сих пор не сложилось единого концептуального подхода к их пониманию.

Универсалист XIX века Адольф Кетле (1796-1864), внесший научный вклад в математику, астрономию, метеорологию, социологию, как и один из ярчайших представителей социологической науки Э. Дюркгейм (1858-1917), был убеждён, что преступность является неотделимой частью любой социальной системы и является естественным отражением глубинных особенностей её организации. Основные труды «Социальная система и законы, ею управляющие», «Социальная физика или опыт исследования о развитии человеческих способностей». Ученый полагал, что наличие патологической сущности в обществе в виде преступности – неизбежная, предопределённая реальность, формирование и развитие которой, обусловлено влиянием ряда социальных объективных факторов, а не индивидуальными чертами личности. Кетле обращал внимание на то, что преступность обладает статистической устойчивостью, что свидетельствует о её системном характере. Он считал, что существует эффективный инструмент, посредством которого можно регулировать уровень преступности в обществе – это последовательное изменение (совершенствование) соответствующих социальных условий жизни людей.

А. Кетле в числе первых представил социологическую концепцию девиантности, основанную на анализе «моральной статистики». Информация о совершенных преступлениях в разных географических точках планеты, полученная из различных источников, включая данные, опубликованные в газетах Франции в 1825 года, в Лондонском издании 1828 года, помогли исследователю сформулировать гипотезу о возможной взаимосвязи между уровнем преступности и «моральным климатом» конкретного региона. Это наблюдение послужило основой для разработки им статистической теории девиантности [4 с.85].

В 1835 году Кетле представил комплексный статистический анализ преступности в ряде европейских стран, включая Бельгию, Францию и Голландию. Он обнаружил связь между уровнем преступности и такими факторами, как климат, пол и возраст, отметив, что насильственные преступления чаще совершаются летом, а кражи – зимой. Это явление он назвал «тепловым законом».

В своём фундаментальном труде «Социальная система и законы, ею управляющие» (1848), Кетле аргументировал существование постоянных законов в обществе, которые определяют взаимосвязь между социальными явлениями. Он выделил ряд факторов, влияющих на формирование преступного поведения, включая окружение, семейные связи, религиозное воспитание и экономические условия. Подобно Карлу Марксу, Кетле подчеркивал роль экономических факторов в детерминации преступности, утверждая, что обнищание неизбежно ведёт к преступному поведению. Кетле принадлежит революционный вывод о неэффективности жёстких репрессивных мер для снижения уровня преступности. Он особо подчеркивал важность исследования объективных закономерностей для реформирования социальной системы [4 с.88].

К достоинствам работ А.Кетле можно отнести факт заложения основ для использования статистических методов в социальных науках. Его идеи стали отправной точкой для развития социологии как науки, где анализ больших объемов данных стал стандартным методом исследования. Также, он продемонстрировал неслучайный характер девиаций, показал, что девиа-

ция подчиняется определенным закономерностям, которые можно изучать и предсказывать, что позволило переосмыслить подходы к управлению социальными проблемами. Концепции Адольфа Кетле оказали влияние на развитие криминологии, показав, что преступность можно анализировать через статистические модели, что открыло возможности для систематического изучения и профилактики преступлений.

Критика концепций исследователя касается в основном опасности редуционизма, не стоит сводить сложные социальные и психологические явления к простым статистическим закономерностям, игнорируя уникальность индивидуального поведения. Из этого следует опасность детерминизма, при котором индивидуальная свобода и ответственность нивелируются в пользу статистических норм. Также должного внимания в работах А. Кетле не было уделено культурным и историческим контекстам, которые могут существенно влиять на формы и выражения девиации, а также на восприятие норм и отклонений в разных обществах. Можно предполагать опасность этических аспектов – практика рассмотрения девиантного поведения исключительно через призму статистики, может привести к негибкому и репрессивному социальному контролю.

Резюмируя вклад Адольфа Кетле в контексте исследования девиантного поведения мигрантов, следует отметить его значительное влияние на развитие социологии и криминологии через использование статистических методов для анализа социальных явлений. Кетле показал, что преступность и девиация подчиняются определенным закономерностям, которые можно предсказать и изучать на основе объективных данных. Его идеи о взаимосвязи между социальными условиями и уровнем девиации могут быть полезны для анализа поведения мигрантов в России, где социальные, экономические и культурные факторы играют важную роль в формировании девиантного поведения. Однако, критика его подходов указывает на необходимость учитывать культурные и исторические контексты, а также уникальность индивидуального поведения мигрантов, чтобы избежать редуционизма и детерминизма, которые могут привести к негибким и неадекватным мерам социального контроля.

Карл Маркс (1818-1883), знаменитый немецкий мыслитель, основоположник марксизма, уделял значительное внимание вопросам девиантного поведения. Он рассматривал преступность с широких позиций антропологии, статистики, а также, через призму социально-политических, особенно классовых, аспектов. Его идеи формировались под влиянием изучения последствий массового разорения крестьянства, процессов становления рабочего класса, на фоне все более углубляющихся и обостряющихся социальных проблем. Эти явления, с одной стороны, сопровождалось голодом и нищетой огромных масс населения в различных странах, а с другой стороны, сопровождалось увеличением концентрации богатств на фоне «зверств первоначального накопления» в руках немногочисленной группы буржуа. Данные условия являются плацдармом неизбежного всплеска преступности. Маркс, выступая за революционные изменения и отмену частной собственности на средства производства, породил конфликтную парадигму в социологии, сформулировав базовые принципы марксистской теории девиантного поведения [4 с.89].

Маркс видел неотделимую сущность преступности от капиталистической общественной модели, утверждая естественное право изолированного индивида воспротивиться господствующей власти буржуазии через нарушение законов, установленных привилегированным классом [7 с.323].

Фридрих Энгельс (1820-1895) рассматривал преступления, например, такие как воровство, как примитивную форму протеста против существующего общественного строя. Малоэффективность этого протеста он объяснял тем, что одиночные действия неизбежно подавляются всей мощью общественной власти [8 с.439]. Энгельс также подчеркивал, что преступления раскрывают истинное положение дел в обществе, преступления – неприкрытое проявление того, что буржуазия скрытно и завуалированно совершает по отношению к людям рабочего класса [8 с.438].

Ф. Энгельс выражает удивление относительно причин безучастности буржуазии в условиях «сгущающихся грозных туч» [8 с.364]. Возможно, одна из причин подобного спокойствия кроется в психологическом аспекте проблематики преступности. Значение имеют и заложенные предрасположенности (не каждый способен преступить закон даже под давлением обстоятельств), и условия среды (при минимальном удовлетворении базовых потребностей и нали-

чии того, что дорого потерять, к кардинальным, резким переменам готовы далеко не многие).

Несомненным достоинством идей К. Маркса и Ф. Энгельса относительно причин девиантного поведения является выделение экономических и классовых факторов, влияющих на поведение людей. Они утверждали, что девиантное поведение часто является результатом неравенства, эксплуатации и отчуждения, присущих капиталистическому обществу. Этот подход помогает понять структурные причины девиации, такие как бедность, социальная несправедливость и неравенство. Их теория предполагает, что девиантное поведение может быть формой протеста или сопротивления против угнетения и эксплуатации. Это важно для анализа девиантного поведения в контексте социальных движений и протестов. Подход ученых позволяет рассматривать девиантное поведение в контексте исторических изменений в социальной структуре. Это позволяет проводить анализ того, как изменения экономических и социальных условий оказывает влияние на формы девиантного поведения.

К недостаткам можно также отнести редукционизм, отрицающий образование эмерджентных свойств системы. Концепция этих исследователей объясняет причины девиантного поведения исключительно экономическим и классовым факторам, игнорируя культурные, психологические и индивидуальные аспекты. Можно отметить недостаток внимания индивидуальным психологическим и культурным аспектам, которые могут играть важную роль в формировании девиантного поведения.

Идеи Маркса и Энгельса могут быть полезны для анализа девиантного поведения мигрантов в России, поскольку они подчеркивают роль социально-экономических условий в формировании девиации. В российском контексте мигранты часто сталкиваются с экономическими трудностями, социальной изоляцией и дискриминацией, что может способствовать девиантному поведению. Марксистский подход помогает выявить структурные причины этих проблем, такие как экономическое неравенство, эксплуатация труда мигрантов и недостаток социальной поддержки.

Однако, при применении этих идей важно учитывать их ограничения, такие как недостаток внимания к культурным и индивидуальным факторам, а также необходимость адаптации марксистской теории к современным условиям и многообразию миграционных процессов в России.

Профессор Берлинского университета, доктор права, специалист в области криминологии Франц фон Лист (1851-1919) в своем Лейпцигском докладе 1889 года выразил фаталистическое убеждение, что преступность является неизбежным компонентом любой социальной системы, аналогичным смерти и болезням в жизни. Лист считал, что даже превентивные меры не могут полностью искоренить преступность, как и достижения в гигиене не могут исключить болезни. Он анализировал преступность через технико-юридический и естественно-научный подходы: первый связан с применением правовых норм к составу преступления, второй – с объяснением преступности через биологические и социологические факторы. Ссылаясь на ранние труды немецких авторов, в представлении которых Бог – «бесконечный и точный арифметик, определяющий судьбы людей по числу, мер и весу», Лист утверждал, что преступные явления предопределены и отражают сложные закономерности, кажущиеся случайными (например, убийства, самоубийства). Эти исследования стали основой для «моральной статистики».

Лист подчеркивал важность комплексного анализа преступности, считая, что она обусловлена как личными качествами, так и общественными условиями, с более значительной ролью внешних факторов. Среди них он выделял экономическое положение, безработицу, низкие заработки и социальную неустроенность, которые препятствуют развитию личности и увеличивают криминогенные риски. Лист полагал, что удовлетворение базовых потребностей более эффективно для снижения преступности, чем усиление карательных мер. Он также выступал за введение института принудительного воспитания беспризорной молодежи, считая, что тюремное заключение разрушает социальные связи и препятствует профессиональному развитию, что ведет к деклассированию и рецидивам преступлений [6].

Неоспоримым достоинством его идей относительно причин девиантного поведения является комплексный подход, учитывающий различные факторы, способствующие преступности и девиантности. Исследователь выделил не только социальные и экономические условия, провоцирующие девиации (бедность, отсутствие образования, социальное неравенство и мар-

гинализация отдельных групп), но особое внимание уделил и психологическим факторам, отмечая, что личностные особенности и психические заболевания существенно влияют на склонность к девиантному поведению. Ученый подчеркивал важность образования и воспитания, справедливо полагая, что индивиды не всегда могут не осознавать важность соблюдения социальных норм и законов. Влияние окружения, включая семью, друзей и социальное окружение, играло важную роль в формировании девиантного поведения, по мнению Листа. Неблагоприятное окружение могло привести к социализации в криминальных практиках. Его труд имеет четко выраженную практическую направленность, что позволяет развивать превентивные меры реформирования уголовного права, с целью снижения уровня преступности путем улучшения социальных условий и воспитания.

В качестве критической оценки концепции Листа можно выделить недостаточное количество уделенного внимания в его теории влиянию культурных различий, что является актуальным вопросом в современном мультикультурном обществе. Также, можно отметить элемент детерминизма его концепции, «неблагоприятные условия неизбежно ведут к девиантному поведению», что игнорирует возможность индивидуального выбора и способности к сопротивлению негативным влияниям.

Однако, идеи Франц фон Листа могут быть исключительно полезны для анализа девиантного поведения мигрантов в России, так как они акцентируют внимание на влиянии социальных и экономических условий, а также на роли правовой культуры и воспитания. В российском контексте мигранты часто сталкиваются с экономическими трудностями, дискриминацией, отсутствием социальной поддержки и проблемами адаптации к правовой системе страны. Эти факторы могут способствовать девиантному поведению.

Применение идей Листа может помочь разработать меры по улучшению условий жизни мигрантов, повышению их правовой культуры и интеграции в российское общество. Это включает в себя программы адаптации, правового обучения и меры по улучшению социально-экономического положения мигрантов, что может снизить уровень девиантного поведения в этой группе.

Французский социолог Эмиль Дюркгейм (1858–1917) в своих работах стремился теоретически обосновать предмет социологии, определив социальные факты как объективные, существующие независимо от индивидов. Эти факты представляют собой коллективные нормы, правила, ценности и институты, которые исторически сложились и определяют поведение людей в обществе, формируя основу социальной жизни. Дюркгейм утверждал, что преступность присутствует во всех обществах и является неизбежным явлением, поскольку тесно связана с условиями существования любого коллектива. Преступность, по его мнению, – нормальное явление, и общество без преступности невозможно [1].

Согласно его концепции, лишь в обществе с устойчивой системой ценностей и норм поведения можно ожидать низкого уровня девиантного, преступного поведения. В ситуации бессилia социальных норм и отсутствия ценностей увеличивается вероятность девиации. Центральное положение теории Дюркгейма, известной как концепция аномии, заключается в том, что социальная дезорганизация является источником девиантного поведения.

В труде «Самоубийство» Дюркгейм подчеркивает, что корень девиации заключается в «безнормности» и социальной аномии. Аномия – это состояние общественной дезорганизации, в котором отсутствуют установленные правила, нормы и ценности, а социальные связи ослаблены. В таких условиях девиантное поведение становится столь же естественным, как и конформность в устойчивом обществе.

С точки зрения Дюркгейма процесс экономического развития сопровождался снижением степени регламентации. Ранее моральные ориентиры дисциплинировали промышленные отношения, а религия поддерживала общественное равновесие, внушая различные идеи разным социальным стратам. Рабочих и бедняков религия призывала к смирению и надежде на посмертное воздаяние, в то время как богатым напоминала о скоротечности жизни и необходимости самоограничения. Однако, этот баланс был нарушен, что привело к хронической аномии. Промышленность перестала быть средством достижения высших целей и стала самоцелью, что породило неограниченное расширение рынков и неутолимую жажду потребления. В такой обстановке индивиду становится труднее переживать кризисы и самоограничения, что объясняет увеличение числа самоубийств в периоды экономических кризисов, когда невоз-

можность удовлетворить потребности становится невыносимой [2, с.240; с.243].

Заслугой Дюркгейма можно признать предложение систематического подхода к изучению девиаций, рассматривая их не как изолированное явление, а как результат взаимодействия социальных структур и норм. Обоснование неизбежной природы девиаций как неотъемлемой части любого общества позволяет принципиально иначе взглянуть на проблему, увидеть возможности стимулирования социальных изменений. Акцентирование внимания на том, что причины девиаций следует искать в социальной структуре, а не в индивидуальных особенностях человека, расширяет понимание проблемы и позволяет искать решения на уровне социальных институтов.

К недостаткам концепции Дюркгейма (как и к концепциям, приведенным выше) можно отнести опасность детерминизма – не следует игнорировать индивидуальные и психологические факторы, личную ответственность и свободу выбора индивидов.

Концептуальные открытия Э. Дюркгейма великолепно резонируют с положением сегодняшнего дня. Концепция аномии может быть полезна для анализа девиантного поведения среди мигрантов, которые сталкиваются с ослаблением или полным отсутствием привычных социальных норм и правил в новой культурной среде. Мигранты могут испытывать дезориентацию и чувство «безнормности», что способствует их вовлечению в девиантное поведение. Применение подхода Дюркгейма позволяет понять, как социальное и экономическое неравенство, с которым сталкиваются мигранты в России, может способствовать росту девиантного поведения. Это может быть связано с дискриминацией на рынке труда, социальными барьерами или неравным доступом к правосудию. Важным является введенное Дюркгеймом понятие коллективного сознания, которое представляет собой совокупность верований и моральных ценностей, разделяемых большинством членов общества. Ослабление коллективного сознания и социальных связей между людьми может привести к росту девиантного поведения, так как индивиды теряют чувство принадлежности к обществу и начинают действовать в своих личных интересах, пренебрегая общественными нормами. Важным аспектом для профилактики девиантного поведения среди мигрантов может стать работа по укреплению коллективного сознания через интеграцию мигрантов в социальные сети титульного населения, усиление культурного обмена и просвещения.

Таким образом, идеи Дюркгейма предоставляют теоретическую основу для понимания причин девиантного поведения среди мигрантов и могут помочь в разработке мер по их социальной адаптации и интеграции, минимизируя криминогенный фактор.

Чарльз Хортон Кули (1864–1929) был американским социологом, чьи идеи о девиантном поведении основывались на его концепции "зеркального Я" и роли первичных групп (семьи, друзей) в формировании личности. Хотя Кули не разрабатывал специальную теорию девиации, его работы о социальных взаимодействиях и процессе формирования самосознания могут быть применены для понимания причин девиантного поведения. Чарльз Кули посвятил свою жизнь изучению социологии в Мичиганском университете, начав свою академическую карьеру в 1892 году и защитив докторскую диссертацию в 1894 году [5, с.7]. Его научные идеи отражали эволюционистский взгляд на исследования социальных проблем, основанный на принципах «Синтетической философии» Герберта Спенсера (1820-1903) и трудах Чарльза Дарвина (1809-1882). Кули утверждал, что естественный отбор в человеческом обществе действует как социальный процесс, который ограничивает крайние отклонения, способствуя выживанию конформных индивидов. Он подчеркивал важность социальной среды в формировании характера человека, утверждая, что наши мысли и чувства формируются обществом, в котором мы живем, а конформность – это ключевой фактор, объединяющий общество в целостную систему [5, с.121].

Кули также указывал, что общество формирует социальное поведение, однако природа человека остаётся неизменной. Он отмечал, что конформность не только ограничивает индивидуальную свободу, но и предотвращает преступность и анархию, способствуя созданию упорядоченного общества. Кули считал, что для достижения наибольшего блага необходимо взаимодействие между человеческой природой и механизмами коммуникации, которые постоянно эволюционируют, повышая свою эффективность [5, с.127].

Так Кули говорит о том, что абсолютного зла не существует, даже использование женского и детского шестнадцатичасового труда в швейных мастерских Нью-Йорка и Лондона,

низкое качество питания работников, плохое состояние воздуха, низкая оплата труда – лишь результат вынужденного принятия ряда решений. Работодатель делает только то, что делают другие, то, что позволяет избежать экономических потерь, действуя из условий торговли. Схожая ситуация имеет место и в области политической коррупции и корыстного союза между экономической элитой и партийными руководителями. Люди, контролирующие богатство, вероятно, не обладают худшими намерениями, чем остальные из нас; они лишь выполняют то, что, по их мнению, требуется для защиты своего имущества. Политик, также как и они, видит, что другие обменивают свою власть на выгоды, и начинает воспринимать это как норму [5, с.143].

Исследователь критиковал механистический подход к организации общества, предлагая заменить его более осозанным и гибким процессом, основанным на принципах, а не на формулах. Он отмечал, что рост интеллектуальной и моральной осведомленности играет ключевую роль в достижении более рационального и справедливого общества, а также что подлинная воля общества формируется через множество социальных институтов и лидеров, а не через централизованное правительство [5, с.144].

Кули, например, сравнивал развитие общества с переходом от сложных пиктографических систем к более простому алфавиту, где каждый элемент оправдан своей функцией и способствует улучшению социальной жизни. В старой системе сохраняется всё, так как не ясно, где заключена добродетель; в новой системе сохраняется только существенное, а лишнее отбрасывается. Не существует единого инструмента, разрешающего все сложности одновременно, необходимо планомерное комплексное развитие во всех сферах социальной жизни. Понимание того, что речь состоит из ограниченного ряда звуков достаточна для перехода от громоздких иероглифов к небольшому числу символов. Они придают языку гибкость, позволяют быть удобным, более изобретательным и разнообразным. Так, современные институты заменяют сложные формулы краткими декларациями принципов, основанными на лучшем понимании человеческой природы, кредо будут утверждать исключительно полезное, а ритуалы останутся только те, которые красивы и назидательны, все будет подчинено функции, полезности, целесообразности [5, с.146].

На основе теоретических положений, предложенных Кули, сформулируем причины девиантного поведения:

1) Зеркальное «Я» – поскольку человеческое самовосприятие формируется на основе того, как, по нашему мнению, нас воспринимают другие. Этот процесс включает три стадии: а) восприятие того, как мы выглядим в глазах других, б) осознание их реакции, и в) эмоциональная реакция на это восприятие. Если человек воспринимает себя как отвергнутого или неправильно понятым, это может привести к девиантному поведению как ответной реакции на такое восприятие.

2) Влияние первичных групп – как семья и близкие друзья играют колоссальную роль в формировании личных норм и ценностей. Если в этих группах существуют дисфункциональные отношения или отсутствие поддержки, то это может привести к девиации, поскольку индивид будет искать признания или безопасности в других, возможно, асоциальных группах.

3) Социальная изоляция – изоляция, отвержение может способствовать развитию девиантного поведения как способа привлечения внимания или создания нового круга общения. Мигранты, в частности, которые не могут интегрироваться в новое общество, могут быть особенно уязвимы для социальной изоляции.

Заслуга Кули в том, что ему удалось предложить ценное понимание того, как межличностные взаимодействия и восприятие других влияют на формирование личности и поведения. Это помогает понять, как и почему люди могут начать действовать вразрез с социальными нормами. Его концепция зеркального «Я» объясняет, как негативное восприятие со стороны общества может привести к девиации. Это особенно полезно для понимания, как стереотипы и стигматизация могут способствовать отклоняющемуся поведению. Кули подчеркивает роль семьи и друзей в формировании личности и поведения, что открывает возможности для ранней коррекции поведения в случаях потенциальной девиации.

К недостаткам можно отнести сосредоточенность на микросоциальных процессах, игнорирование широких социальных структур, таких как, экономика, политика, культура. У Ч.Кули отсутствует полноценно разработанная целостная теория девиации. Его идеи больше сосредото-

точены на социальном взаимодействии, чем на специфических причинах отклоняющегося поведения. Концепция Кули не учитывает возможное влияние биологических и психологических факторов на девиантное поведение, что ограничивает её применение в случаях, когда такие факторы играют ключевую роль.

Тем не менее, идеи исследователя о социальной изоляции и её влиянии на поведение могут помочь понять, почему и как мигранты, сталкивающиеся с трудностями интеграции, могут стать более склонными к девиации. Это подчеркивает важность создания инклюзивных сообществ и программ социальной поддержки для мигрантов. Концепция «зеркального Я» может быть использована для анализа того, как стереотипы и стигматизация мигрантов в обществе могут способствовать их отклоняющемуся поведению. Работы по изменению общественного восприятия мигрантов и борьба с дискриминацией могут помочь снизить уровень девиации среди мигрантов. Поддержка первичных групп, семей и социальных сетей мигрантов может быть эффективной мерой профилактики девиации. Программы, направленные на укрепление семейных связей и содействие интеграции мигрантов в общество, могут помочь снизить риски девиантного поведения. Средства на реализацию мер поддержки предполагается находить через оптимизацию системы налогообложения, введение целевых налогов и сборов для компаний, активно использующих труд мигрантов, с последующим направлением этих средств на интеграционные программы. Введение налоговых льгот, мотивирующих бизнес тех участников рынка, кто активно участвует в поддержке и интеграции мигрантов. Но это тема из сферы интересов исследователей экономических наук.

Джордж Герберт Мид (1863–1931), американский философ, психолог и социолог, представитель Чикагской социологической школы и символического интеракционизма, сосредоточился на изучении формирования «Я» в социальной реальности. Он утверждал, что индивидуальный разум существует только через взаимодействие с другими, а восприятие себя через других является необходимым для возникновения «Я». В рамках прагматизма, реальность создаётся индивидами через их действия, а сознание и действия рассматриваются как единый процесс. Мид подчеркивал, что человеческая коммуникация формируется через постоянное взаимное принятие ролей участниками взаимодействия [9, с.241]. Процесс социализации трансформируется от простой интернализации норм и ценностей к способности эффективно принимать роли других. Социальный контроль становится вопросом самоконтроля, а социальные изменения – результатом непрерывного процесса внутри человеческих групп, а не внешних воздействий. Групповая жизнь всегда характеризуется незавершенностью и постоянным развитием [9, с.298].

В 1960-е годы теория Мида стала основой для критики Толкотта Парсонса (1902–1979), одного из ведущих американских социологов. Мид утверждал, что действующий субъект обладает свободой воли и формирует реальность через взаимодействие, тогда как Парсонс считал, что субъект лишь адаптируется к существующему социальному порядку. Для Парсонса рефлексивное и изменчивое «Я» является признаком девиантности, тогда как для Мида оно служит источником социальных изменений, включая свободу действий в социальный порядок [10, с.223].

По мнению автора, каждый из исследователей по-своему прав. Не существует человека, способного воплотить в себе все свойства общества как его абсолютный собирательный образ. Более конформные люди, вероятно, следуют подходу Парсонса, адаптируясь к условиям среды и являясь продуктом своего времени. В то же время, люди с девиантной предрасположенностью, усваивая нормы существующей среды, способны создавать новые нормы и постепенно изменять окружающую среду, предлагая актуальные сегодняшнему дню ответы, что соответствует представлениям Мида.

Концепция социального взаимодействия и интерпретации символов позволяет объяснить девиантное поведение через существование различных интерпретаций и значений, которые люди придают социальным символам и нормам. Например, мигранты могут воспринимать определенные нормы поведения иначе, чем титульное население, что может приводить к конфликтам и девиации. Роль «значимого другого» высока в процессе формирования «Я». Девиантное поведение может возникать, если индивид идентифицирует себя с группами или людьми, которые придерживаются норм, отличающихся от общественных. Ролевое поведение также оказывает влияние на становление личности. Мид подчеркивал, что поведение челове-

ка определяется ролями, которые он принимает в обществе. Если мигранты не могут интегрироваться в принимающее общество и принять его роли, это может привести к девиантному поведению, поскольку они могут следовать ролям, принятым в их исходной культуре, но не соответствующим нормам нового общества.

Достоинством концепции Мида является фокус на процессе социализации. Герберт Мид подчеркивает важность социализации и взаимодействия для формирования поведения, что делает ее особенно полезной для понимания адаптации мигрантов в новом обществе. Работа автора уделяет внимание субъективному характеру восприятия действительности. Люди по-разному воспринимают и интерпретируют нормы и символы, что позволяет более глубоко понять причины девиантного поведения на уровне индивидуального восприятия. Теория обладает гибкостью, способна анализировать девиации в зависимости от контекста и среды, в которой находится индивид, что особенно важно при изучении поведения мигрантов, сталкивающихся с различиями культурных норм.

К недостаткам отнесем, во-первых, игнорирование экономических и структурных факторов (таких как бедность, социальное неравенство, дискриминация и т.п.), которые могут оказывать значительное влияние на девиантное поведение, и, во-вторых, высокую степень абстрактности теории, обобщенность, что затрудняет применение ее на практике для разработки конкретных мер по предотвращению девиантного поведения.

В целом, труды Мида полезны в акцентировании внимания на необходимости проведения социализации мигрантов. Концепция Мида может помочь в разработке программ, направленных на адаптацию мигрантов к новым социальным ролям и понимание символов и норм принимающего общества. Важно уделять внимание конкретным лидерам внутри мигрантских сообществ, авторитетное мнение которых может влиять на формирование норм и поведения в этих группах. Концепция Мида потенциально способна помочь в профилактике конфликтов, возникающих на основе культурных различий. Это возможно посредством создания программ по межкультурному диалогу и взаимопониманию, которые учитывают субъективное восприятие норм и символов различными группами.

У. Реклесс (1899–1988), американский социолог, разработал теорию социальной изоляции и контроля, которая объясняет причины девиантного поведения через взаимодействие между внутренними и внешними механизмами контроля. Как сторонник теории контроля, он пытался найти причины существования делинквентного поведения через исследование конформности. Автор утверждал, что существует два механизма, удерживающие индивидов от совершения противоправных действий: внутренний самоконтроль (воля, самодисциплина) и внешнее социальное давление (нормы, институты). Эти механизмы способствуют предотвращению девиантного поведения [13].

Теория контроля акцентирует внимание на том, почему люди воздерживаются от преступлений, а не на их причинах. Реклесс выделил пять ключевых показателей внутреннего контроля: позитивная самооценка, приверженность законным целям, постановка достижимых целей, устойчивость к фрустрации и законопослушность [11].

Реклесс утверждал, что общество контролирует поведение индивидов через внешние механизмы контроля, такие как социальные нормы, законы, общественное мнение и действия социальных институтов (семья, школа, полиция). Нарушение или ослабление этих механизмов может привести к девиантному поведению. Внутренний контроль включает самодисциплину, моральные убеждения, самооценку и способность к саморегуляции. Если индивид обладает сильными внутренними механизмами контроля, он менее склонен к девиации, даже при ослабленном внешнем контроле. Девиантное поведение может возникнуть в результате социального окружения, которое поощряет девиацию, или изоляции индивида от положительного влияния общества. Изоляция от общества и положительных ролевых моделей увеличивает вероятность девиантного поведения.

Теория Реклесса развивает комплексный подход к пониманию девиации, учитывая как внешние, так и внутренние факторы, что позволяет более полно анализировать причины девиантного поведения. Концепция Реклесса может быть применена к разным социальным группам, включая мигрантов, поскольку она учитывает как индивидуальные, так и социальные факторы, влияющие на поведение. Реклесс подчеркивал важность укрепления внутренних и внешних механизмов контроля для предотвращения девиантного поведения, что, полагаю,

делает его теорию полезной для разработки программ профилактики девиации.

Концепция Реклесса структурно упорядочена, но стоит иметь в виду недостаточную степень учета в ней влияния социально-экономических условий, таких как бедность, неравенство и дискриминация, которые могут существенно влиять на девиантное поведение. В этой связи его концепция имеет ограниченную объяснительную силу в контексте сложных социальных систем. Другими словами, она может быть менее эффективной для анализа сложных и многофакторных случаев девиации, где требуется учет более широкого спектра факторов, включая культурные, политические и исторические контексты.

Тем не менее, теория Реклесса может быть использована для укрепления внутренних механизмов контроля, а именно, разработки программ, направленных на повышение самоконтроля среди мигрантов, таких как программы образования, повышения самооценки и интеграции в общество. Теория Реклесса применима и для развития внешних механизмов контроля тоже. Наличие сильных внешних механизмов контроля, таких как эффективная правовая система, социальная поддержка, контроль со стороны институтов (например, школы и работы) важно для профилактики девиантного поведения среди мигрантов. Кроме того, на основе идей Реклесса можно разработать комплексные меры, направленные на предотвращение изоляции мигрантов и укрепление их связей с принимающим обществом, что поможет снизить вероятность девиантного поведения.

Использование концепции Уолтера Реклесса может помочь в создании комплексных программ, которые учитывают важность как внутреннего, так и внешнего контроля для профилактики девиантного поведения среди мигрантов в России.

Гэри Стэнли Беккер (1930–2014), американский экономист и лауреат Нобелевской премии по экономике, разработал экономическую теорию девиантного поведения, известную как теория рационального выбора. Он предложил рассматривать преступление и девиацию как результат рационального выбора, где индивид взвешивает потенциальные выгоды и риски.

Интерес Гэри Стэнли Беккера к криминологии возник случайно, когда он однажды опаздывал и рационально оценил риск получить штраф за незаконную парковку, сравнив его с ценой платной стоянки. Это подтолкнуло его к мысли, что преступники также принимают рациональные решения, оценивая выгоды и издержки. В отличие от традиционных взглядов, связывающих преступность с психическими отклонениями или социальным неравенством, Беккер предположил, что преступники, как и государство, взвешивают выгоды и риски. Его модель криминального поведения подчеркивает ключевые факторы: ожидаемую выгоду, суровость наказания, вероятность его получения и склонность к риску [12, 147].

Н.В. Киреев выделяет ключевые положения криминологической теории Беккера:

- Ожидаемая выгода от преступления стимулирует криминальную активность, независимо от склонности к риску, при этом рост законных доходов снижает склонность к преступлениям;

- Склонность к преступлениям обратно пропорциональна тяжести и вероятности наказания;

- Эффект от увеличения тяжести и вероятности наказания варьируется в зависимости от отношения к риску. Для склонных к риску людей важнее вероятность наказания, чем его суровость, что подтверждается эмпирическими данными. Те, кто нейтрален к риску, реагируют на оба фактора, тогда как не склонные к риску избегают преступлений при значительных наказаниях, даже при низкой вероятности разоблачения [3, 149].

Данные выводы позволили рассматривать преступников как рациональных людей, стремящихся к максимизации выгоды в условиях ограниченных ресурсов, что устранило моральную оценку их действий.

Достоинством концепции Беккера является то, что он рассматривает девиантное поведение как осмысленный и рациональный выбор, что позволяет разрабатывать целевые меры по его предотвращению через изменение экономических стимулов и санкций. Теория Беккера учитывает важность экономических условий, таких как бедность и безработица, что делает ее особенно актуальной в контексте социально-экономического анализа девиации. Концепция может быть применена к различным формам девиантного поведения, от мелких преступлений до крупномасштабных экономических преступлений, благодаря своему универсальному подходу.

При всех достоинствах, теория ограниченно учитывает иррациональные факторы, например, не учитывает эмоциональные, психологические и культурные факторы, которые могут влиять на поведение индивида. Девиация не всегда является результатом рационального выбора. Модель рационального выбора иногда упрощает сложные социальные процессы, сводя их к вопросу о выгоде и издержках, что может быть недостаточно для объяснения многофакторных причин девиации.

С практической точки зрения, в контексте рассмотрения миграционных проблем теория Беккера может быть использована для разработки экономических программ, направленных на улучшение положения мигрантов, таких как создание рабочих мест и предоставление социальной поддержки, что снизит стимулы для девиантного поведения. Концепция рационального выбора подчеркивает важность жестких санкций и высокого уровня контроля. Это может включать усиление миграционного контроля, строгий надзор за соблюдением законов мигрантами и повышение наказания за возможные преступления. Используя идеи Беккера, можно проводить информационные кампании среди мигрантов, разъясняя последствия нарушений закона и преимущества соблюдения правил, что может служить превентивной мерой.

Концепция Гэри Беккера может быть полезна для разработки экономических и правовых стратегий, направленных на снижение девиантного поведения среди мигрантов в России, через создание условий, при которых рациональный выбор будет склонять их в сторону законопослушного поведения.

Таким образом, совокупность рассмотренных социологических теорий предоставляет расширенное понимание природы девиантного поведения среди мигрантов, что позволяет провести более глубокий и всесторонний анализ причин возникновения этого феномена. Концепции, предложенные классическими и современными авторами, демонстрируют, что девиации среди мигрантов не могут быть объяснены исключительно с позиции одного фактора; напротив, девиации представляют собой результат сложного взаимодействия экономических, социальных и культурных переменных.

Анализ различных теорий подчеркивает необходимость использования многоаспектного и междисциплинарного подхода, который учитывает как макроуровневые структурные условия (такие как экономическое неравенство, социальная стратификация и культурная дезинтеграция), так и микросоциологические процессы (включающие личные взаимодействия, восприятие мигрантами своей идентичности и влияния стигматизации). В современных условиях глобальной миграции, когда мигранты сталкиваются с различными культурными нормами и системами ценностей, особенно важно развивать и внедрять адаптационные механизмы, направленные на эффективную социальную интеграцию.

Такие механизмы и программы должны учитывать специфику миграционных потоков и быть направлены на снижение социальной напряженности, предупреждение криминализации и девиантного поведения среди мигрантов, а также способствовать укреплению социальной сплоченности и гармонии в принимающем обществе. Применение комплексного подхода в изучении девиации среди мигрантов открывает возможности для разработки более эффективных политик и практик, направленных на создание условий для их успешной интеграции и, как следствие, на снижение уровня социальной девиации в целом.

Литература:

1. Дюркгейм Э. *Норма и патология // Социология преступности. М., 1966. С. 39—40*
2. Дюркгейм, Э. *Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм ; переводчик А. Н. Ильинский ; под редакцией Н.Никитенко — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 512 с. — (Антология мысли). — ISBN 978-5-17-118926-6. С. 240 – 242*
3. Киреев Н.В. *Моделирование преступного поведения в экономической теории // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. С. 91–95.*
4. Комлев Ю.Ю. *Теории девиантного поведения. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2014*
5. Кули Ч.Х. *Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социальной психологии; Сост. и переводчик В. Г. Николаев; Отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2019. – 234 с. – (Сер.: Теория и история социологии)*
6. Лист Ф. *Преступление как социально-патологическое явление. СПб., 1900*
7. Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология// К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч.Т.3.М.,1955*
8. Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.Т. 2.М.,1955.С.364*

9. Мид Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В. Г. Николаев. Отв. ред. Д. В. Ефременко. — М., 2009. — 290 с. (Сер.: Теория и история социологии)
10. Парсонс Т. СИСТЕМА СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ Перевод с английского канд ист. наук Л.А. Седова и канд. философ, наук А.Д. Ковалева Научный редактор перевода М.С. Ковалева Аспект пресс Москва 1998
11. Щербаков, Г. В. Развитие научных взглядов на преступное поведение: к социальному научению через теории психодинамики, социального окружения и дифференциальной ассоциации / Г. В. Щербаков, И. В. Лаврентьева // Прикладная юридическая психология. — 2020. — № 3(52). — С. 6–18. — DOI : 10.33463/2072- 8336.2020.3(52).006-018
12. Becker Gary S. *The Economic Way of Looking at Life*. Stockholm, 1992. P. 41
13. Reckless, W. *The Crime Problem* / W. Reckless. — N.Y.: Appleton Century-Crofts, 1955. — 198 p.

ОБ АВТОРАХ:**Ипатова Лариса Петровна,**

кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры математики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, СПбГМТУ, Санкт-Петербург, Россия.

Самаров Евгений Кимович,

доктор технических наук, заведующий кафедрой математики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, СПбГМТУ, Санкт-Петербург, Россия.

Певзнер Виталий Владимирович,

старший преподаватель кафедры математики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, СПбГМТУ, Санкт-Петербург, Россия.

ABOUT THE AUTHORS:**Ipatova Larisa P.,**

PhD of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Mathematics Department, Saint-Petersburg State Marine Technical University, Saint-Petersburg, Russia

Samarov Evgene K.,

Doctor of Engineering Sciences, Head of the Mathematics Department, Saint-Petersburg State Marine Technical University, Saint-Petersburg, Russia

Pevzner Vitaliy V.,

Senior Lecturer of the Mathematics Department, Saint-Petersburg State Marine Technical University, Saint-Petersburg, Russia

Ипатова Л.П., Самаров Е.К., Певзнер В.В.

Сравнительный анализ кластеризации данных социологического опроса двумя алгоритмами кластерного анализа

Кластеризация данных при изучении особенностей различных социальных групп является одной из основных задач, которые ставят исследователи при обработке данных социологических опросов. В работе проводится сравнение результатов кластеризации, полученных двумя алгоритмами кластерного анализа. В работе использовались данные нескольких социологических опросов.

Кластерный анализ, кластеризация, социологический опрос.

Для цитирования: Ипатова Л.П., Самаров Е.К., Певзнер В.В. Сравнительный анализ кластеризации данных социологического опроса двумя алгоритмами кластерного анализа // Социально-гуманитарные технологии. 2024. №4 (32). С. 15-29.

COMPARATIVE ANALYSIS OF SOCIOLOGICAL SURVEYS CLUSTERIZATION DATA BY TWO CLUSTER ANALYSIS ALGORITHMS

Ipatova L.P., Samarov E.K., Pevzner V.V.

Clustering data when studying the characteristics of various social groups is one of the main tasks that researchers set when processing sociological survey data. The paper compares the clustering results obtained by two cluster analysis algorithms, which were obtained by processing data from two sociological surveys.

Cluster Analysis, Clusterization, Sociological Survey.

For citation: Ipatova L.P., Samarov E.K., Pevzner V.V. Comparative analysis of sociological surveys clusterization data by two cluster analysis algorithms. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2024; 4 (32): 15-29. (In Russ.)

Введение

В настоящее время в кластерном анализе существует несколько алгоритмов кластеризации данных [1, 2, 5]. В этой связи представляет интерес исследовать результаты кластеризации, полученные двумя различными алгоритмами кластерного анализа при обработке данных двух социологических опросов.

На первом этапе изучались ответы респондентов на вопросы анкеты «Эффективность цифрового обучения». Анкетирование было проведено кафедрой философии и социологии СПбГМТУ [3]. На втором этапе в качестве исследуемой выборочной совокупности использовались результаты анкетирования, проведенного среди сотрудников АО «ЦМКБ «АЛМАЗ» по теме «Функционирование производственной системы (ПС)» [4].

1. Основные понятия теории распознавания образов

Обработка и анализ многомерных данных предполагает, что любой изучаемый объект может быть описан рядом выбранных характеристик, которые могут быть оцифрованы и записаны в виде n -мерного вектора [1]. Образом объекта является набор измеряемых и исследуемых признаков этого объекта, совокупность которых есть координаты вектора образа в n -мерном пространстве.

В социологии при анализе ответов респондентов на вопросы анкеты предполагается, что образом является n -мерный вектор, который включает в себя ответы отдельного респондента. Исследование результатов социального анкетирования во многих случаях связано с выделением определенных социальных групп респондентов, которые образуют кластер. Выделение кластеров и исследование их среднестатистических особенностей является одной из приоритетных задач в социологических исследованиях.

Центр кластера – это вектор, координатами которого являются среднестатистические характеристики респондентов данного кластера.

Результатами кластеризации являются следующие характеристики кластеров: таблица распределения образов по кластерам, таблица координат центров, матрица расстояний между центрами, количество образов в кластерах, общая дисперсия кластеров, а также дисперсии по каждой компоненте каждого кластера. Эти характеристики позволяют оценить статистическую значимость кластеров, координаты их центральных векторов, плотность, форму и степень изолированности кластеров.

Кластеризация данных проводилась на основе использования двух основных алгоритмов кластерного анализа: алгоритма «максиминного расстояния» и алгоритма « k -групповых средних» [1, 2, 5].

Алгоритм « k -групповых средних» основан на принципе минимума расстояния между образами одного кластера, а также на том, что разброс образов в кластерах относительно своих центров должен быть минимальным. Однако, чтобы выполнить такую задачу, требуется в начале алгоритма задать количество кластеров, на которое необходимо разделить выборочную совокупность исходных образов.

Алгоритм «максиминного расстояния» также основан также на принципе минимума расстояния между образами одного кластера, и отличается тем, что в этом алгоритме используется еще и принцип максимума расстояния между центрами кластеров. Алгоритм сам определяет число кластеров, на которое можно разделить исходную выборку образов, однако разброс образов относительно своих центров может быть достаточно велик. Поэтому в полученных кластерах наблюдается анизотропия в распределении образов.

Для кластеризации образов в обоих алгоритмах используется функция расстояния. Это наиболее естественный инструмент классификации, так как расстояние между образами является наиболее характерным признаком близости образов между собой.

Под функцией расстояния мы будем понимать декартово расстояние между точками некоторого n -мерного пространства. Для двух векторов (x_1, x_2, \dots, x_n) и (y_1, y_2, \dots, y_n) функцию расстояния можно записать так:

$$D = |\vec{x} - \vec{y}| = \sqrt{(x_1 - y_1)(x_1 - y_1) + \dots + (x_n - y_n)(x_n - y_n)} = \sqrt{(\mathbf{x} - \mathbf{y})'(\mathbf{x} - \mathbf{y})}.$$

Рассмотрим свойства и способы реализации классификаторов, работающих на основе критерия минимума расстояния [5]. Пусть образы в некотором пространстве имеют тенденцию к группировке, а каждый класс образов может характеризоваться своим центром. Обозначим M – количество классов, векторы $\mathbf{z}_1, \mathbf{z}_2, \dots, \mathbf{z}_M$ – центры классов, тогда расстояние между произвольным образом \mathbf{x} и центром можно записать в виде:

$$D_i = |\vec{x} - \vec{z}_i| = \sqrt{(\vec{x} - \vec{z}_i)'(\vec{x} - \vec{z}_i)}.$$

Вначале вычисляются все D_i , затем зачисляют в тот класс, для которого расстояние от центра до образа будет наименьшим, т.е., если $D_i < D_j$, то принадлежит i -му классу ($i \neq j$).

Основная особенность классификаторов, созданных по принципу минимума расстояния, заключается в том, что они способны находить в заданном наборе образов их скопления или выделять кластеры образов, а затем определять центры этих выявленных кластеров.

2. Кластеризация ответов на вопросы анкеты по теме «Эффективность цифрового обучения»

2.1. Первый этап обработки анкеты

Для изучения отношения студентов к новой форме обучения, которая была реализована в условиях пандемии в 2020–2021 гг. в СПбГМТУ на базе Центра дистанционного обучения Информационной системы Университета (ИСУ), были использованы результаты анкетирования студентов СПбГМТУ по теме «Эффективность цифрового обучения» [3]. В опросе участвовало 729 человек.

На первом этапе для исследования были отобраны 313 респондентов, которые на 11-й вопрос анкеты (Какие недостатки обучения Вы можете перечислить?) выбрали ответ: «плохая социализация, отсутствие группового взаимодействия». Кластеризация этой выборочной совокупности респондентов проводилась по ответам на *шесть* вопросов анкеты с номерами вопросов 7, 8, 18, 21, 22, 27 [3].

Процесс кластеризации начинался с использования алгоритма «максиминного расстояния» для оценки возможного количества существующих кластеров данной выборочной совокупности. Данный алгоритм выделил три кластера, количество образов в которых было статистически значимым и равнялось 159, 81, 73 респондентам (см. рис. 1 и в табл.1). Координаты центров полученных кластеров являются среднестатистическими ответами респондентов каждого кластера на шесть вопросов анкеты (7, 8, 18, 21, 22, 27)

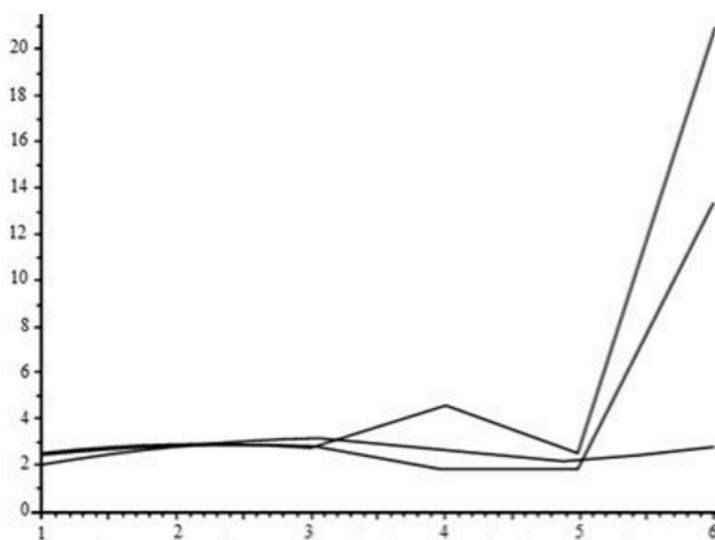

Рисунок 1. Зависимость координат центров кластеров от порядкового номера вопроса

Таблица 1. Среднестатистические ответы респондентов (координаты центров) для трех кластеров, полученных с помощью алгоритма «максиминного расстояния»

Порядковый номер вопроса	Номер вопроса анкеты	Номер кластера / кол-во образов (респондентов) в кластере		
		1 / 159	2 / 81	3 / 73
		Координаты центров кластеров		
1	7	2.0	2.3	2.3
2	8	2.7	2.8	2.8
3	18	2.8	2.7	3.1

4	21	1.8	4.4	2.5
5	22	1.8	2.2	3.1
6	27	13.3	20.8	2.7

Составим матрицу расстояний. В первой строке матрицы записаны расстояния между центром первого и всех остальными кластерами, во второй – между вторым и всеми остальными центрами, в третьей – между третьим и остальными центрами:

$$\begin{pmatrix} 0 & 13.7 & 11.7 \\ 13.7 & 0 & 22.3 \\ 11.7 & 22.3 & 0 \end{pmatrix}.$$

Наибольшее расстояние наблюдается между центрами второго и третьего кластеров, наименьшее – между центрами первого и третьего кластеров.

Следует также отметить, что важнейшими *разделительными* признаками стали ответы на вопросы 21 и 27 – о *факультете и направлении обучения*.

Увеличивая количество кластеров, можно детализировать результат полученной кластеризации. Дальнейшая кластеризация проводилась методом «*k-групповых средних*», для которой задавалось число кластеров, равное пяти (см. табл. 2). Возможность задавать желаемое количество кластеров в этом методе позволяет более детально изучить особенности кластеризации изучаемой выборки. Выбор числа кластеров является субъективным решением, которое может определяться дополнительными знаниями или задачами исследователя.

Таблица 2. Координаты центров кластеров для пяти полученных кластеров

Порядковый номер вопроса	Номер вопроса	Номер кластера / кол-во образов в кластере				
		1 / 80	2 / 31	3 / 44	4 / 78	5 / 80
		Координаты центров кластеров				
1	7	1.9	2.1	2.5	2.2	2.2
2	8	1.6	2.9	5.0	2.6	2.7
3	18	2.7	2.4	3.4	2.5	3.1
4	21	1.6	2.5	1.4	4.7	2.4
5	22	1.8	2.1	1.8	2.2	2.1
6	27	14.7	9.8	14.8	21.0	2.9

Использование алгоритма «*k-групповых средних*» для случая, когда количество кластеров было увеличено до пяти привело к важному результату: разделительными факторами (или признаками) здесь стали ответы на вопросы 7 (удовлетворенность организацией и техническими возможностями обучения в дистанционном формате), 8 (оценка работы преподавателей), 21 (факультет) и 27 (направление обучения). Наиболее значимыми разделительными признаками стали ответы на вопросы 27 и 8. Вопрос 27 – это вопрос о направлении обучения. На его разделительную роль показывает разброс центров кластеров, превосходящий аналогичные значения для других вопросов. Однако важную роль в этой кластеризации играет и вопрос 8. Более того, этот вопрос разделил респондентов, обучающихся по одному направлению, на два кластера. Ими оказались респонденты первого и третьего кластеров. Это указывает на то, что два разделительных признака (ответы на вопросы 8 и 27) являются *независимыми*.

2.2. Второй этап обработки анкеты

Кластеризация *первого этапа* показала, что важным разделительным признаком является ответ на вопрос 21 о факультете обучения.

Вторым этапом исследования стала кластеризация ответов респондентов, обучающихся на *разных факультетах*. Разберем особенности кластеризации этого этапа для выборочных

совокупностей респондентов трех выбранных факультетов, результаты кластеризации которых показали ряд существенных различий [3]. Для детального анализа особенностей этих групп респондентов были отобраны ответы на 20 вопросов, которые предполагали выбор только одного ответа (номера вопросов 1, 2, 3, 6, 7, 8, 12, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 27).

2.2.1. Результаты обработки ответов 153 респондентов факультета кораблестроения и океанотехники (ФКиО)

Алгоритмом «максиминного расстояния» были выделены три кластера, включающие в себя 128, 29 и 6 респондентов (см. рис. 2 и в табл. 3). Основными *разделительными* признаками стали ответы на вопросы 7, 8, 18 и 27. *Первый* кластер оказался *самым статистически значимым*, он включил в себя наибольшее число респондентов.

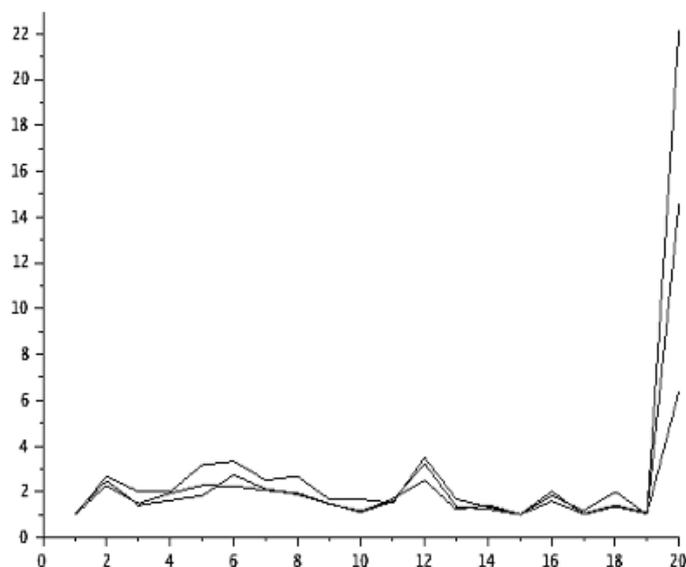

Рисунок 2. Координаты центров кластеров, полученных в результате кластеризации ответов респондентов ФКиО с помощью алгоритма «максиминного расстояния»

Таблица 3. Результаты кластеризации ответов респондентов ФКиО методом «максиминного расстояния»

Порядковый номер вопроса	Номер вопроса	Номер кластера / кол-во образов в кластере		
		1 / 128	2 / 29	3 / 6
		Координаты центров кластеров		
1	1	1.1	1.0	1.0
2	2	2.5	2.3	2.7
3	3	1.4	1.5	2.0
4	6	1.6	1.9	2.0
5	7	1.8	2.3	3.2
6	8	2.7	2.2	3.3
7	12	2.1	2.1	2.5
8	13	1.9	1.9	2.7
9	14	1.5	1.5	1.7
10	16	1.2	1.1	1.7
11	17	1.7	1.6	1.5
12	18	2.5	3.2	3.5
13	19	1.2	1.3	1.7
14	20	1.4	1.2	1.3
15	21	1.0	1.0	1.0
16	22	2.0	1.6	1.8
17	24	1.0	1.0	1.2
18	25	1.4	1.4	2.0
19	26	1.0	1.1	1.0

20	27	14.6	6.4	22.2
----	----	------	-----	------

Для детального изучения особенностей кластеризации ответов был использован алгоритм «*k-групповых средних*» с количеством кластеров, равным пяти (см. табл. 4).

Важным результатом этой кластеризации стало то, что самый многочисленный кластер, выделенный алгоритмом «*максиминного расстояния*», разделился на три кластера. Ими оказались кластеры 1, 2 и 4. Разберем особенности ответов респондентов этих трех кластеров. В кластеризации с помощью алгоритма «*k-групповых средних*» по-прежнему самыми значимыми разделительными признаками оказались ответы на вопросы 8 и 18.

Матрица расстояний между пятью выделенными центрами имеет вид

$$\begin{pmatrix} 0 & 3.5 & 7.8 & 2.4 & 5.8 \\ 3.5 & 0 & 8.2 & 4.2 & 5.7 \\ 7.8 & 8.2 & 0 & 8.4 & 13.2 \\ 2.4 & 4.2 & 8.4 & 0 & 6.0 \\ 5.8 & 5.7 & 13.2 & 6.0 & 0 \end{pmatrix}.$$

Анализ матрицы расстояний показывает, что расстояние между центрами кластеров, респонденты которых имеют одно направление обучения, являются наименьшими. Наименьшее расстояние оказалось между центрами первого и четвертого кластеров.

Таблица 4. Результаты кластеризации ответов респондентов факультета кораблестроения и океанотехники методом «*k-групповых средних*»

Порядковый номер вопроса	Номер вопроса	Номер кластера / кол-во образов в кластере				
		1 / 29	2 / 36	3 / 29	4 / 42	5 / 17
		Координаты центров кластеров				
1	1	1.0	1.0	1.0	1.1	1.0
2	2	2.5	2.5	2.3	2.4	2.8
3	3	1.2	1.7	1.5	1.3	1.5
4	6	1.6	1.9	1.9	1.4	1.8
5	7	1.8	2.2	2.3	1.4	2.5
6	8	1.6	4.9	2.2	1.4	3.5
7	12	2.5	2.3	2.1	1.7	2.2
8	13	2.2	2.0	1.9	1.4	2.5
9	14	1.4	1.5	1.5	1.4	1.6
10	16	1.1	1.2	1.1	1.1	1.4
11	17	1.7	1.8	1.6	1.5	1.6
12	18	3.3	3.1	3.2	1.3	3.1
13	19	1.3	1.4	1.3	1.0	1.4
14	20	1.3	1.5	1.2	1.3	1.7
15	21	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0
16	22	1.8	2.2	1.6	2.1	1.7
17	24	1.0	1.0	1.0	1.0	1.1
18	25	1.3	1.3	1.4	1.5	1.4
19	26	1.1	1.0	1.0	1.0	1.1
20	27	14.0	14.0	6.4	14.4	19.5

2.2.2. Результаты обработки ответов 93 респондентов факультета цифровых промышленных технологий (ФЦПТ)

В результате кластеризации с помощью алгоритма «*максиминного расстояния*» были выделены снова три кластера (рис. 3, табл. 5). *Самым статистически значимым является первый кластер*, включающий в себя 81 респондента. Объем выборочных совокупностей второго (3 респондента) и третьего (9 респондентов) кластеров не является статистически значимым.

Важной особенностью кластеризации респондентов этого факультета является то, что количество разделительных факторов возросло. К ним можно отнести ответы на вопросы 2, 7, 8, 13, 18, 22. Второй особенностью можно считать то, что алгоритм «максиминного расстояния» разделил респондентов этого факультета по курсам (22 вопрос). Первый кластер включил в себя представителей старших курсов, второй объединил представителей первого и второго курса, а третий кластер объединил первокурсников.

Матрица расстояний между центрами имеет вид

$$\begin{pmatrix} 0 & 19.3 & 11.0 \\ 19.3 & 0 & 11.2 \\ 11.0 & 11.2 & 0 \end{pmatrix}.$$

Анализ матрицы расстояний показывает, что наиболее удалены центры первого и второго кластеров. Наименьшее расстояние – между вторым и третьим кластерами. Отсюда можно сделать вывод, что ответы студентов младших и старших курсов различны.

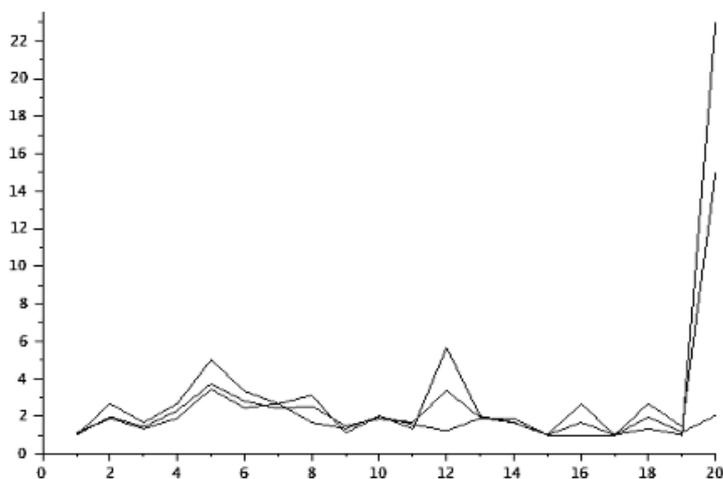

Рисунок 3. Координаты центров трех кластеров, полученные для выборочной совокупности респондентов ФЦПТ методом «максиминного расстояния»

Таблица 5. Координаты центров трех кластеров, полученные для выборочной совокупности респондентов ФЦПТ методом «максиминного расстояния»

Порядковый номер вопроса	Номер вопроса	Номер кластера / кол-во образов в кластерах		
		1 / 81	2 / 3	3 / 9
		Координаты центров кластеров		
1	1	1.0	1.0	1.1
2	2	2.0	2.7	1.9
3	3	1.4	1.7	1.3
4	6	2.3	2.7	1.9
5	7	3.7	5.0	3.4
6	8	2.8	3.3	2.4
7	12	2.4	2.7	2.7
8	13	2.5	1.7	3.1
9	14	1.5	1.3	1.1
10	16	1.9	2.0	2.0
11	17	1.7	1.3	1.6
12	18	3.4	5.7	1.2
13	19	1.9	2.0	1.9
14	20	1.7	1.7	1.9
15	21	1.0	1.0	1.0
16	22	2.7	1.7	1.0
17	24	1.0	1.0	1.0

18	25	2.0	1.3	2.7
19	26	1.1	1.0	1.4
20	27	2.0	23.0	15.0

Для дальнейшей детализации особенностей кластеризации выборочной совокупности этого факультета рассмотрим кластеризацию этой выборочной совокупности методом «*k-групповых средних*». Количество кластеров было задано равным пяти. Результаты кластеризации представлены в табл. 6. В этой кластеризации *важным разделительным признаком* стало *направление обучения респондентов*. К особенностям кластеризации респондентов ФЦПТ следует отнести то, что различия центральных векторов здесь более ярко выражены. Роль ответов на вопрос 22 в данной кластеризации уменьшилась. Основными разделительными признаками оказались ответы на вопросы 7, 8 и 18.

Матрица расстояний между центрами пяти кластеров имеет вид

$$\begin{pmatrix} 0 & 3.8 & 15.6 & 4.1 & 4.9 \\ 3.8 & 0 & 12.3 & 5.4 & 5.4 \\ 15.6 & 12.3 & 0 & 15.6 & 15.5 \\ 4.1 & 5.4 & 15.6 & 0 & 3.0 \\ 4.9 & 5.4 & 15.5 & 3.0 & 0 \end{pmatrix}.$$

Анализ расстояний между центрами кластеров указывает на то, что ответы респондентов различных направлений обучения существенно отличаются друг от друга.

К основным результатам кластеризации респондентов этого факультета можно отнести большее количество разделительных факторов и более критический настрой к дистанционной форме обучения.

Таблица 6. Координаты центров пяти кластеров, полученные для выборочной совокупности респондентов ФЦПТ методом «*k-групповых средних*»

Порядковый номер вопроса	Номер вопроса	Номер кластера / кол-во образов в кластере				
		1 / 33	2 / 7	3 / 12	4 / 17	5 / 24
		Координаты центров кластеров				
1	1	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0
2	2	1.7	1.7	2.1	2.1	2.4
3	3	1.3	1.1	1.4	1.7	1.4
4	6	1.8	1.9	2.1	2.2	3.2
5	7	3.6	4.0	3.8	2.6	4.6
6	8	2.5	2.9	2.7	2.0	83.8
7	12	2.4	2.6	2.7	2.5	29.3
8	13	2.5	3.0	2.8	2.2	2.6
9	14	1.5	1.4	1.2	1.7	1.4
10	16	1.9	2.0	2.0	1.9	1.8
11	17	1.7	1.4	1.5	1.8	1.7
12	18	1.3	1.4	2.3	5.1	5.5
13	19	1.9	2.1	1.9	1.9	2.0
14	20	1.5	1.6	1.8	1.9	1.8
15	21	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0
16	22	2.2	3.4	1.2	2.6	3.1
17	24	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0
18	25	1.9	2.0	2.3	2.0	2.0
19	26	1.1	1.0	1.3	1.2	1.1
20	27	1.5	5.0	17.0	1.8	2.1

2.2.3. Результаты обработки ответов 77 респондентов факультета естественно-научного и гуманитарного образования (ФЕНГО)

Сравним результаты кластеризации, проведенные двумя рассматриваемыми алгоритмами. Особенностью кластеризации выборочной совокупности респондентов этого факультета является то, что в результате кластеризации с помощью алгоритма «максиминного расстояния» были выделены *одиннадцать кластеров!* (См. рис. 4, табл. 7). Статистически значимым здесь является *только первый*, который включает в себя 32 респондента.

Необычный результат указывает на то, что среднестатистический образ респондента этого факультета не позволяет объективно определить отношение студентов факультета к дистанционной форме обучения. Для понимания более полной картины необходимо исследование ответов отдельных респондентов выделить в отдельную задачу.

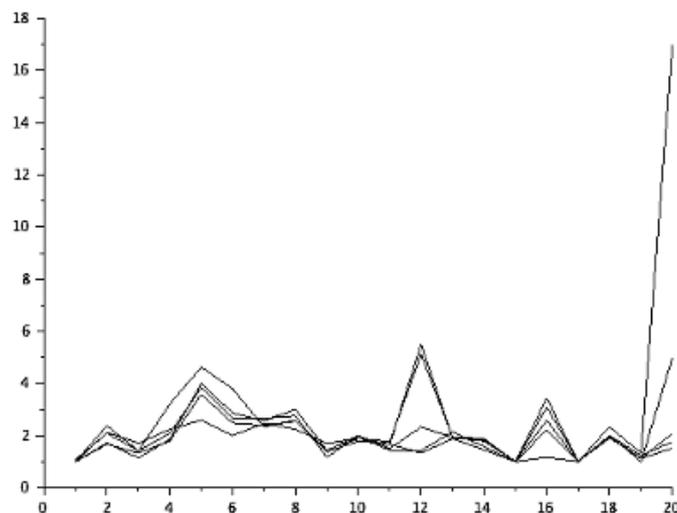

Рисунок 4. Координаты центров пяти первых кластеров, полученные для выборочной совокупности респондентов ФЕНГО с помощью алгоритма «максиминного расстояния»

Таблица 7. Координаты всех центров, полученные для выборочной совокупности респондентов ФЕНГО с помощью алгоритма «максиминного расстояния»

Номер вопроса	Номер кластера / кол-во образов в кластере											
	1/32	2/1	3/6	4/4	5/5	6/5	7/1	8/3	9/5	10/1	11/8	12/6
	Координаты центров кластеров											
1	1.1	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0
2	1.5	3.0	2.5	2.25	1.8	2.8	3.0	2.3	2.6	1.0	2.8	3.0
3	1.3	2.0	1.0	2.25	1.0	1.4	1.0	1.0	1.4	1.0	1.6	1.5
6	1.3	2.0	1.5	2.75	2.0	1.2	2.0	1.0	2.0	2.0	1.5	1.8
7	1.6	5.0	1.7	2.5	2.8	3.0	2.0	4.0	4.0	1.0	3.0	2.0
8	1.5	6.0	4.8	4.5	2.8	1.0	1.3	3.0	2.0	1.0	1.0	1.0
12	1.5	4.0	1.8	2.5	1.8	1.6	1.6	2.0	1.0	1.2	1.0	1.8
13	1.3	4.0	1.5	1.75	1.4	2.0	6.0	4.0	4.0	2.0	3.0	2.0
14	1.2	2.0	1.7	1.0	2.0	2.1	4.6	2.0	1.3	1.3	1.3	1.6
16	1.2	3.0	1.5	1.0	3.0	2.2	2.0	1.0	1.2	1.2	1.2	1.8
17	1.7	2.0	2.0	1.5	2.0	1.2	2.0	1.0	1.8	2.0	1.6	1.8
18	1.5	3.0	5.5	1.75	3.8	2.0	3.0	1.7	3.4	5.0	2.1	2.3
19	1.1	3.0	1.2	1.5	2.2	1.0	3.0	1.7	1.4	3.0	1.0	2.7
20	1.6	1.0	1.3	1.5	1.6	1.8	1.0	1.6	1.2	1.0	1.8	1.3
21	6.0	6.0	6.0	6.0	6.0	6.0	6.0	6.0	6.0	6.0	6.0	6.0
22	2.6	4.0	3.2	1.0	4.0	1.0	2.0	2.0	1.8	3.0	2.0	3.5
24	1.1	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0
25	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0
26	1.7	2.0	1.7	1.8	2.0	1.0	2.0	2.0	1.8	2.0	1.8	2.0

27	21.8	22.0	22.0	21.0	22.0	21.0	22.0	22.0	21.6	22.0	21.5	22.0
----	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------

В результате кластеризации с использованием алгоритма k -групповых средних были выделены 5 кластеров, координаты центров кластеров представлены в табл. 8. Можно отметить, что данный алгоритм, который усреднил результаты предыдущей кластеризации, только подтвердил наличие значительного количества разделительных факторов, участвующих в кластеризации респондентов этого факультета. Это же подтверждает и матрица расстояний между центрами пяти кластеров, которая демонстрирует достаточно однородное распределение кластеров в 20-мерном пространстве:

$$\begin{pmatrix} 0 & 3.2 & 2.4 & 5.4 & 3.5 \\ 3.2 & 0 & 4.3 & 3.8 & 4.0 \\ 2.4 & 4.3 & 0 & 5.4 & 3.1 \\ 5.4 & 3.9 & 5.4 & 0 & 3.6 \\ 3.5 & 4.0 & 3.1 & 3.6 & 0 \end{pmatrix}.$$

Кластеризация с помощью максиминного расстояния выявила особенности кластеризации, исследование которых представляет отдельный интерес и может быть продолжено исследованием ответов отдельных респондентов.

Таблица 8. Координаты всех центров, полученные для выборочной совокупности респондентов ФЕНГО с помощью алгоритма « k -групповых средних»

Порядковый номер вопроса	Номер вопроса	Номер кластера / кол-во образов в кластере				
		1 / 23	2 / 14	3 / 19	4 / 9	5 / 12
		Координаты центров кластеров				
1	1	1.1	1.1	1.0	1.0	1.0
2	2	2.3	2.6	1.2	2.3	2.5
3	3	1.4	1.8	1.2	1.1	1.25
4	6	1.3	1.8	1.3	1.7	2.0
5	7	1.6	2.2	1.5	2.1	2.5
6	8	1.6	4.6	1.5	5.2	2.3
7	12	2.0	2.1	1.2	2.3	1.7
8	13	1.7	1.9	1.2	2.1	1.4
9	14	1.0	1.1	1.4	1.8	1.5
10	16	1.1	1.1	1.3	1.8	1.9
11	17	1.5	1.4	1.8	2.0	1.9
12	18	1.6	2.0	1.6	4.9	3.5
13	19	1.1	1.1	1.2	1.6	2.5
14	20	1.6	1.8	1.5	1.2	1.3
15	21	6.0	6.0	6.0	6.0	6.0
16	22	1.6	1.4	3.4	3.2	3.4
17	24	1.0	1.0	1.1	1.0	1.0
18	25	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0
19	26	1.7	1.6	1.6	1.0	2.0
20	27	21.5	21.2	22.0	22.0	22.0

2.3. Основные результаты кластеризации ответов на вопросы анкеты

1. На первом этапе были выделены два основных разделительных признака. Ими оказались ответы на вопросы о факультете и направлении обучения. Это определило план дальнейшего исследования.

2. Второй этап показал особенности кластеризации выборочных совокупностей трех факультетов, проведенной по ответам на 20 вопросов анкеты. Общим для всех трех факультетов является то, что основными разделительными признаками оказались ответы на вопросы 7, 8, 18. Однако количество разделительных признаков, участвующих в кластеризации, отлича-

лось на разных факультетах.

3. Минимальное количество кластеров было выделено при кластеризации выборочной совокупности респондентов ФКиО. Основных разделительных признаков здесь три (вопросы 8, 18, 27). Кластеризация респондентов ФЦПТ выражена более ярко. Количество основных разделительных признаков увеличилось до пяти (вопросы 7, 8, 18, 22, 27). Эталон «хаоса» стал ФЕНГО. На этом факультете не оказалось статистически значимых кластеров. Результаты кластеризации респондентов этого факультета привели к выводу о необходимости исследования ответов отдельных респондентов для полного понимания отношения студентов этого факультета к дистанционной форме обучения.

3. Исследование результатов анкетирования сотрудников АО «ЦМКБ «АЛМАЗ» по теме «Функционирование производственной системы (ПС)»

3.1. Первый этап обработки анкеты

Изучение данных социологического опроса началось с исследования ответов 193 респондентов на 14 вопросов анкеты [4]. Первоначальный выбор вопросов определялся тем, что (как показал первичный анализ матрицы данных) значительная часть респондентов предпочла не отвечать на все вопросы анкеты. Сперва для исследования были выбраны вопросы, на которые ответила подавляющая часть респондентов. Образ респондента в этой выборочной совокупности – это вектор в 14-мерном пространстве образов, координатами которого являются ответы респондента на 14 вопросов анкеты.

Кластеризация данных началась с использования алгоритма «максиминного расстояния» для оценки возможного количества кластеров в этой выборочной совокупности. Результаты кластеризации приведены в табл. 9. Важным разделительным признаком оказался ответ на 33-й вопрос анкеты – подразделение, в котором работает респондент.

Таблица 9. Координаты центров 3-х кластеров, полученных с помощью алгоритма «максиминного расстояния» при кластеризации ответов на 14 вопросов

Порядковый номер вопроса	Номер вопроса анкеты	Номер кластера / кол-во образов в кластере		
		1 / 48	2 / 29	3 / 116
		Координаты центров кластеров		
1	2	2.1	2.7	2.1
2	3	4.0	5.2	3.4
3	5	1.8	2.	1.6
4	6	3.1	3.3	2.9
5	10	1.6	1.8	1.6
6	13	2.6	3.4	2.5
7	14	2.3	3.0	2.4
8	16	4.3	3.9	4.1
9	17	1.8	1.9	1.7
10	33	2.6	18.0	13.4
11	34	1.8	1.8	1.8
12	35	3.6	4.1	3.3
13	36	1.5	1.3	1.2
14	37	3.4	4.0	3.0

Для минимизации дисперсии кластеров и для более детального изучения особенностей исследуемой выборочной совокупности респондентов была проведена также кластеризация с использованием алгоритма «*k*-групповых средних» (количество кластеров задавалось равным 5). Результаты см. в табл. 10.

Увеличение количества кластеров привело к увеличению числа дифференцирующих признаков. При кластеризации алгоритмом «*k*-групповых средних» была обнаружена важная особенность исследуемой выборочной совокупности. Так, респонденты 1 и 2-го кластеров принадлежат одному среднестатистическому подразделению. Это означает, что причина разделения респондентов на эти 2 кластера не связана с подразделениями, в которых они рабо-

тают. В этом разделении важную роль играют *ответы на вопрос 3, который выделил кластер респондентов, не принимавших участие в производственной системе (ПС).*

Проанализируем более подробно результаты этой кластеризации. Самыми статистически значимыми оказались *кластеры 3 и 5, включающие в себя соответственно 71 и 73 респондента. Минимальным по количеству респондентов оказался 2-й кластер.*

Наиболее значимыми разделительными признаками, которые определили кластеризацию на этом этапе, являются *ответы на вопросы 3, 6, 13, 14, 16 и 33. Однако главным разделительным признаком по-прежнему оставался ответ на вопрос 33 (см.табл.10).*

Таблица 10. Координаты центров 5-и кластеров, полученных с помощью алгоритма «k-групповых средних» при кластеризации ответов на 14 вопросов

Порядковый номер вопроса	Номер вопроса анкеты	Номер кластера / кол-во образов в кластере				
		1 / 20	2 / 5	3 / 71	4 / 24	5 / 73
		Координаты центров кластеров				
1	2	2.0	3.0	1.9	2.	2.6
2	3	2.5	6.6	3.1	4.8	4.3
3	5	1.8	2.	1.5	1.8	1.9
4	6	3.5	3.8	2.8	2.6	3.2
5	10	1.9	1.8	1.5	1.3	1.7
6	13	3.1	3.8	2.3	2.	3.1
7	14	2.0	1.8	2.2	2.6	2.8
8	16	5.2	5.4	4.4	3.4	3.7
9	17	2.1	1.8	1.7	1.5	1.7
10	33	1.1	1.	12.1	4.3	16.7
11	34	1.9	2.	1.8	1.6	1.8
12	35	3.8	3.4	3.4	3.5	3.6
13	36	1.5	1.2	1.2	1.6	1.2
14	37	3.5	3.4	3.0	3.1	3.4

3.2. Второй этап обработки анкеты

На этом этапе из рассматриваемых вопросов *был исключен вопрос 33 о подразделении, в котором работает респондент. Это было вызвано желанием увидеть действие других разделительных признаков при кластеризации исследуемой выборочной совокупности.*

Результаты кластеризации алгоритмом *«максиминного расстояния»* представлены в табл. 11. Анализ таблицы показывают, что вместо трех статистически значимых кластеров, которые были получены при кластеризации этой же выборочной совокупности с использованием ответов на 14 вопросов, алгоритм *«максиминного расстояния»* выделил *13-ть кластеров!* Количество образов в большинстве кластеров перестало быть статистически значимым. Самым статистически значимым можно считать *6-ой кластер*, число респондентов которого равно 54. Этот результат может указывать на тот факт, что *основным разделительным признаком, который определял способность данной выборочной совокупности к кластеризации являлся ответ на вопрос о подразделении, в котором работал респондент. Анализ результатов данной кластеризации (которая, в основном, не выявляет статистически значимых кластеров) имеет смысл проводить, если задачей исследования станет рассмотрение особенностей ответов отдельных респондентов исследуемой выборочной совокупности.*

Для получения статистически значимых кластеров и минимизации дисперсии кластеров воспользуемся алгоритмом *«k-групповых средних»*. Зададим количество кластеров равным 5. Таким образом мы разделим пространство на 5 кластеров с минимальным рассеянием относительно своих центров, а все исследуемые образы по принципу минимума расстояния окажутся в том кластере, расстояние образа от центра которого будет минимальным. Результаты такой кластеризации представлены в табл. 12.

Проводя сравнение с результатами кластеризации в 14-мерном пространстве, необходимо отметить, что количество факторов, которые участвуют в кластеризации в 13-мерном пространстве, возросло. Следует также указать на то, что роль прежних разделительных при-

знаков сохранила свою значимость (за исключением ответов на 33 вопрос).

Таблица 11. Координаты центров 13 кластеров, полученных с помощью алгоритма «максиминного расстояния» при кластеризации ответов на 13 вопросов

Порядковый номер вопроса	Номер вопроса анкеты	Номер кластера / кол-во образов в кластере												
		1/6	2/2	3/17	4/7	5/12	6/54	7/10	8/24	9/4	10/17	11/4	12/12	13/24
		Координаты центров кластеров												
1	2	2.8	3.5	3.1	2.1	2.3	1.1	2.3	3.4	2.25	1.1	3.7	1.2	3.2
2	3	1.6	6.	6.2	2.1	2.	3.6	6.5	2.8	2.	3.4	6.	6.3	2.9
3	5	2.3	1.	2.0	1.4	2.0	1.4	2.1	2.0	1.5	1.6	2.	1.6	1.6
4	6	3.1	1.5	3.2	4.	4.2	2.0	3.6	3.2	2.5	3.8	3.5	3.3	2.9
5	10	2.	2.	1.5	1.5	1.9	1.3	1.9	1.7	1.	1.7	2.	1.6	1.5
6	13	4.6	1.5	3.7	1.5	4.4	1.6	4.3	3.2	2.	1.8	4.2	1.7	2.9
7	14	2.3	1.5	3.5	1.7	2.5	2.3	2.1	2.7	2.5	2.	2.7	1.9	2.3
8	16	4.5	6.	1.7	3.7	5.1	4.0	6.1	2.0	5.3	4.9	4.	3.6	5.9
9	17	2.	2.	1.7	12	1.8	1.5	1.8	1.9	1.5	1.9	2.	1.2	1.9
10	34	2.	2.	1.7	2.	2.	1.6	2.	1.9	2.	1.7	2.	1.6	1.6
11	35	4.8	2.5	4.2	2.	2.5	3.6	3.3	3.4	2.8	4.1	4.7	2.5	3.4
12	36	1.3	1.	1.1	1.4	1.2	1.2	1.1	1.2	1.5	1.5	1.7	1.2	1.2
13	37	4.8	2.	3.8	2.	2.0	3.4	3.	2.6	1.	4.1	5.5	2.7	3.2

Таблица 12. Координаты центров 5-ти кластеров, полученных с помощью алгоритма «к-групповых средних» с использованием 13 вопросов

Порядковый номер вопроса	Номер вопроса	Номер кластера / кол-во образов в кластере				
		1/39	2/24	3/19	4/50	5/61
		Координаты центров кластеров				
1	2	3.6	3.4	2.0	1.4	1.5
2	3	2.5	5.9	6.8	4.5	2.3
3	5	2.1	2.0	2.2	1.38	1.5
4	6	3.5	3.2	3.7	2.32	3.0
5	10	1.8	1.6	2.	1.36	1.6
6	13	3.8	3.6	3.2	1.78	2.2
7	14	2.6	3.4	2.2	2.22	2.2
8	16	3.4	2.0	4.8	4.54	4.8
9	17	1.9	1.7	1.7	1.5	1.8
10	34	1.8	1.8	2.	1.56	1.8
11	35	3.5	4.4	2.8	3.94	3.0
12	36	1.3	1.4	1.2	1.32	1.3
13	37	2.9	4.3	2.7	3.86	2.7

3.3. Третий этап обработки анкеты

Кластеризация ответов 192 респондентов, проведенная выше, показала, что важным разделительным фактором оказался ответ на *вопрос о подразделении* респондента. Это послужило причиной исследовать выборочные совокупности респондентов, принадлежащих к *разным подразделениям*.

Задачей дальнейшего исследования было изучение влияния других разделительных факторов на процесс кластеризации рассматриваемой выборочной совокупности респондентов.

Для кластеризации выборочных совокупностей, состоящих из респондентов одного подразделения, использовались по-прежнему два алгоритма кластеризации [4]. Для всех подразделений кластеризация с использованием «максиминного расстояния» привела к образованию большого количества статистически незначимых кластеров. Однако изучение разделительных факторов указывало на то, что для всех выборочных совокупностей существует общий разделительный фактор, которым являлось *участие или не участие в проектах ПС*. По-

этому для последующей кластеризации с помощью алгоритма «*k-групповых средних*» количество кластеров принято равным двум.

Дальнейший анализ ответов респондентов *разных подразделений* показал, что отношение респондентов к проектам ПС и их реализации существенно отличается в различных отделах и напрямую связано с присутствием в отделах респондентов, участвующих в проектах ПС. В таких отделах хорошо прослеживается разделение полученных кластеров на две группы, одна из которых включает кластеры респондентов, участвующих в проектах. Среднестатистические ответы респондентов в таких кластерах на вопросы, связанные с реализацией проектов ПС, существенно отличаются от ответов на эти же вопросы в другой группе кластеров, которые включили в себя респондентов, не участвующих в проектах ПС. Важную роль в положительной оценке и поддержке проектов ПС играет присутствие в этих отделах руководителей, поддерживающих проекты ПС.

Следует также отметить, что *наименьшее* количество респондентов, поддерживающих проекты ПС, оказалось в отделах с *максимальным* количеством респондентов (отделы 10, 34 и 52). Наибольшее количество респондентов участвующих в проектах ПС работают в *отделах 12-19 и 51*.

Разделение выборочных совокупностей респондентов разных отделов на два кластера показало, что в отделах, в которых часть респондентов участвуют в проектах ПС, главным разделительным признаком стал ответ на *10-ый вопрос* анкеты *об участии или не участии респондента в проекте ПС*. Выборочные совокупности отделов, включающих в себя статистически значимое число респондентов, участвующих в проектах (отделы 12-19, 51), разделились на два кластера по этому признаку.

В других отделах, в которых число участников проектов было невелико, разделение респондентов на 2 кластера определялось другими факторами (стаж работы, возраст, пол). Следует также отметить, что в таких отделах, среднестатистические ответы респондентов двух выделенных кластеров незначительно отличались друг от друга.

Таким образом результаты этого этапа показали, что для дальнейшего изучения возможностей реализации проектов ПС необходимо исследовать выборочную совокупность респондентов, которые указали при анкетировании, что они *участвовали* в проекте ПС.

3.4. Основные результаты кластеризации ответов на вопросы анкеты

Обобщим полученные результаты проведенной работы.

1. Анализ ответов 193 респондентов на вопросы, которые предполагают выбор одного ответа, позволил выяснить, что главным разделительным фактор для исследуемой выборочной совокупности оказался ответ на *вопрос об участии респондента в проекте ПС*.

2. Исследование результатов кластеризация выборочных совокупностей респондентов различных отделов позволило понять особенности выделяемых кластеров. Так отделы, в которых число респондентов, участвующих в проекте ПС, оказывалось статистически значимым, характеризовались тем, что выделенные кластеры разделялись на две группы – респонденты, участвующие и не участвующих в проектах ПС. В отделах, в которых число участников проектов ПС не являлось статистически значимым, разделительными факторами, определяющими кластеризацию, становились ответы на вопросы о возрасте, стаже и поле.

3. Отношение подавляющего большинства респондентов к проектам ПС и к их реализации можно оценить положительно. Однако желание участвовать в этом процессе высказала меньшая часть респондентов. В то же время кластеризация показала существовании «*активной части*» респондентов, которые образовали отдельные кластеры. Среди них можно выделить кластеры, в которые вошли те, кого можно назвать «*локомотивом*» проекта, и кластеры тех, кого можно назвать «*подвижным составом*», готовым следовать за «*локомотивом*». В этой связи следует отметить, что на желание респондентов участвовать в проектах ПС влияет *наличие* в их подразделениях «*активной части*» респондентов, которые являются участниками проекта.

4. В формировании кластеров участвовал достаточно большой набор факторов. Проведенная кластеризация позволила понять взаимосвязь ряда факторов между собой и оценить их роль в формировании отношения к проектам ПС и их реализации в коллективе данного предприятия.

3. Основные результаты анализа кластеризации, проведенной двумя различными алгоритмами

Использование при кластеризации двух различных алгоритмов позволило более детально изучить особенности исследуемых выборочных совокупностей респондентов.

Алгоритм «*максиминного расстояния*» позволил оценить количество существующих кластеров, а также возможность выборочной совокупности к кластеризации.

Алгоритм «*k-групповых средних*» показал среднестатистические характеристики полученных кластеров (при минимальной дисперсии образов в кластерах) и позволил обнаружить ряд важных разделительных признаков, которые участвовали в кластеризации.

Совпадение результатов кластеризации, полученные двумя алгоритмами, явилось объективным подтверждением способности выборочной совокупности к кластеризации.

Литература:

1. Барсегян, А.А., Куприянов М.С., Степаненко В.В., Холод И.И. Методы и модели анализа данных: OLAP и Data Mining. – СПб.: БХВ-Петербург, 2004. 336 с.
2. Вэн Райзин Дж. Классификация и кластер. – М.: Мир, 1980. 389 с.
3. Ипатова Л.П., Григорьев-Голубев В.В., Голованова О.В., Евграфова И.В., Ионченкова Я.Ю., Солдатов А.В. Особенности обработки результатов социологического опроса с использованием методов кластерного анализа. – СПб.: Изд-во СПбГМТУ, 2023. 102 с.
4. Ипатова Л.П., Григорьев-Голубев В.В., Голованова О.В. и др. Методика анализа ответов респондентов на вопросы анкеты социологического опроса. – СПб.: Изд-во СПбГМТУ, 2024. 62с.
5. Ту Дж., Гонсалес Р. Принципы распознавания образов. – М.: Мир, 1978. 411с.

ОБ АВТОРАХ:

Гусева Ирина Ивановна,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии им.Г.С. Арефьевой, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский университет "МЭИ", Москва, Россия

Кирилина Татьяна Юрьевна,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии им.Г.С. Арефьевой, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский университет "МЭИ", Москва, Россия

ABOUT THE AUTHORS:

Guseva Irina I.,

Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Political Science and Sociology, National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russia

Kirilina Tatyana Yu.,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Political Science and Sociology, National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russia

Гусева И.И., Кирилина Т.Ю.

Микрокурсы социального в движении социально-гуманитарных наук от антропологизации к цифровизации

В статье рассматривается перестройка стратегий социально-гуманитарных наук под влиянием «цифрового поворота».

Сравниваются стратегии микроанализа социального в неклассическом контексте, сформировавшиеся в результате «антропологического поворота», и подходы к микрокурсам социального через призму больших данных. Показано, что специфические формы эмпиризма, присущие микроистории, микросоциологии, с их установками на воспроизведение конкретики социального способствовали «возвращению субъекта» в науки о человеке и обществе. Цифровой же эмпиризм в формате «датаизма» в претензиях на объективность, удостоверяемую беспрецедентными техническими возможностями больших данных, стремится «отменить» субъекта-исследователя и вновь делает «анонимными» индивидуальные формы социального, сводя их к цифровым следам, оставляемым в Сети. Рассматривается возможность применения принципа дополнительности Н.Бора к взаимодействию качественных исследований и больших данных.

Проанализированы значимые тенденции, обусловленные влиянием цифровизации и новых технологий на изменения онтологических оснований социально-гуманитарного знания, на новую трактовку соотношения микро и макроуровней социальной реальности.

Делается вывод, что переход к «данноцентричной» науке в сфере социально-гуманитарных исследований требует масштабной «инвентаризации» и радикального обновления их методологического арсенала.

«Цифровой поворот», микрокурсы социального, стратегии исследования в социально-гуманитарных науках, большие данные.

Для цитирования: Гусева И.И., Кирилина Т.Ю. Микрокурсы социального в движении социально-гуманитарных наук от антропологизации к цифровизации // Социально-гуманитарные технологии. 2024. №4 (32). С. 30-35.

MICRO-PERSPECTIVES OF THE SOCIAL IN MOTION SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES FROM ANTHROPOLOGIZATION TO DIGITALIZATION

Guseva I.I., Kirilina T.Yu.

The article examines the restructuring of the strategies of the social sciences and humanities under the influence of the "digital turn".

The strategies of microanalysis of the social in a non-classical context, formed as a result of the "anthropological turn", and approaches to micro-courses of the social through the prism of big data are compared. It is shown that the specific forms of empiricism inherent in microhistory and microsociology, with their attitudes towards reproducing the specifics of the social, contributed to the "return of the subject" to the sciences of man and society. Digital empiricism in the format of "Dataism", in claims to objectivity, certified by the unprecedented technical capabilities of big data, seeks to "cancel" the research subject and again makes individual forms of the social "anonymous", reducing them to digital traces left on the Network. The possibility of applying the principle of complementarity of N.Bohr to the interaction of qualitative research and big data is considered.

The significant trends caused by the influence of digitalization and new technologies on changes in the ontological foundations of social and humanitarian knowledge, on a new interpretation of the correlation of micro and macro levels of social reality are analyzed.

It is concluded that the transition to a "data-centric" science in the field of social and humanitarian research requires a large-scale "inventory" and a radical update of their methodological arsenal.

"Digital turn", micro-perspectives of the social, research strategies in the social sciences and humanities, Big data.

For citation: Guseva I.I., Kirilina T.Yu. Micro-perspectives of the social in motion social sciences and humanities from anthropologization to digitalization. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2024; 4 (32): 30-35. (In Russ.)

«Цифровой поворот» стал новой реальностью не только в естественных и технических науках – он привёл к переосмыслению и перестройке самих оснований социально-гуманитарного знания.

Когда речь идёт о цифровой гуманитаристике, отмечается, что, естественно, имеется в виду включение новых «опций» исследователя, который должен быть компетентным в сфере информационных технологий, поскольку эти компетенции востребованы новыми реалиями исследовательской практики гуманитариев [5, с.93]. Это позволяет использовать методологию и концептуальный аппарат информатики в области непосредственных профессиональных исследовательских интересов социогуманитарного направления. Но это требование обусловлено, прежде всего, глубинной перестройкой самих оснований социально-гуманитарных наук: переформатированием онтологии социума и культуры в совершенно новом контексте, которое приводит к весьма нетривиальным методологическим следствиям, начиная с новой трактовки базовой дихотомии «субъект – объект познания». Так, например, российскими социологами показано, что разработка компьютерной исследовательской игры и конструирование онтологии исследуемой социальной реальности на основе и с включением этой игры приводит к радикальной переинтерпретации субъекта и объекта социологического исследования [10, с.173].

Большинство исследователей феномена цифровой гуманитаристики разделяют следующую оценку: «Цифровой поворот» в социогуманитарных науках формирует новую научную картину мира, основанную на кардинальной смене существующей исследовательской парадигмы, появлении цифровых гуманитарных наук» [1, с.139].

На наш взгляд, эти кардинальные изменения предстанут более рельефно, если сравнить их с аналогичными процессами в социально-гуманитарном знании в XX в., когда классическая социальная эпистемология утратила свою монополию и сменилась неклассической. Тогда в социально–гуманитарных науках произошла серия «поворотов» и «вызовов». Среди множества «маркеров» тех событий одним из наиболее выразительных представляется определение «антропологический» поворот. Одним из главных его итогов стало формирование ряда концепций неклассического типа, среди которых заметное место заняли подходы, основанные на стратегиях микроанализа социального, такие, как качественная, или гуманистическая социология, микросоциология, микроистория [6]. Трансформация онтологических оснований теории, приведшая к отказу от монополии образов структурной социальности и фокусировке на индивидуальных, локальных формах социального, потребовала включения новых «опций» субъекта. В представлениях о субъекте познания в неклассической эпистемологии социально-гуманитарных наук большее место отводится его личному, экзистенциальному опыту, интуиции особого рода. При использовании «микроскопа» именно конкретное, сингулярное попадает в фокус исследования и становится фактором, конституирующим образ социального миропорядка.

Интересно проследить, каким образом микроракурсы социума и культуры предстают в свете «цифрового поворота», не теряются ли они в дантологической перспективе.

Микроанализ социального привёл к трансформации отображаемого социального миропорядка и открытия его новых ракурсов за счёт варьирования масштаба наблюдения. Особенности же социальной онтологии в эпоху цифры во многом обусловлены тем, что сама «цифра» как будто бы становится в определённом смысле средством масштабирования: давно известные социальные процессы, явления и характеристики человеческой природы, умноженные на возможности виртуалистики, приобретают такие масштабы, которые придают но-

вые качества этим давно известным явлениям. Широко известна, например, такая отнюдь не лучшая сторона «оцифрованного» мира: замечено, что некоторые люди, которые в «реальном» мире ведут себя достаточно адекватно и корректно, в соответствии с социальными нормами, оказавшись на просторах Сети, демонстрируют порой прямо-таки неиссякаемые запасы ненависти и деструктивности. Д.В. Винник в этой связи подчёркивает, что «проблема компенсации негативных последствий заключается не в том, что человечество столкнулось с принципиально новыми социально-онтологическими феноменами, а в том, что оно столкнулось с новой качественной спецификой давно описанных и объяснённых социальных явлений, появившихся в результате усложнения коммуникационных систем, а именно уплотнения коммуникационной среды на многие численные порядки» [2, с. 86]. Данный автор, выступая против онтологизации социальных феноменов в цифровом контексте, говорит о необходимости переосмысления достоинств и издержек новых технологий и разработке на основе этого анализа новых стратегий в сфере этической, правовой, политической коммуникации [2, с. 86].

Одним из наиболее узнаваемых воплощений подходов неклассического типа с фокусировкой на микроракурсах социального являются качественные исследования в социологии, а этнография, в свою очередь, является своего рода архетипом такого рода стратегий. Поэтому сравнение возможностей этнографии и больших данных достаточно наглядно показывает различие парадигм антропологизации и цифровизации при воспроизведении микроракурсов социального.

В отечественной и зарубежной литературе по этим проблемам отмечено, что big data и этнография обладают различными исследовательскими «опциями». Так, этнография как одна из версий качественной социологии владеет теми способами представления малых и исключённых групп пользователей, которыми не располагают big data, поэтому «Большим данным необходимы «маленькие паттерны», определяющие место, объект и способ поиска данных» [11, с.56]. Например, при изучении статистических меньшинств «малый фокус или малый паттерн больших данных существенно облегчают доступ к таким меньшинствам» [11, с.62].

Возникает ещё одна параллель качественных исследований и big data, связанная с проблемой локализации сообществ. Отметим, что вообще различные подходы к решению проблемы локализации социальных групп, сообществ являются одним из индикаторов социальной эпистемологии того или иного типа. Во времена господства модели Больших структур с этим всё было достаточно очевидно, и пространственная «привязка» того или иного сообщества не вызывала никаких принципиальных трудностей. Для изучения же тех групп, которые с трудом поддавались пространственной и временной локализации, что затрудняло и даже делало невозможными их серийные обследования, в классической социологии применялся биографический метод. Показательно, что с развитием качественной, или гуманистической социологии последний приобрёл новый статус – статус одного из атрибутов качественных стратегий, обусловленный варьированием масштаба анализа и концентрацией внимания исследователя на индивидуальных траекториях. В этнографии в прежние времена всё было достаточно очевидно с локализацией, однако уход людей в виртуальные миры создал нетривиальные проблемы и в этом контексте. С проблемами поиска и экспликации таких скрытых и труднодоступных сообществ помогают справляться большие данные [11, с.62].

Как видно, качественные исследования и big data – это разные научные форматы «схватывания» социальной реальности, поэтому вполне естественно, что исследователи подчёркивают необходимость объединения их усилий, сотрудничества этих стратегий исследования. Поневоле вспоминается хрестоматийный, но отнюдь не утративший своей работоспособности и актуальности принцип дополнительности Н. Бора: в данном контексте достаточно очевидно, что стратегии из арсенала неклассической социальной науки, вступая в диалог с действительно революционными возможностями больших данных, совместными усилиями создают более объёмную, «стереоскопичную» картину мира социума и культуры.

Известно, что одним из важнейших индикаторов, определяющих специфику того или иного типа научной рациональности, направленность того или иного исследовательского подхода, является соответствующая трактовка требования объективности знания. Естественно, представления об объективности исторически менялись. В классических социальных теориях, парадигмой для которых выступал структурный функционализм, эти представления во многом были близки критериям естествознания. Однако феноменологическое движение в социально-

гуманитарном знании привело к существенным изменениям. Необходимость экспликации смыслов социальной коммуникации и действия потребовала серьёзного пересмотра интерпретации объективности. Рассматривая действующего индивида как начало любой социальной, микроаналитические подходы в их различных воплощениях существенно трансформировали понимание объективности, связывая последнюю уже не с логикой социальных структур, а с видением и оценкой самого человека его жизненной ситуации. Конечно, такой подход к объективности, когда она ассоциируется не с типологическим, а с конкретным и уникальным, - это выход далеко за границы классической рациональности. В контексте же «даннологического» поворота объективность данных о социальных явлениях начала трактоваться как атрибутивное свойство технически полученного знания, и субъект, которого гуманитарии так долго «возвращали» в науки о человеке и обществе, опять становится анонимным. Это касается и субъекта-исследователя, которого вообще пытаются «отменить». Эта тенденция становится очень наглядной, если мы посмотрим на различие в истолковании такой классической стратегии познания, как эмпиризм, в форматах антропологизации и в проекциях компьютеризации.

Упрёки в эмпиризме довольно часто звучали в адрес стратегий микроанализа. В частности, оппоненты микроистории именно так квалифицировали разглядывание под «микроскопом» социально-исторической реальности. На самом же деле, как говорилось выше, микроисторики по-новому увидели и осмыслили природу исторической репрезентации, и прежде всего, одну из ключевых её проблем: проблему репрезентативности индивидуального, которая всегда занимала и занимает особое место в эпистемологическом режиме историографической практики. В микроистории же акцент на конкретных жизненных траекториях, в своих переплетениях образующих – и выстраивающих - паттерны социального микрокосма, приобрёл принципиальное методологическое значение. Найденная в этом формате историографии «точка сборки» социально-исторического миропорядка стала основой стратегии объективации индивидуальных форм бытия социального и альтернативой теориям, унифицирующим мир. Поэтому К. Гинзбург, один из главных творцов, методологов и апологетов микроистории, в лекции, прочитанной в ноябре 2003 г. в РГГУ, резко выступил против утверждений оппонентов о периферийной, внетеоретической роли микроистории [3, с.28].

При этом, чтобы воспроизвести конкретику социального, у субъекта-исследователя как будто бы включается больше его личностных «опций». Чтобы найти именно тот «случай», опираясь на который можно воссоздать картину микромира социума и культуры, не используя стратегии генерализации и типизации как базовые, нужна невероятная интуиция, очень интенсивное использование собственного – многомерного – опыта учёного. Балансируя на грани науки и искусства, произведения микроисториков зачастую читаются как этнографические романы. Эмпиризм же в эпоху big data имеет совсем другое истолкование: опираясь на новые технологии и целиком доверяя новым, ранее неслыханным техническим возможностям, он приводит к «отмене» субъекта.

Эмпирическая методология в контексте больших данных – так называемый датаизм – ориентирована на самодостаточность, надёжность, объективность, вообще – самоценность и автономность этих данных, вплоть до упразднения теории, субъекта познания, а в генеральной перспективе – и отмены социальных наук [11, с.59]. Таким образом, мы видим, как меняются акценты: в контексте неклассической эпистемологии социально-гуманитарного знания эмпиризм рассматривался как «недостаток» исследовательской стратегии; в проекциях цифровизации же, наоборот, эмпирическая методология становится синонимом достоверности знания и гарантией освобождения его от концептов и мифологем социальных наук. Справедливости ради отметим, что последний вывод делается с подачи программистов. А какие оценки в этой связи дают отечественные философы, гуманитарии?

И.Ф. Михайлов в резонансной статье «Вычислительный подход в социальном познании» утверждает, что «компьютеризация социальной науки предполагает натурализацию понимания вычислений» [8, с.23]. В дискуссии по материалам этой статьи большинство участников весьма сдержанно отнеслись к перспективам вычислительной социальной науки, не отрицая, впрочем, её эвристического потенциала в некоторых частных аспектах. В.А. Бажанов сформулировал эту преобладающую точку зрения следующим образом: «Скорее всего, однако, мы еще раз убедимся в тщетности попыток прорваться за границы полностью деантропо-

логизированного знания, в котором, образно говоря, размышления заменяются вычислениями, хотя, быть может, при этом и будет пролит свет на какие-то скрытые грани в функционировании социального организма» [9, с.58].

Отметим, что, на фоне панорамного анализа трансформации онтологических оснований социально-гуманитарных наук в эпоху «цифрового поворота», рассматривается и социальная онтология самой цифровой реальности. Характеризуя последнюю как глобальный метаконтекст человеческого бытия, О.А. Гримов высказывает мысль, которая овладела многими умами в наши дни: «Наиболее сложным и перспективным вопросом для научного анализа является расширение границ концепта «социальное» и «социальность», в котором уже с необходимостью находится место не только человеческим, но и не-человеческим акторам» [4, с.44]. Установки на преодоление границ человеческой природы в современной идеологической повестке, выход за пределы антропологической онтологии в философии и науке, безграничное расширение трактовки социального, в котором утрачиваются его субстанциональные качества, имеют очень серьёзные последствия для перспектив цивилизации вообще и требуют отдельного обсуждения. В контексте же разговора о том, как меняется социальная эпистемология под влиянием цифры, хотелось бы ещё раз сделать насущные методологические акценты. В частности, в соответствии с темой данной статьи представляет значительный интерес принципиально новая трактовка соотношения микро- и макроуровня анализа социальной реальности в контексте использования возможностей больших данных.

В.И. Дудина, размышляя о необходимости «пересборки социологии» в реалиях цифрового поворота, справедливо констатирует, что «развитие технических средств научного знания обгоняет развитие концептуального аппарата социальных наук» [7, с.3]. Социологическая наука – и не только она – пока попросту не может «переварить» ту качественно новую информацию, которую «поставляют» большие данные: для этого ещё нет соответствующего методологического инструментария. Тем не менее, в арсенале социологии существуют концепции и подходы, возникшие ещё в до-сетевые времена, которые оказываются вполне работоспособными в новом контексте – надо только это увидеть и развернуть их «лицом» к цифре. В цитируемой статье автор ссылается на концепцию репликации французского социолога Д. Булье, главным теоретическим импульсом для возникновения которой послужили идеи социолога и криминолога XIX в. Г. Тарда. В процессе методологической рефлексии концепции репликации В.И. Дудина делает акценты принципиально важного характера, касающиеся, в частности, соотношения микро- и макроуровней исследования в социологии. Если смотреть на эту проблему через призму концепции цифровых следов Д. Булье, то дихотомия между этими уровнями снимается, и эпистемологический пафос известного девиза «Микросоциология бросает вызов макросоциологии» уходит в прошлое, конечно, сыграв свою весьма значимую роль на определённом этапе развития социологической науки. Варьирование масштаба как инструмент цифровой оптики становится способом перемещения в рамках одноуровневой – сетевой – реальности: «Индивидуальные смыслы и единичные действия, будучи бесконечно реплицированы в социальных сетях, производят видимость структурных свойств. При избыточном количестве данных аналитическое понятие структуры переосмысливается. Структура может быть концептуализирована не как априорная система координат, а как совокупность особым образом упорядоченных репликаций (повторяющихся событий или сходных траекторий), которые могут быть эмпирически прослежены» [7, с.9].

Таким образом, переход к «данноцентричной» науке в сфере социально-гуманитарных исследований совершенно очевидно требует масштабной «инвентаризации» и радикального обновления их методологического арсенала. Сравнение с неклассической социальной эпистемологией, осуществлённое в данной статье на материале концепций микроанализа социального, показывает, что в цифровую эпоху в социально-гуманитарных науках произошли и продолжают происходить принципиальные изменения по многим значимым параметрам. Микроанализ социального в разных его версиях высоко поднял тему недостаточности знания о культуре, полученного путём обобщения и типизации. Микросоциология, качественные исследования, микроистория в стремлении воспроизвести локальные, сингулярные формы бытия социального отказались от унифицирующих подходов, в то время как аналитика больших данных выступает мощным инструментом унификации. Специфические формы эмпиризма, присущие микроистории, микросоциологии, способствовали необычайной интенсификации лич-

ностного опыта исследователя, стремящегося воспроизвести конкретику социального. Цифровой же эмпиризм в формате «датаизма» претендует на непогрешимую объективность, удостоверяемую небывалыми техническими возможностями больших данных, но при этом «отменяет» субъекта-исследователя и вновь делает «анонимными» индивидуальные формы социальности, сводя их к цифровым следам, оставляемым в Сети.

Что касается «отмены» социальных наук, очевидно, что эта «повестка» усиленно «подогревается» программистами. Вряд ли это произойдёт в обозримом будущем. Любые идеи такого рода – идеи «конца» чего-либо – имеют ярко выраженное символическое значение, они привлекают внимание к проблеме; гиперболизируя её, они создают соответствующее умонастроение. Несомненно одно: науки о человеке и обществе вместе с предметами своего исследования вступили в новую эру. Для того, чтобы быть востребованными и эффективными в «оцифрованном» мире и опровергнуть «финалистский» прогноз, им предстоит проделать большую работу.

Литература:

1. Буваева Г.А, Андреева А.А. *Digital Humanities: от фронтального дискурса к «цифровому повороту»* // Вестник Калмыцкого университета. 2022, №4. С.138 -143.
2. Винник Д.В. Социальная феноменология цифровой эпохи: риторика ненависти, анонимусы, копирайт и полицейский надзор // *Философия образования*. - 2014. - №4 (55). – С. 79-88.
3. Гинзбург К. *Широты, рабы и Библия: опыт микроистории* // *Новое литературное обозрение*. 2004. № 65 (1). С. 18 – 34.
4. Гримов О.А. *Цифровая реальность: социальная онтология и методология эмпирического изучения / Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2019, №3. С.42-50.
5. Гурьянов Н.Ю., Гурьянова А.В. *Феномен цифровой гуманитаристики в контексте современной полидисциплинарной конвергенции* // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2021. Т.3, № 4. С. 92-97.
6. Гусева И.И. *Стратегии исследования в социально-гуманитарных науках: философско-эпистемологический анализ: автореферат дис. ... доктора философских наук/ Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского*. Саратов, 2008. 39 с.
7. Дудина В. И. «Пересборка социологии»: цифровой поворот и поиски новой теоретической оптики // *Социологические исследования*. 2021, № 11. С. 3-11.
8. Михайлов И.Ф. *Вычислительный подход в социальном познании* // *Философия науки и техники*. 2021. Т. 26. № 1. С. 23–37.
9. *Перспективы вычислительного подхода в социальных науках. Дискуссия* // *Философия науки и техники*. 2021. Т. 26. № 1. С. 56–63.
10. Сергеева О.В. *Разработка исследовательской компьютерной игры: как новая онтология помогает решать методологические проблемы социолога* // *Социология науки и технологий*. 2021. Т. 12. №3. С. 171 – 184.
11. Сивков Д.Ю. *Большие данные в этнографии: вызовы и возможности* // *Социология науки и технологий*. 2017.Т. 8. №1. С.56–68.

5.4.7 СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

ОБ АВТОРЕ:

Алиев Мехрзод Файзуллоевич,
Ведущий специалист по привлечению талантов,
ООО «Нестле Россия», Москва, Россия.

ABOUT THE AUTHOR:

Aliev Mekhrzod F.,
Senior Talent Acquisition Specialist, Nestle Russia
LLC, Moscow, Russia

УДК 316

Алиев М.Ф.

Роль брендинга работодателя в стратегии управления талантами и внедрении цифровых инноваций

В условиях растущей конкуренции успех бизнеса зависит от человеческого капитала и корпоративного имиджа. В этой статье рассматривается связь между брендингом работодателя и цифровыми инновациями, подчеркивается его роль в привлечении и удержании талантов. Брендинг работодателя определяется как про-

цесс, в ходе которого сотрудники усваивают имидж компании, предлагая функциональные, экономические и психологические преимущества. Отмечается влияние имиджа на восприятие кандидатов и сотрудников, подчеркивая важность осведомленности о бренде, репутации и корпоративной культуре. В работе описывается использование методичного подхода, включающего в себя работу с персоналом и коммуникации, для создания надежного бренда работодателя. В статье также анализируется становление брендинга работодателя как стратегической функции, подчеркивается необходимость координации между отделами и предупреждается о расхождениях между внешним восприятием и внутренней реальностью брендинга работодателя.

Бренд работодателя, человеческие ресурсы, инновации, цифровые технологии, привлекательность.

Для цитирования: Алиев М.Ф. Роль брендинга работодателя в стратегии управления талантами и внедрении цифровых инноваций // Социально-гуманитарные технологии. 2024. №4 (32). С. 36-42.

THE ROLE OF EMPLOYER BRANDING IN TALENT MANAGEMENT STRATEGY AND DIGITAL INNOVATION IMPLEMENTATION

Aliev M.F.

In the context of intensifying competition, the capacity to succeed in business is contingent upon the value of human capital and the strength of the corporate image. This article examines the relationship between employer branding and digital innovation, with a particular focus on its role in attracting and retaining talent. The term "employer branding" is defined as the process by which employees internalise a company's image, which offers functional, economic and psychological benefits. The impact of employer branding on candidate and employee perceptions has been identified by researchers, who have also emphasised the importance of brand awareness, reputation and corporate culture. They recommend a methodical approach involving human resources and communications to build a robust employer brand. The article also analyses the emergence of employer branding as a strategic function, highlighting the need for coordination between departments and warning of discrepancies between the external perception and internal reality of employer branding.

Employer brand, human resources, innovation, digital technologies, attractiveness.

For citation: Aliev M.F. The role of employer branding in talent management strategy and digital innovation implementation. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2024; 4 (32): 36-42. (In Russ.)

Современное преобладание концепции "бренда работодателя" подчеркивает жизненно важную роль для компаний создания надежной идентичности для привлечения и удержания талантов. Это тем более важно в условиях, когда одной только заработной платы уже недостаточно для привлечения и удержания талантов. Сегодня такие аспекты, как карьерный рост, признание заслуг, рабочая среда, общая атмосфера и чувство принадлежности к компании,

рассматриваются как ключевые факторы мотивации и приверженности сотрудников [2].

В условиях постоянно меняющегося ландшафта, характеризующегося ростом конкуренции и появлением кандидатов "поколения Y¹", которые рассматривают компании как товары широкого потребления, управление репутацией и реализация стратегий соблазнения становятся обязательными для любой компании, желающей привлечь лучших специалистов и удержать их в своем штате.

Исходя из этого, мы разрабатываем следующую проблему: как брендинг работодателя влияет на привлечение и удержание сотрудников, особенно в условиях конкуренции и влияния поколения Y? Для изучения этого вопроса мы сначала рассмотрим точное определение понятия "бренд работодателя" по мнению специалистов, изучим, как это определение изменяется в зависимости от внутреннего и внешнего восприятия компании. Затем мы изучим влияние бренда работодателя как механизма привлечения сотрудников, принимая во внимание различные элементы, такие как корпоративная идентичность, репутация, вознаграждение, возможности развития и опыт сотрудников.

Описанная выше цель обусловила две исследовательские гипотезы, которые были сформулированы в ходе исследования.

Выдвигаются две гипотезы:

- Брендинг работодателя может улучшить имидж компании;
- HR-коммуникации могут стать решающим фактором в позиционировании бренда работодателя.

Мы проанализируем динамику бренда работодателя как стратегического ответа на "войну за таланты", изучим, как его влияние проявляется в согласованности между внешним восприятием и внутренней реальностью компании.

БРЕНДИНГ РАБОТОДАТЕЛЯ: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Серж Панчук и Себастьян Пойнт определяют брендинг работодателя следующим образом: "Процесс, в ходе которого сотрудники усваивают желаемый образ бренда и мотивируются проецировать этот образ на клиентов организации и другие заинтересованные стороны"[9]. Это понятие подчеркивает важность восприятия и проецирования образа компании ее сотрудниками как важнейшего элемента общей стратегии бренда работодателя.

Дюрони дает следующее определение: "Все сообщения, рассылаемые организацией через свой бренд с помощью традиционной системы коммуникации" [7]. Однако эта идея основана на двух фундаментальных принципах. С одной стороны, принцип передачи, сосредоточенный на организации, относится к идентичности компании. С другой стороны, принцип приема обогащается за счет использования коммуникационных инструментов. Это отражается в том, как заинтересованные стороны воспринимают бренд через различные каналы коммуникации. Это восприятие и передача направлены на внешний контекст компании, охватывающий такие заинтересованные стороны, как клиенты, акционеры и кандидаты. Более конкретно, понимание этого образа материализуется через представление.

Согласно Амблеру и Барроу, подходы к управлению брендом могут быть применены к сферам, связанным с трудоустройством [3]. Одэ, в свою очередь, предлагает оригинальную интерпретацию концепции: "Бренд работодателя представляет собой то, что сознательно или бессознательно сообщается каждому нынешнему или потенциальному сотруднику компании" [6].

Опираясь на исследования Амблер и Барроу, Барроу и Мосли дают следующее определение бренда работодателя: "Набор функциональных, экономических и психологических преимуществ, предлагаемых работодателем сотрудникам и легко идентифицируемых ими" [3]. Основная функция бренда работодателя заключается в создании согласованной рабочей структуры для упрощения и выделения индивидуальных приоритетов, а также для повышения производительности и привлекательности компании на рынке труда. Это позволяет компании привлекать, нанимать и удерживать наиболее квалифицированных специалистов".

Исследования Ливенса и Хайхауса показывают, что брендинг работодателя включает в

¹ поколение Миллениума, также поколение «некст», сетевое поколение — поколение людей, родившихся, по разным классификациям, примерно с начала 1980-х до середины 1990-х годов

себя [7]:

- Функциональные преимущества, которые привлекают кандидатов, предлагая им удовлетворение, основанное на объективных аспектах, связанных с должностью или компанией (вознаграждение, возможности карьерного роста, рабочая среда, структура и т. д.).

- Символические преимущества, которые соответствуют субъективным характеристикам, связанным с должностью или компанией (престиж, подлинность, энтузиазм и т. д.), и которые создают согласованность между организацией и ценностями, интересами и потребностями человека.

Создание отличительной и узнаваемой идентичности работодателя имеет важное значение для бренда работодателя, позволяя компании дифференцировать себя от конкурентов на рынке труда [1]. Принимая во внимание отличительные ценности и характеристики, компания определяет важность каждого преимущества с целью привлечения и удержания наиболее талантливых сотрудников.

Успех усилий по привлечению и удержанию персонала зависит от создания подлинного бренда работодателя, осязаемого, видимого и, прежде всего, гармонирующего с внутренними ценностями компании, ее внешним имиджем и маркетинговой стратегией. Эта задача требует умелого подхода, тем более что с появлением поколения Y, которое славится своей осведомленностью о бренде.

БРЕНДИНГ РАБОТОДАТЕЛЯ: МЕХАНИЗМ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ

Привлечение и удержание талантов становится все более сложным, что ставит перед компаниями все более сложные задачи в области брендинга работодателя. Брендинг работодателя рассматривается как отличительное ценностное предложение и "уникальная гарантия работы" как для действующих сотрудников, так и для потенциальных кандидатов. Он включает в себя конкретные характеристики работы и организации в восприятии сотрудников (внутренний бренд работодателя) и кандидатов (внешний бренд работодателя). Приведенная ниже диаграмма обобщает вышесказанное.

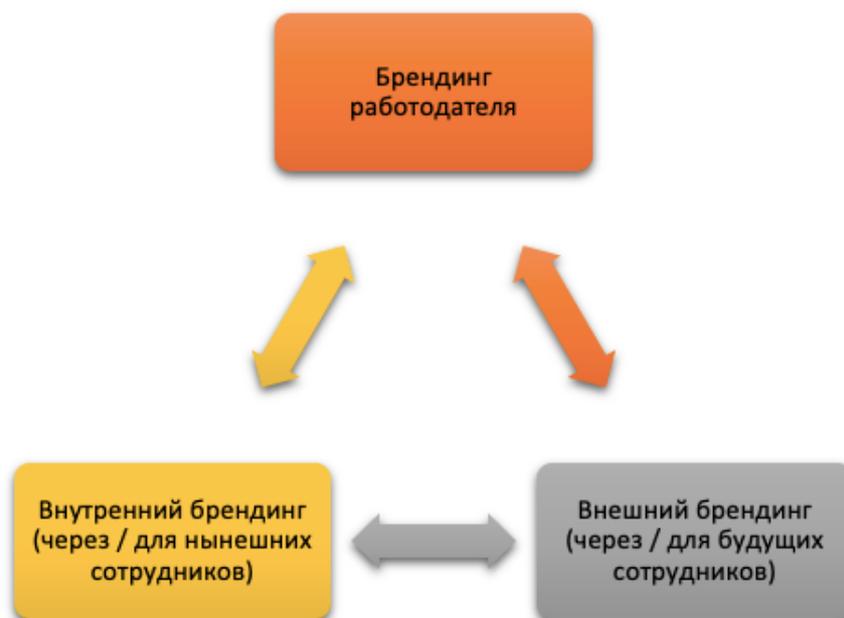

Рисунок 1: Брендинг работодателя: система привлечения сотрудников²

Некоторые авторы выдвинули идею о том, что сильный бренд работодателя может привести к положительным последствиям для работодателя, таким как постоянное привлечение качественных кандидатов, удержание сотрудников и снижение текучести кадров.

С этой точки зрения, по мнению Морина, привлекательность проявляется в способности привлечь потенциальных кандидатов и донести до них мысль о том, что организация пред-

² Составлено автором на основе исследования

ставляет собой позитивную рабочую среду [8]. Кроме того, различные исследования показали, что кандидатов часто привлекают компании, разделяющие схожие ценности или ценности, которые гармонируют с их собственными.

Например, Турбан и Кеон показали, что самооценка и потребность в самореализации играют умеренную роль во влиянии воспринимаемых характеристик организации на ее привлекательность для людей [3]. Кроме того, в работе Агравала и Сварупа было отмечено умеренное влияние первоначального опыта работы на связь между брендом работодателя и намерением подать заявку [5]. Люди с предыдущим опытом работы будут более склонны, в частности, обращаться в компании, предлагающие большую ответственность и автономию.

По мнению Леконта, на выбор людей влияют четыре основных фактора:

1. Репутация компании;
2. Общее вознаграждение (включая условия труда и сопутствующие льготы);
3. Роль и обязанности, возложенные на него, а также непосредственное окружение (коллеги и начальство);
4. Возможности для будущего развития.

Эти четыре основных элемента представляют собой главные движущие силы притяжения к компании. На организационном уровне очевидно, что репутация компании играет важную роль. Морин выделяет четыре элемента, которые взаимодействуют с привлекательностью организации, и мы представим их в виде следующей диаграммы [4]:

Рисунок 2. Ключевые факторы успеха в подборе персонала по Морину [8]

На схеме, составленной Моринем, репутация компании связана со всеми остальными элементами, что говорит о том, что восприятие кандидатом этой репутации оказывает влияние на все этапы процесса найма. Когда оценка предложения становится сложной, а информация скудной или неопределенной, людей больше привлекают компании, которые они знают, даже в минимальной степени, чем те, которых они не знают. Базовых знаний, даже таких простых, как узнавание логотипа компании, может быть достаточно. Это означает, что компании с высоким уровнем осведомленности о бренде являются внутренне привлекательными. Бренды продуктов играют решающую роль в этом узнавании. Существует также социальный аспект, который усиливает привлекательность компаний, позволяя легче оправдать выбор в пользу знакомой компании перед окружающими.

С точки зрения улучшения трудоустройства, опыт работы в признанной компании при-

носит больше пользы. Это подкрепление усиливается эффектом подражания, когда интерес или обесценивание, проявляемые другими людьми, способствуют укреплению убеждений человека о компании.

Таким образом, понятие "бренд работодателя" имеет большое значение в сфере человеческих ресурсов, выступая в качестве важнейшего механизма привлечения сотрудников в организации. Как набор отличительных элементов и ценностей, присущих компании, бренд работодателя создает благоприятную среду, вызывающую интерес и приверженность потенциальных талантов. Выделяя уникальные активы и преимущества, компания может не только привлечь перспективных кандидатов, но и установить прочную связь со своими нынешними сотрудниками. Таким образом, бренд работодателя действует как катализатор, позволяя компаниям выделиться на конкурентном рынке рекрутинга, продвигать позитивную корпоративную культуру и создавать репутацию, которая привлекает и удерживает наиболее квалифицированные кадры.

БРЕНДИНГ РАБОТОДАТЕЛЯ: МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ КОМПАНИЙ.

Концепция "брендинга работодателя" сформировалась в США в конце 90-х годов в ответ на новые требования и для продвижения новых услуг коммуникационных агентств, специализирующихся на вопросах управления персоналом [1].

Практические выгоды охватывают удовлетворенность работой и профессиональное развитие, а экономические выгоды связаны с финансовыми и материальными аспектами. Психологические выгоды в основном включают в себя чувство контроля и принадлежности. С другой точки зрения, Бертон выделяет пять измерений бренда работодателя: стимулы, связанные с работой, рабочая атмосфера, вознаграждение, возможности обучения и перспективы карьерного роста.

В 2012 году Аньес Дюрони формализовала концепцию бренда работодателя, дав четкое определение: "Если бренд направлен на клиентов/потребителей, то бренд работодателя относится к человеческому капиталу компании (сотрудникам/кандидатам). Он формируется через три измерения: идентичность, внутренний имидж и внешняя репутация". Идентичность работодателя соответствует самой сути компании, охватывая ее миссию, сектор деятельности, направления бизнеса, навыки, культуру, ценности и рабочую среду, а также смысл ее существования. Имидж работодателя (внутренний) отражает психологическое восприятие компании сотрудниками и бывшими сотрудниками. Репутация работодателя (внешняя) относится к тому, как общественность (или группа людей) воспринимает или оценивает компанию. Это измерение подразумевает понятие коллективности и продолжительности".

Восемь основных положений, высказанных Аньес Дюрони, можно резюмировать следующим образом [6, 25]:

- 1 - У каждой компании есть свой фирменный стиль;
- 2 - Бренд работодателя основан на идентичности и аутентичных характеристиках;
- 3 - Для создания бренда работодателя необходим методичный подход;
- 4 - Сфера действия бренда работодателя охватывает внутреннюю и внешнюю области компании;
- 5 - Бренд работодателя - неотъемлемая часть общей стратегии компании;
- 6 - В управлении брендом работодателя участвуют отделы кадров и коммуникаций;
- 7 - Бренд работодателя выходит за рамки поколений;
- 8 - Каждый подход к брендингу работодателя уникален и специфичен.

Из всего сказанного следует, что понятие "брендинг работодателя" превратилось из простого коммуникационного вопроса в рамках отдела кадров в глобальный подход, включающий в себя все элементы имиджа компании заинтересованных сторон по таким аспектам, как идентичность, обещания, опыт и имидж работодателя.

С появлением онлайн-репутации работодателя начали реализовывать инициативы в области HR-коммуникаций. Однако эти подходы, которые часто сосредоточены на одном компоненте брендинга работодателя, таком как привлекательность или репутация, оказались недостаточными для того, чтобы стать устойчивой частью стратегии развития компаний. В действительности подход к бренду работодателя требует координации между различными подразде-

лениями и согласованности между внутренними и внешними действиями. Учитывая необходимость вовлечения большого количества сотрудников для создания жизнеспособного подхода, становится ясно, что этот подход должен превратиться в стратегическую функцию [2].

В конце этого теоретического изложения следует, что брендинг работодателей постепенно приобретает все большее значение, особенно в крупных компаниях, где создаются должности, занимающиеся управлением брендингом работодателей. Хотя эти новые функции в компаниях остаются неясными для большинства заинтересованных сторон, все еще остаются малоизученные вопросы, которые следует рассмотреть в будущем.

Находясь на стыке маркетинга, коммуникаций и человеческих ресурсов, брендинг работодателя постепенно проникает в сферу HR. В рамках этой динамики HR-функция приобретает дополнительную роль в качестве движущей силы, определяющей имидж и репутацию компании. Брендинг работодателя включает в себя все практические, экономические и психологические преимущества, связанные с трудоустройством, помогая выделить компанию как работодателя [2].

Брендинг работодателя оказывается чрезвычайно важным, что подтверждается эмпирическими данными, демонстрирующими его значительное влияние на кандидатов, а также на лояльность, идентификацию и приверженность сотрудников.

Распространение информации о преимуществах работы в компании с помощью брендинга работодателя имеет большое значение для привлечения потенциальных кандидатов и удержания сотрудников. Однако в современных условиях информационной и веб-прозрачности компании больше не могут прятаться за институциональными коммуникациями. Внешние сообщения должны точно отражать внутреннюю реальность компании. Любое несоответствие между внешней восприятием бренда работодателя (до найма) и его внутренней реальностью (после найма) негативно влияют на намерение сотрудников покинуть компанию.

Заключение

Важная роль брендинга работодателя в привлечении и удержании талантов в современных компаниях. Отмечая вклад таких исследователей, как Панчук, Пойнт, Дюрони, Эмблер и Барроу, статья подчеркивает концепцию брендинга работодателя как многогранного набора преимуществ, включающего функциональные, экономические и психологические аспекты. В ней подчеркивается центральная роль бренда работодателя в привлечении сотрудников и подчеркивается важность методичного, совместного подхода между отделом кадров и работодателем.

Было освещено внедрение концепции бренда работодателя в ответ на "войну за таланты", в частности, благодаря работе Аньес Дюрони, и подчеркивается появление профессионалов бренда работодателя в качестве стратегических игроков. Статья предостерегает от несоответствия между внешним восприятием и внутренней реальностью брендинга работодателя, подчеркивая его эволюцию в интегрированную стратегическую функцию, которая выходит за рамки простой HR-коммуникации.

Перспективы исследований по этой теме могут быть направлены на интеграцию цифровых технологий в стратегию брендинга работодателя, адаптацию к ожиданиям, которые меняются вместе с цифровыми технологиями, изучение влияния на внутренние инновации, изучение инновационных практик и анализ возникающих тенденций, таких как использование искусственного интеллекта и виртуальной реальности. Другими словами, эти направления направлены на понимание текущей динамики и прогнозирование будущих событий в условиях все более цифровой и конкурентной бизнес-среды.

Литература:

1. Алиев, М. Ф. Гендерные аспекты цифрового амбассадорства: роль сотрудников в стратегиях брендинга работодателя / М. Ф. Алиев // *Цифровая социология*. – 2024. – Т. 7, № 2. – С. 62-68. – DOI 10.26425/2658-347X-2024-7-2-62-68. – EDN VQYYOM.
2. Алиев, М. Ф. Особенности управления талантами в организациях публичного сектора (на примере Центрального Банка Российской Федерации) / М. Ф. Алиев, В. В. Криволюбов // *Государство, власть, управление и право : Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 06 декабря 2023 года*. – Москва: Государственный университет управления, 2024. – С. 4-9. – EDN QZJUG.
3. Алиев, М. Ф. Управление талантами: особенности и преимущества для организации / М. Ф. Алиев // *Актуальные*

- проблемы управления - 2023 : Материалы 28-й Международной научно-практической конференции, Москва, 08–09 ноября 2023 года. – Москва: Государственный университет управления, 2023. – С. 10-14. – EDN OYHRYO.
4. Пронин В. Ю., Кривоусков В. В. Психологические потребности и мотивация удаленных работников: социологический аспект // *Цифровая социология*. 2022. No4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-potrebnosti-i-motivatsiya-udalennyh-rabotnikov-sotsiologicheskiiy-aspekt> (дата обращения: 06.10.2024).
5. Agrawal R.K. et Swaroop P. (2009), *Effect of employer brand image on application intentions of B-School undergraduates*, *Vision*, vol. 13, n° 3, 41-49.
6. Audet M. (2004), *La gestion de la relève et le choc des générations*, *Gestion*, 29, 3, 20-26.
7. Lievens F. (2007), *Employer branding in the Belgian Army: the importance of instrumental and symbolic beliefs for potential applicants, actual applicants and military employees*, *Human Resource Management*, 46, 1, 51-69.
8. Morin D. (2006). « *Les déterminants de l'attraction organisationnelle* ». Léad, Adecco, vol.1, 16-20. Leconte M. (2017), *L'image de marque employeur perçue par les salariés : Récits de l'expérience de travail*, *Revue Management & Avenir*, 941, 1-14.
9. Cohendet, Patrick. "Panczuk S. et Sébastien Point, *Enjeux et outils du marketing RH*, Eyrolles, Édition d'Organisation, 2008." *Management international / Gestión Internacional / International Management*, volume 13, number 2, winter 2009, p. 113–117. <https://doi.org/10.7202/029784ar>

ОБ АВТОРЕ:

Кирилина Екатерина Андреевна,
магистрант 1 курса программы «Управление пространственным развитием городов»,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия.

ABOUT THE AUTHOR:

Kirilina Ekaterina A.,
1st year Master's student of the program
«Management of Spatial Development of Cities»,
National Research University Higher School of
Economics, Moscow, Russia

Кирилина Е.А.

Планирование и развитие пространств в городских агломерациях: социолого-управленческий аспект

В статье анализируются современные социологические подходы к исследованию планирования и развития пространств в городских агломерациях.

Автор отмечает, что современный город является не только местом проживания, но и сложным социокультурным организмом, который оказывает значительное влияние на жизнь общества в целом. Изучение городских агломераций позволяет создать условия для выявления и решения важнейших социальных проблем.

Современные городские агломерации – это взаимодействие городских образований в разнообразных аспектах, таких как городская и транспортная инфраструктуры, технологические инновации, межкультурное общение и прочее. Управление пространством городских агломераций призвано обеспечить благоприятные условия жизни населения, развития экономической, социальной и духовной сфер.

В статье делается вывод, что современные социологические подходы к планированию и развитию пространств в городских агломерациях предоставляют возможность не только структурировать и классифицировать особенности организации и динамики городских агломераций, но и прогнозировать возможные траектории их развития в контексте глобальной урбанизации и технологических изменений. Это создает основу для разработки эффективных стратегий управления городским развитием и планирования будущего в условиях постоянно меняющейся урбанистической среды.

Городские агломерации, социологические подходы, глобальный город.

Для цитирования: Кирилина Е.А. Планирование и развитие пространств в городских агломерациях: социолого-управленческий аспект // Социально-гуманитарные технологии. 2024. №4 (32). С. 43-51.

PLANNING AND DEVELOPMENT OF SPACES IN URBAN AGGLOMERATIONS: SOCIOLOGICAL AND MANAGERIAL ASPECT

Kirilina E.A.

The article analyzes modern sociological approaches to the study of planning and development of spaces in urban agglomerations. The author notes that a modern city is not only a place of residence, but also a complex socio-cultural organism that has a significant impact on the life of society as a whole. The study of urban agglomerations allows us to create conditions for identifying and solving the most important social problems. Modern urban agglomerations are the interaction of urban entities in various aspects, such as urban and transport infrastructure, technological innovations, intercultural communication, etc. The management of the space of urban agglomerations is designed to provide favorable living conditions for the population, development of the economic, social and spiritual spheres.

The article concludes that modern sociological approaches to planning and development of spaces in urban agglomerations provide an opportunity not only to structure and classify the features of the organization and dynamics of urban agglomerations, but also to predict possible trajectories of their development in the context of global urbanization and technological change. This creates the basis for developing effective strategies for managing urban development and planning the future in a constantly changing urban environment.

Urban agglomerations, sociological approaches, global city.

For citation: Kirilina E.A. Planning and development of spaces in urban agglomerations: sociological and managerial aspect. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2024; 4 (32): 43-51. (In Russ.)

Город является отражением и одновременно источником развития современного общества. Он позволяет нам более явно выделить насущные проблемы. Таким образом, изуче-

ние повседневности в крупной агломерации является актуальной и важной задачей, которая помогает понять и улучшить городскую среду, сделать ее более комфортной и удобной для проживания и развития человека [6].

Приоритет в формулировке концепции «городской агломерации» заслуживает профессор П. Геддес [11]. В 1903 году он предложил термин «конурбация» для описания нового вида объединения населения, а также использовал термин «конгломерация», которую он определил как «агломерацию конурбаций», от латинского *agglomerare* — присоединять, добавлять, что в переводе звучит как «сгусток городов». В конурбациях наблюдается процесс интеграции городов, которые развиваются автономно и изолированно; в агломерациях процесс объединения происходит под воздействием центрального города. Концепция агломерации также имеет свои корни в работах А. Вебера, который в начале XX века связал размещение промышленности с ростом агломерационных процессов [2].

В последней трети XX века над городской проблематикой работал французский социолог Анри Лефевр [7]. Для описания важности идентичности пространства и его символической ценности он использовал термин «символическое поле». По мнению ученого, символическое поле – это некое «покрывало», которое может помочь изучить действительность и дополнить ее определенными смыслами. Соответственно, данное поле более отчетливо видно при явном изменении общества. Анри Лефевр, автор известной работы «Право на город», писал, что город существует, как совокупность нематериальных и материальных объектов, произведенных людьми. История города пишется как учебник истории, в котором представлены ключевые люди, важные здания, а также идеи, заложенные еще на стадии его строительства [12]. Данное символическое поле, которое по сути является отражением данного общества, накапливает в себе историю предыдущих поколений, передавая традиции и нормы новым согражданам. В этом смысле именно символическая сторона городского пространства играет ключевую роль в идеях сохранения существования данного сообщества в целом. Ведь именно коллективная память как символическое поле скрепляет целые поколения. И город, который является неотъемлемой частью окружающей среды сообщества, становится объединяющим центром. Однако для данной работы более ценным будет то, какую ценность французский ученый видел в повседневных практиках.

Анализ пространства с точки зрения французского философа и социолога Анри Лефевра включает три уровня, которые он описывает в своей теории производства пространства. Эти уровни представляют собой различные способы, которыми пространство воспринимается, используется и создается в обществе.

Первый уровень – повседневные практики (*Spatial Practice*). На этом уровне пространство понимается через его физические и материальные аспекты. Это означает взаимодействие людей с физической средой: как они перемещаются, используют и изменяют конкретное физическое пространство в своей повседневной жизни. Например, уличные пути, здания и общественные пространства являются элементами этого уровня.

Второй уровень – репрезентация пространства (*Representations of Space*). На этом уровне рассматривается, как пространство представлено и понято через символы, язык и идеи. Это относится к способам, которыми архитекторы, планировщики и власти представляют пространство через планы, карты и модели. Этот уровень подчеркивает роль власти и идеологии в формировании понимания пространства.

Третий уровень – пространство репрезентаций (*Spaces of Representation*). Этот уровень касается переживаемого и воображаемого пространства, создаваемого жителями и культурой. Это включает в себя пространства, которые создаются и переосмысляются людьми в их повседневной жизни, через искусство, литературу и культурные практики. Этот уровень обращается к эмоциональным и символическим аспектам пространства, которые отражают личные воспоминания, мечты и aspirations.

Все три уровня представляют собой сложную взаимосвязь между физической реальностью, социальными отношениями и личным восприятием пространства. Лефевр подчеркивает, что пространство постоянно меняется в процессе производства в зависимости от социальных, политических и культурных контекстов.

Этот подход позволяет увидеть особенность городского пространства и его роль в повседневности граждан. Анри Лефевр смог разделить физическое и социальное пространство,

что дает более полное представление о структуре жизни в городе. При этом само устройство пространства может порождать определённые паттерны его использования, что формирует новую реальность. Подобную особенность повседневности в городе и агломерации можно было проследить даже на ранних этапах развития городов [9].

Во всех вышеперечисленных примерах прослеживается особая роль идентичности пространства, которая не угасает даже при разрастании города до размеров агломерации. Стоит уделить особое внимание важности создания уникального пространства. Городская идентичность строится именно благодаря интерпретации символов, унифицированному восприятию одних и тех же объектов, событий, паттернов.

Таким образом, проблемы, с которыми сталкивались города на начальных стадиях развития при разрастании до агломерации лишь усугублялись. Проблемы стресса в городе, отчужденности, идентичности лишь создают более благоприятную почву для формирования новых проблем. Однако крупные города предоставляют своим жителям больше сценариев для жизни. Стоит разобраться в особенностях устройства агломераций и формирования в них повседневности.

Современные социологи по-прежнему изучают вопрос идентичности в городских агломерациях. Американский социолог Ш. Зукин в рамках изучения городов пишет об выявлении их особенностей. Каждый город должен быть своеобразным, не похожим на другие. Именно этим он ценен и важен. Уникальность города отображается и в его общественном пространстве. Это способствует развитию символической экономики города. Здесь следует отметить, как именно важна идентичность города. Она определяет его будущее, мультиплицируя символический капитал города [8].

В крупной городской агломерации концентрируются различного рода социальные группы, которые формируют отдельные зоны городской территории. В целом город подразумевает определенного рода разобщенность среди его жителей, однако в агломерации этот вопрос становится особенно острым.

Помимо совместных практик жителям города, как, например, отмечал Патрик Геддес при работе в Тель-Авиве, необходимо сохранить общую коллективную память. Горожанам также желательно иметь схожие ментальные карты города, которые будут образовывать вернакулярные районы [11].

Ш. Зукин предложила свой взгляд на происходящее, а именно – рассмотрение этих трансформации через изменение обликов городов. В своей концепции общественных пространств она наглядно показала, в чем особенность городского управления и строительства. В работе «Культура городов» Ш. Зукин смогла посмотреть на города не просто как на совокупность элементов (улиц, домов, дорог), а как на принципиально другую реальность, которая трансформируется при помощи общественных. И это особенно ценно при изучении агломераций, которые в действительности формируют новую повседневность для ее жителей [4]. Стоит отметить и то, как Ш. Зукин смогла выявить главное в городах, их культуру, которая ярко проявляется через особенности построения (например, архитектурные элементы). По мнению Ш. Зукин, большие города – естественные генераторы разнообразия и щедрые инкубаторы новых начинаний и всевозможных идей. Каждый город должен быть своеобразным, непохожим на другие. Именно этим он ценен и важен. Уникальность города находит свое отражение в его общественном пространстве. В частности, Ш. Зукин отмечала, что идентичность города позволяет его спасти за счет символической экономики.

Символическая экономика укореняется в культурных аспектах общественных мест и в публичной сфере, которую автор определяет как «процесс создания образов, привлекательных для широкой аудитории» [4].

Она опирается на две основы: «разработку пространств, где финансовые вложения переплетаются с культурными значениями, и создание символов, служащих как средство коммерческих операций, так и языком социального самоопределения» [4]. В рамках данных позиций выявляется особая роль идентичности в повседневности города. Она позволяет объединить две реальности: материальную и нематериальную.

В этом дискурсе многие социологи создали свои концепции и подходы. Современный профессор социологии Й. Терборн начал заниматься темой города еще в 1990-е гг. [17]. Это случилось после его поездки в Будапешт в 1996 году, где он прочел монографию о Площади

Героев в Будапеште. В рамках этого его заинтересовало соединение истории, борьбы за власть и ее репрезентацию через архитектуру города. Он изучал взаимодействие сил, которые главенствуют в мире: урбанизацию относительно новую силу – национализм, который формирует вокруг себя целые столицы. Профессор, изучая эпоху модерна, описывает, как данные национальные центры сформировали новые общества и культуры. Й. Терборн анализирует роль подобных центров в массовых движениях, которые также являются частью перехода от общества модерна. Он видел город не только как материальный объект, но и как конструкт, наполненный смыслами и идеями. Этот пример ярко отражает гибкость крупного города. Пространство, ориентированное на большие массы, должно уметь подстраиваться под новые условия и быстро реагировать на вызовы общества.

Для Й. Терборн город выступает как символическое пространство, на основе которого формируется идентичность данного города. Это позволяет создать уверенный фундамент для формирования сообщества, которое дает возможность влияет на развитие города.

Темой урбанистических центров занимается также современный профессор Колумбийского университета Саския Сассен [15]. Она является создателем теории глобальных городов, которые представляют собой базу для дальнейшего изучения. Саския Сассен выделила основные черты глобального города: сложность, незавершенность и воспроизводство [14]. Они позволяют отличить настоящую городскую среду от просто заселенного людьми места.

За обычным скоплением людей в городе С. Сассен видит нечто большее. За ним скрывается потенциал, базирующийся на коллективном производстве, который основан на пересечении времени, пространства, людей и рутины. Социолог вводит в научный оборот термин «городской потенциал», который позволяет через встроенную среду создать общий код. Таким образом, Саския Сассен исследует город на нескольких уровнях, создавая комплексный подход к его изучению [15]. Особенно ценно отметить, что Саския Сассен подчеркивала роль современных транснациональных корпораций в развитии современных городских агломераций.

Исследовательский вклад Саския Сассен в анализ приватизации метрополитенных зон мультинациональными корпорациями занимает центральное место в ее академической карьере, выделяя ее как одну из главных специалистов по вопросам глобализации и ее влияния на городское развитие. Сассен тщательно изучает, как мировые экономические тенденции и распространение мультинациональных сетей модифицируют архитектуру и управленческие практики в городских агломерациях что влечет за собой радикальные перемены в регулировании городских зон [14].

В своих работах она акцентирует внимание на сгущении мировых управленческих и финансовых сетей в мегаполисах, обусловленном выбором глобальных компаний и банковских учреждений местоположений для главных офисов. Этот выбор приводит к увеличению цен на недвижимость в этих регионах и способствует тенденциям к их частной апроприаций.

Процесс, который Сассен описывает как «репатриацию» городских пространств, отражает переход земель и имущества, прежде общедоступных или использованных в общественных целях, в собственность частного сектора. Это приводит к ограничению доступа общественности к этим зонам, особенно заметному в центральных деловых районах крупных городов, где стоимость недвижимости достигает максимума [14].

Сассен критически осмысливает эти изменения, подчеркивая необходимость разработки новых, более справедливых подходов к городскому планированию и управлению, которые бы включали интересы всех социальных групп и обеспечивали инклюзивность и доступность городских пространств. Она подчеркивает важность достижения равновесия между экономическим ростом и обеспечением социальной справедливости.

Работы Сассен представляют собой глубокий анализ глобальных трансформаций в урбанистической среде, подчеркивая критическую необходимость переосмысления взаимодействия между глобальными корпорациями и городским пространством, с целью создания более справедливой и равноправной городской среды.

Данным вопросом также занимались другие социологи и урбанисты. В рамках научных исследований в области урбанистики, Шарон Зукин освещает комплексный и многогранный аспект, касающийся проблематики создания безопасных и благоприятных городских пространств [4].

Одним из ключевых вызовов современной городской среды является необходимость

обеспечения защиты и комфорта граждан в условиях возрастающего социального неравенства и урбанистических рисков. В данном контексте в урбанистике существует термин "архитектуры страха", под которым подразумеваются городские пространства, ограниченные для общего доступа, с высокой степенью приватности и защищенности.

Такие пространства создаются с целью минимизации контактов между представителями различных социальных слоев, в том числе с «нежелательными» элементами, что ведет к физической изоляции отдельных сегментов города. Несмотря на обеспечение определенного уровня безопасности для жителей таких зон, данный подход способствует усилению социальной сегрегации и не способствует всестороннему развитию городских территорий.

В рамках данной темы также создана концепция «закрытые сообщества» (gated communit), представляющую собой закрытые жилые комплексы, доступ в которые ограничен для общественности и предоставляется исключительно представителям высших социально-экономических слоев [10]. Такие комплексы обычно ограждены и обеспечены системами охраны, что подчеркивает их эксклюзивный статус.

Существует классификация приватизированных городских пространств, разделяя их на три основных типа. Первый, «повседневность» (lifestyle), характеризуется акцентом на общественные удобства и созданию условий, напоминающих маленькие самодостаточные города или роскошные курортные поселения, предлагающие широкий спектр услуг и развлечений для своих жителей. Второй тип, «престиж» (prestige), отражает стремление к поддержанию высокого имиджа, приватности и контроля, обращая внимание на эксклюзивность, а не на создание сообщества, при этом доступ ограничен для высшего социально-экономического слоя, включая богатых и знаменитостей. Третий тип, «зона безопасности» (security zone), олицетворяет пространства, созданные с упором на обеспечение безопасности через усиленные меры контроля доступа и внедрение обновленных систем защиты, направленных на сокращение преступности и регулирование дорожного движения.

Принято считать, что процесс приватизации муниципалитетом, государственных органов считается нормальным и довольно логичным, ведь эти органы обладают ресурсами, которыми им дано право распоряжаться. Однако все сложнее, чем кажется. На практике оказывается, что органы приходят к приватизации общественного пространства, что не приводит к улучшению ее качества.

В рамках комплексного анализа трансформации городских общественных пространств на примере Центрального парка и Брайант-парка в Нью-Йорке, стоит осветить периоды их истории, когда эти локации стали эпицентрами скопления маргинализированных социальных групп, включая бездомных. В ответ на вызовы, связанные с упадком этих территорий, муниципальные власти города приняли решение о частичной приватизации данных парков. Такой подход предполагал реформатирование пространства с особым вниманием к потребностям и интересам платежеспособной части населения, что, по сути, ставило под вопрос принципы демократичности и открытости общественных пространств.

В процессе реализации данных инициатив парки были обогащены новыми элементами инфраструктуры, такими как заборы и усиленное присутствие охраны, направленные на поддержание порядка. Эти меры, хоть и были направлены на улучшение общего состояния парков, однако по своей сути отражали политику агрессивной приватизации. Такие действия властей способствовали сокращению доступности и привлекательности этих мест для широкой общественности, подрывая концепцию общественного пространства как открытого и доступного для всех слоев населения.

Такая тенденция приватизации и монетизации общественных пространств вызывает значительные опасения с точки зрения развития городской среды. В условиях, когда преимущественно только платежеспособные группы населения могут влиять на процессы преобразования и использования городских территорий, происходит нарушение принципов общественного контроля и открытости. Это в свою очередь ведет к усилению социальной сегрегации и уменьшению общедоступности и инклюзивности городских пространств.

В контексте постиндустриального развития городов наблюдается тенденция к созданию более защищенных общественных пространств, в отличие от более открытого характера пространств в городах индустриального периода. Это изменение подчеркивает необходимость переосмысления подходов к управлению и развитию городских территорий, с акцентом на ба-

ланс между частными интересами и сохранением общественных пространств как основы для социального взаимодействия и интеграции всех групп населения. В этом примере особенно заметна роль сообществ и работы с ними в развитии городских пространств, что подчеркивает многогранность города, как объекта.

Так Дж. Голд рассматривал город как совокупность социальных и материальных пространств [3]. С одной стороны, он видел город как объективную среду или мир действительный. Город составляет физические объекты, факты, которые унифицированы для граждан. Дж. Голд выделял поведенческую среду или мир сознания, который представляет собой набор образов, проживаемых жителями города. Поведенческая среда достаточно хаотична, ее можно изучить лишь косвенно. Однако она и является основой изучения городской среды. Ведь именно эта среда становится базой для принятия решений жителями в городском пространстве.

О подобной дихотомии в социологии писали многие ученые. Так Пьер Бурдьё акцентирует на значимости разграничения между «абстрактным изображением» социальной реальности, сформированным в результате социологического исследования, и «фактическим пространством» нашего ежедневного опыта [1]. Он считает, что эти две сферы можно аналогично сопоставить с геометрическим и философским измерениями пространства. В центре внимания оказывается проблематика того, что в погоне за генерализацией и объективностью, социологи иногда упускают из виду, что субъекты их исследований вправе формировать собственные практики и системы классификации.

Возникновение новой фазы развития городского пространства связано с факторами, которые формируют как устройство территории, так и повседневность ее жителей. Стоит рассмотреть основные социальные, а также географические особенности развития агломерации.

Среди ученых, занимавшихся вопросами городских агломераций, важной фигурой является Э. Сойя [16]. Он выстраивает свой взгляд на основе работ Анри Лефевра, идеи которого были раскрыты в данной работе. Э. Сойя утверждает, что, начиная с 1980-х годов, происходит значительное и глубокое преобразование характера урбанизационного процесса, проявляющееся в переходе от традиционных городских структур к более обширным. Э. Сойя отмечает, что идеализированные концепции Чикагской школы преобладали в теориях городского развития на протяжении XX века. Однако эти модели были сосредоточены на промышленных городах конца XIX – начала XX века, характеризующихся интенсивной централизацией и сгруппированностью производственных мощностей и населения вблизи городских центров. Пригороды того времени отличались низкой плотностью населения и меньшим объемом социальных проблем по сравнению с центральными районами, что создавало основание для их противопоставления [16].

Тем не менее, наблюдался постепенный процесс перемещения определённых функций из центра города на периферию. Одной из причин данного процесса этого являлась концентрация во многих городах малоимущих слоёв населения в центральных районах, что побуждало более состоятельные семьи и престижные предприятия переселяться на городские окраины. Исследователь подчеркивает, что в первые две трети XX века бедные слои были сосредоточены главным образом в центре городов, причём это явление было заметно даже в бывших колониальных странах, где центральные районы также включали в себя анклав богатой элиты. В этом Э. Сойя видит первую особенность формирования городской агломерации – рост природного населения. Возникает переход от моноцентричной модели к полицентричной, что выражается в смене мест для промышленности [16].

Например, процессы реиндустриализации. И здесь хочется отметить еще одну важную особенность городской агломерации – значимость экономики и промышленности для её развития. С появлением глобальной экономики некоторые города закрепляют за собой роль лидеров в международных отношениях. На этом этапе важно отметить, что результат реиндустриализации находился под влиянием не только экономической выгоды. Также Э. Сойя отмечает роль технологий и глобальной сети в формировании городских агломераций. В своих аналитических работах Эдвард Сойя акцентировал внимание на постоянно растущей сложности и неоднородности урбанистических ландшафтов, подчёркивая, что это обстоятельство способствует глубокому социальному разделению. Он выдвигал тезис о том, что эволюция мегаполисов приводит к их трансформации не только на физическом уровне, но также и в соци-

альном, культурном, а также экономическом аспектах. Подобная многоаспектная сложность отражается через разнообразие архитектурных форм, пестроту социокультурного состава населения, а также через запутанные экономические взаимосвязи внутри городской среды. Как следствие, углубляется отдалённость и отчуждение между отдельными социальными, этническими и экономическими слоями общества.

Сойя выражал убеждение, что подобное усложнение пространственной структуры городов приводит к изоляции общественных групп друг от друга, даже в пределах одного городского организма. Это ведёт к социальной сегрегации и экономическому дисбалансу, усугубляя чувство отчуждения и недопонимания между разными группами, что в свою очередь способствует закреплению и усилению имеющихся стереотипов.

В качестве решения этих проблематик Сойя предлагал учитывать многогранность городского пространства в процессе его планирования и последующего развития. Он аргументировал необходимость создания городских пространств, которые были бы более открыты и интегрированы, способствуя тем самым взаимодействию между разнообразными социальными группами. Подобная стратегия, по его мнению, могла бы способствовать снижению уровня социального разрыва и способствовать укреплению общественного единства среди жителей городов.

Здесь важно отметить, что изучение подобных сообществ, которые существуют в городе, позволит работать с проблемой разобщенности. Ментальная картография позволяет выделить различные сообщества в городском пространстве, а впоследствии, определить их запросы относительно самих городских пространств.

При активно развитой цифровизации должен был возникнуть риск исчезновения общественных пространств, ведь люди получили возможность общаться и взаимодействовать онлайн. Однако этого не произошло. До сих пор большую популярность имеют «третьи места» города, поскольку они очень нужны людям для общения. Этот факт отмечает в своих работах профессор Санкт-Петербургского государственного университета Д.В. Иванов [5]. Ученый подчеркивает важность «точек доступа к реальности» в мире, перенасыщенном виртуальностью. В его работах и выступлениях можно заметить, какое внимание учёный уделяет местам живого общения людей. Несмотря на развитую цифровизацию и активное использование различных приложений и социальных сетей, современное поколение нуждается в не виртуальных местах общения. Сегодня популярно скупать виниловые проигрыватели, модно ходить в клубы настольных игр, а также на различные концерты, в музеи и театры, гулять в парке и так далее. Все это необходимо современным городским жителям. Публичные пространства формируют повседневность, благодаря присущим им символическим функциям.

Цифровая реальность в городских агломерациях представляет собой сложную и многоуровневую систему, которая включает в себя различные технологии, платформы и сервисы, направленные на улучшение качества жизни жителей, повышение эффективности урбанистических процессов и создание устойчивого развития городских территорий.

В теории, описанной Эли Паризером, идентифицированы три основные ступени цифрового разлома, каждая из которых иллюстрирует разнообразие проблем, связанных с ограниченным доступом к информационным технологиям и данным. Известный за свои исследования о «пузырях фильтрации», Паризер акцентирует на трудностях, порождаемых цифровым разделением в современном мире [13].

1. Основной доступ. Этот слой касается прямого доступа к интернету и цифровым устройствам. Значимость этой стадии обусловлена тем, что без возможности подключения к интернету люди лишаются доступа к значительному объёму знаний, образовательным материалам и профессиональному саморазвитию. Эта проблема особенно резонирует с теми, кто живет в удаленных, сельских или малообеспеченных районах.

2. Умения и навыки. Обладание доступом еще не означает способность эффективно его использовать. На этой стадии акцент делается на способности индивидов осмысленно пользоваться информационно-коммуникативными технологиями для достижения личных целей. Это включает умения поиска и критического осмысления информации, а также использование социальных сетей и других веб-сервисов для обучения, работы и социального взаимодействия.

3. Выборочная фильтрация. На данном этапе рассматривается вопрос о «пузырях фильтрации», где алгоритмы веб-поиска и социальных сетей подстраивают информацию под про-

шлые запросы и предпочтения пользователя, сужая кругозор и ограничивая доступ к разнообразию мнений и данных. Это способствует усилению предубеждений и формированию информационных «гетто», в которых отсутствует диалог с противоположными взглядами.

Паризер утверждает, что для преодоления цифрового разлома необходим многоаспектный подход, который включал бы не только предоставление технологического доступа, но и развитие соответствующих навыков использования этих технологий, а также обучение критическому восприятию информации. Это крайне важно для создания открытого, разностороннего общества, где каждый сможет вносить вклад в цифровую экономику и культуру.

В данном взгляде на современную агломерацию, повседневность которой неразрывно связаны с технологиями и цифровым обществом, важно отметить, как много условия для развития разобщенности. Так, выше перечислены уровни цифрового неравенства, которое также является серьезной проблемой современной общества в агломерации.

Помимо уровней неравенства в современном обществе ученый предлагает концепцию «пузырей-фильтров». Она затрагивает проблему алгоритмической персонализации в сети Интернет и её влияние на доступ к информации и формирование нашего понимания мира. В своём издании 2011 года, Паризер выражает озабоченность по поводу того, как социальные медиа и поисковые системы, нацеленные на максимальную релевантность содержания для пользователя, фактически ограничивают людей внутри информационных «пузырей», которые лишь усиливают их существующие убеждения и предпочтения [13].

Основой данной теории является идея, что алгоритмы, определяющие, какую информацию мы видим в интернете, адаптируют контент, исходя из наших прошлых запросов, интересов и поведения в онлайн-пространстве. Это приводит к тому, что двое людей, ищущих ответ на одинаковый вопрос, могут столкнуться с различным набором информации, отражающим их личные взгляды и предпочтения.

Паризер указывает на несколько отрицательных аспектов такой персонализации. Во-первых, она ограничивает объем доступных сведений, снижая шансы на встречу с многообразием мнений и культурных перспектив. Во-вторых, способствует созданию изолированных сообществ, где доминируют однотипные взгляды, что может привести к усилению общественной поляризации. В-третьих, такие «пузыри» могут мешать развитию критического мышления, ведь пользователи могут не осознавать ограниченность и персонализацию своего информационного пространства. И это особенно заметно в крупных агломерациях. С развитием городского пространства общество становится только более тесно связано с технологиями и Интернетом. Как показано выше, это вызывает еще большую отчужденность друг от друга в повседневной жизни, так как каждый отделен «стеной фильтров» [13].

Паризер выступает за разработку технических и политических мер, направленных на преодоление этих барьеров, предлагая более гармоничное и объективное представление информации в цифровой среде. Он считает, что для поддержания здоровой демократии крайне важно гарантировать доступ к широкому спектру взглядов и идей, что требует осознанного отношения к механизмам работы информационных алгоритмов. Причем с более тщательным изучением цифрового пространства жителей крупных городах, границы все больше стираются, а свойства, которые нужно отнести в категории «агломерация» становится больше.

Таким образом, современные социологические подходы к планированию и развитию пространств в городских агломерациях предоставляют возможность не только структурировать и классифицировать особенности организации и динамики городских агломераций, но и прогнозировать возможные траектории их развития в контексте глобальной урбанизации и технологических изменений. Это создает основу для разработки эффективных стратегий управления городским развитием и планирования будущего в условиях постоянно меняющейся урбанистической среды.

Литература:

1. Бурдые П. Социология социального пространства: пер. с фр. / под ред. Н.А. Шматко. – М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
2. Вебер М. Город. М.: Strelka Press, 2017. - 252 с.
3. Голд Дж. Психология и география. Основы поведенческой географии. / Дж. Голд. М.: Прогресс, 1990. – 288 с

4. Зукин Ш. Культура городов; пер. с англ. Д. Симановского. 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 424 с.
5. Иванов, Д. В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации / Д. В. Иванов // Социологические исследования. – 2020. – № 5. – С. 44- 55.
6. Кирилина Т.Ю. Транспортная доступность как важнейший фактор качества городской среды в представлении молодых жителей наукограда Королёв // Социально-гуманитарные технологии. 2022. №2 (22). С. 9-15.
7. Лефевр А. Повседневное и повседневность // Социологическое обозрение. 2007. № 3 (6). С. 33–36.
8. Тыканова, Е.В. Шарон Зукин. Культуры городов. Пер. с англ. Д. Симановского. М.: Новое литературное обозрение, 2015 / Е. Тыканова // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. – 2016. – № 3. – С. 155-157. – EDN XWWIQD.
9. Шихардин Н.В. Анри Лефевр: освобождение от иллюзий : монография / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Курганский государственный университет. - Курган : Издательство Курганского государственного университета, 2021. – 119 с.
10. *Environment and Planning B: Planning and Design 2004, volume 31, pages 913 – 930.*
11. Geddes P. *Cities in evolution: an introduction to the town planning movement and to the study of civics*. – London: Williams & Norgate, 1915. – IX, 409 p
12. Lefebvre H. *Le droit à la ville*. 3-е издание, 2015.
13. Pariser E. *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. — New York: Penguin Press, 2011.
14. Sassen S. *Global Network/Linked cities*. – Abingdon : Routledge, 2002. – 376 p.
15. Sassen S. *The global city: New York, London, Tokyo*. New Jersey, 1991.
16. Soja E. *Postmetropolis. Critical studies of cities and regions*. Malden, 2007.
17. Therborn G. *Cities of Power. The urban, the national, the popular, the global*. London, 2017.

ОБ АВТОРЕ:

Ракович Елизавета Витальевна,
Начальник отдела по работе с административно-управленческим, учебно-вспомогательным и прочим персоналом департамента кадровой политики и социальной работы, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский ядерный университет „МИФИ“», Москва, Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Rakovich Elizaveta V.,
Head of the Department for Work with Administrative, Educational, Support and Other Personnel of the Department of Personnel Policy and Social Work, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nuclear University «MEPhI», Moscow, Russia

Ракович Е.В.

Социальная экспертиза управленческих решений: понятие, сущность, основные концепции

В статье исследуются особенности социальной экспертизы как инструмента комплексной оценки и прогнозирования социальных процессов в системе управления. В работе анализируются функции, структура, а также основные принципы, на которых базируется социальная экспертиза. Особое внимание уделяется концепциям социальной экспертизы как методологическим инструментам для повышения качества управленческих решений, а также анализируется их роль в систематизации подходов к оценке социальных процессов, прогнозировании последствий и учёте интересов различных социальных групп.

Социальная экспертиза, управленческие решения, концепции социальной экспертизы, оценка социальных процессов.

Для цитирования: Ракович Е.В. Социальная экспертиза управленческих решений: понятие, сущность, основные концепции // Социально-гуманитарные технологии. 2024. №4 (32). С.52-58.

SOCIAL EXPERTISE OF MANAGEMENT DECISIONS: CONCEPT, ESSENCE, BASIC CONCEPTS

Rakovich E.V.

The article examines the features of social expertise as a tool for comprehensive assessment and forecasting of social processes in the management system. The paper analyzes its functions, structure, as well as the basic principles on which it is based. Special attention is paid to the concepts of social expertise as methodological tools for improving the quality of management decisions, and their role in systematizing approaches to assessing social processes, predicting consequences, and considering the interests of various groups is analyzed.

Social expertise, management decisions, concepts of social expertise, assessment of social processes.

For citation: Rakovich E.V. Social expertise of management decisions: concept, essence, basic concepts. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2024; 4 (32): 52-58. (In Russ.)

Современное состояние экономических и социальных систем требует все более эффективного управления. Российская Федерация в данном случае не является исключением. В связи со сложной геополитической ситуацией, ростом инфляции, глобальными экономическим и продовольственным кризисами от управленческих решений ожидают не только эффективности, но и социального обоснования. Это связано с определенным недоверием граждан к государственным управленцам, что сильно осложняет взаимодействие между государством, обществом и бизнесом. Все это делает социальную экспертизу одним из наиболее важных инструментов по восстановлению доверия между указанными группами. Социальная экспертиза позволяет оценить последствия управленческих решений для различных социальных групп, выявить потенциальные риски и, как следствие, разработать научно обоснованные рекомендации по их минимизации.

Государство, таким образом, снижает уровень социального напряжения и формирует положительный имидж власти. Граждане получают возможность вести диалог с представи-

телями власти, а бизнес узнает о потребностях и государства, и общества, что дает возможность для увеличения прибыли.

В науке экспертиза рассматривается как изучение какой-либо проблемы, требующей особых знаний и компетенций специалистов, с целью получения объективной информации и принятия научно обоснованных управленческих решений. Особую важность экспертиза приобретает в ситуации, когда необходимо провести диагностику изучаемого объекта, получить достоверную информацию его нынешнем состоянии и дать прогноз о вероятных вариантах его изменений [7; 8].

Экспертиза широко применяется в социальном проектировании не только для решения задач прогнозного обоснования, но при решении проблемы с низким уровнем определенности параметров, подлежащих изучению [10].

Социальная экспертиза в широком смысле представляет собой процесс анализа в рамках междисциплинарного взаимодействия различных направлений. Она объединяет методы социологии, экономики, менеджмента, права, психологии и т.д. Такой подход необходим для реализации всестороннего изучения социально значимых аспектов управленческих решений.

Наиболее завёрнутое определение понятия «социальная экспертиза» дает В.А. Луков. По его мнению, социальная экспертиза является «...проводимым специалистами (экспертами) исследованием, включающим диагностику состояния социального объекта, установление достоверности информации о нем и окружающей его среде, прогнозирование его последующих изменений и влияния на другие социальные объекты, а также выработку рекомендаций для принятия управленческих решений и социального проектирования в условиях, когда исследовательская задача трудноформализуема» [11, с. 173]

Все более широкое распространение начинает получать дистанционная социальная экспертиза. Например, Центром социологии управления и социальных технологий Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук разработана методология дистанционной социальной экспертизы, предназначенная для проверки выполнения «общественного договора» между обществом и государством в рамках выполнения проектных решений, а также оценки, насколько в них учитываются интересы, запросы и потребности населения [1]

Социальная экспертиза рассматривает объект исследования с позиции системного подхода как сложный комплекс взаимосвязанных элементов, имеющий структуру, внешние связи с другими объектами и обладающий определенными свойствами, которые могут измениться в результате реализации проекта. Крупные национальные проекты прямо или косвенно подразумевают социальные изменения (эффекты).

В качестве предмета социальной экспертизы выступают вероятные социальные последствия подготовленных к принятию или уже принятых социальных проектов, программ развития, нормативно-правовых актов, а также их соответствие первоначальному замыслу.

Как и у любого другого инструмента, у социальной экспертизы есть определенные функции [3]:

– Диагностическая функция, суть которой заключается в определении текущего состояния социального объекта, а также наиболее уязвимых его частей, а также факторов, влияющих на его развитие. Например, в рамках реализации образовательной реформы после выхода из Болонской системы диагностическая функция могла в себя включать оценку качества нынешних образовательных программ, изучение возможностей для создания более актуальных направлений подготовки, анализ системы переподготовки и повышения квалификаций, а также исследование доступности образовательных услуг для различных социальных групп.

– Информационная функция – направлена на систематизацию полученной информации и расширение информационной базы о состоянии социального объекта, которые в последствии будут использованы для принятия эффективных управленческих решений [1]. Необходимость данной функции позволяет формировать некую объективную картину об исследуемом объекте, однако при этом важно, чтобы информация соответствовала определенным требованиям:

- Точность
- Актуальность
- Полнота данных.

Примером реализации данной функции на практике может выступать сбор статистических данных Всероссийским центром изучения общественного мнения, Федеральной службой государственной статистики по факту формирования отчетной документации о социальном и экономическом состоянии граждан в целом и отдельных социальных групп в различных регионах России.

– Контрольная функция – занимается обеспечением проверки соблюдения нормативно-правовых и этических стандартов в рамках той управленческой деятельности, в которой проходит социальная экспертиза. Необходимо определить есть ли отклонения от установленного порядка. Если же такие отклонения будут выявлены, то необходимо оценить их влияние на общество, чтобы в дальнейшем можно было разработать какие-то рекомендации по устранению этих нарушений [6]. К примеру, при реализации каких-либо проектов социальная экспертиза может быть применена для оценки соответствия реализуемой деятельности социальным, правовым и экологическим нормам.

– Прогностическая функция ориентирована на анализ возможных последствий различных управленческих решений, а также прогнозирование будущих изменений в социальной системе. Этот аспект наиболее важен при разработке стратегических решений в долгосрочной перспективе. Так как, чем более длительного промежутка времени требует реализация принятого управленческого решения, тем больше внешних факторов может негативно на нем сказаться. А в случае с социальной экспертизой необходимо устранить именно негативные аспекты возможных принятых или реализуемых действий, а как следствие этого минимизировать социальные издержки.

– Проектировочная функция – заключается в разработках рекомендации на основе всей полученной ранее информации. Данная функция предполагает создание новых моделей взаимодействия государства, общества и бизнеса или же совершенствование старых. При разработке программы реформирования системы здравоохранения в период пандемии COVID -19 наиболее ярков выраженной была именно эта функция социальной экспертизы, так как разрабатывались механизмы обеспечения доступности медицинских услуг в условиях ограниченных медицинских кадров.

Многофункциональный подход обеспечивает более комплексный анализ, что позволяет учитывать интересы различных социальных групп. К тому же на основе этих функций строится сам процесс социальной экспертизы, то есть каждый этап ее реализации фактически отражает одну из функций экспертизы (Рис. 1).

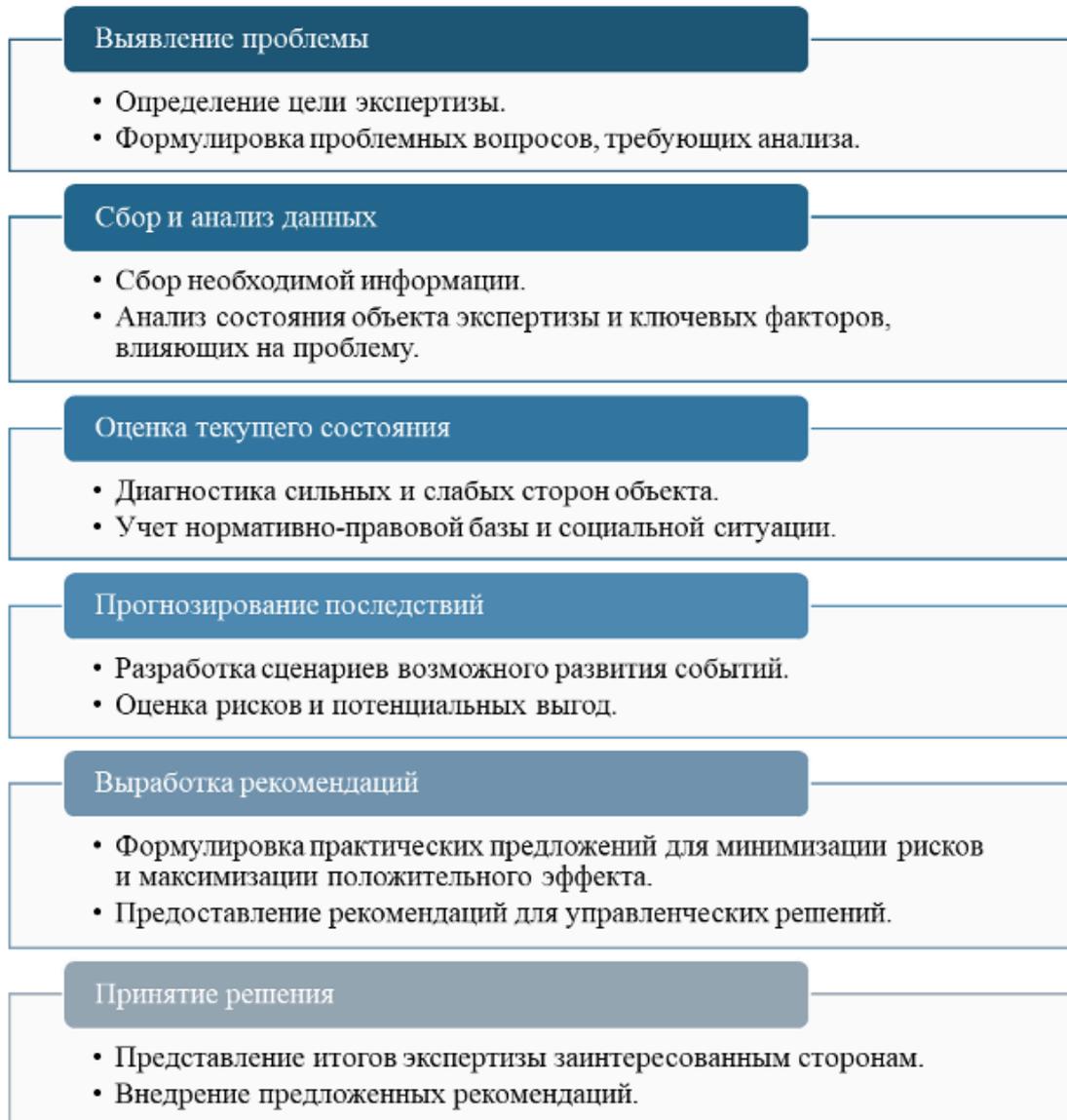

Рисунок 1. Этапы проведения социальной экспертизы управленческих решений [4]

Примеры, которые были приведены нами, отражают то, насколько социальная экспертиза является актуальным инструментом в рамках управленческих действий. Необходимость социальной экспертизы проявляется в возможном недовольстве граждан принимаемыми законопроектами, мерами социальной поддержки и обеспечения. Иллюстрацией может служить пенсионная реформа, которая вызвала в обществе большой негативный резонанс.

Однако, в зарубежной практике есть положительные примеры применения социальной экспертизы. Так при реализации крупных инфраструктурных проектов в странах Европейского Союза данный инструмент позволил значительно снизить уровень недовольства в обществе и повысить эффективность взаимодействия между различными заинтересованными сторонами [5].

В научной литературе социальной экспертизе уделяется большое внимание, особенно в рамках исследований системы государственного управления. Так как в данной структуре социальная экспертиза проявляет себя наиболее эффективно, обеспечивая социальную устойчивость и адаптивность государственного и муниципального управления. Социальная экспертиза обладает определенными характеристиками и ранее некоторые из них мы уже упоминали, но для более глубокого понимания этого инструмента необходимо рассмотреть их все:

- Научная обоснованность – определяет фундамент социальной экспертизы, которая должна ориентироваться на проверенные научные методы и принципы. Такой подход позволяет обеспечить объективность, достоверность и репрезентативность результатов, чтобы на них можно было ориентироваться при принятии управленческих решений [14].

- Междисциплинарность – процесс внедрения в социальную экспертизу принципов, ме-

тодов и знаний из различных научных областей, что позволяет всесторонне рассматривать и анализировать сложные социальные явления.

- Объективность. Экспертные заключения должны формироваться, опираясь на фактические данные без эмоциональной составляющей или личной заинтересованности. Иными словами, никакие внешние факторы не должны влиять на процесс экспертизы.

- Прогностичность, то есть ориентированность на долгосрочные цели, а, следовательно, предвидение различных последствий принятых управленческих решений во временном аспекте.

- Интерактивность. Социальная экспертиза, как мы уже ранее выяснили, включает в себя взаимодействие различных заинтересованных сторон, чтобы можно было учесть мнение представителей разных социальных групп и их ключевые интересы.

- Гуманистическая направленность, то есть приоритет должен отдаваться именно общественным интересам, минимизации рисков и обеспечению справедливого взаимодействия между всеми участниками [13].

- Инновационность – принцип использования современных технологий в процессе социальной экспертизы, включая внедрение различных аналитических алгоритмов и искусственного интеллекта, чтобы повысить оперативность и точность проводимой экспертизы.

Ключевые характеристики социальной экспертизы отражают ее роль как инструмента анализа и оценки социальных процессов для последующего принятия управленческих решений, подчеркивая необходимость их применение для достижения комплексных и более объективных результатов. В связи с этим необходимо определить цели социальной экспертизы, так как именно они определяют стратегическое направление ее применения (Рис. 2).

Рисунок 2. Цели социальной экспертизы управленческих решений [11]

Достижение этих целей требует четко структурированного подхода, который позволяет комплексно исследовать проблемы, учитывать интересы различных социальных групп и прогнозировать последствия принимаемых решений. Реализация целей опирается на определенные концепции, каждая из которых имеет свои ключевые аспекты и свой набор инструментов.

В рамках проведения контент-анализа мы смогли структурировать полученные данные и сформировать сравнительную таблицу, отражающую особенности каждой концепции.

Таблица 1. Сравнительная характеристика основных концепций социальной экспертизы управленческих решений [2; 12]

КОНЦЕПЦИЯ	КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	МЕТОДЫ ПРОВЕДЕНИЯ	РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИМЕНЕНИЯ
Технологическая концепция	Ориентация на решение конкретных задач, а также использование количественных методов	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Статистический анализ; ▪ Аудит данных 	<ul style="list-style-type: none"> ➤ Оценка эффективности программ ➤ Мониторинг целевых показателей
Гуманитарная концепция	Учет социальных ценностей и потребностей граждан	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Опросы; ▪ Интервью; ▪ Фокус-группы 	<ul style="list-style-type: none"> ➤ Выявление общественных настроений ➤ Учет интересов граждан
Системная концепция	Исследование взаимосвязей между социальными, экономическими и экологическими факторами	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Комплексный анализ; ▪ Междисциплинарные подходы 	<ul style="list-style-type: none"> ➤ Разработка стратегий устойчивого развития
Прогностическая концепция	Формирование долгосрочных прогнозов на основе анализа существующих данных	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Прогнозирование; ▪ Сценарный анализ 	<ul style="list-style-type: none"> ➤ Минимизация рисков ➤ Формирование стратегий
Интегративная концепция	Объединение различных подходов для учета интересов всех сторон	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Интеграционный подход; ▪ Коллаборация различных методов 	<ul style="list-style-type: none"> ➤ Создание сбалансированных решений
Концепция смешанной экспертизы	Активное участие экспертов и граждан для формирования более прозрачной картины происходящего	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Общественные слушания; ▪ Экспертные комиссии 	<ul style="list-style-type: none"> ➤ Повышение легитимности управленческих решений
Концепция устойчивого управления	Разработка долгосрочных стратегий и планов с целью снижения количества социальных конфликтов	<ul style="list-style-type: none"> ▪ Стратегический анализ; ▪ Моделирование 	<ul style="list-style-type: none"> ➤ Обеспечение устойчивого развития ➤ Снижение уровня конфликтности в обществе на почве социальных различий

Социальная экспертиза выступает одним из наиболее важных инструментов ответственного управления, влияя на формирование и поддержание гармоничных отношений между обществом, государством и бизнесом. Сам по себе данный инструмент довольно гибкий, что также подтверждается разнообразием методов и концепций, однако при этом хочется отметить необходимость структурированного подхода в работе, поскольку это позволяет максимизировать эффективность социальной экспертизы.

Таким образом, социальная экспертиза управленческих решений способствует совершенствованию социальных взаимоотношений, повышению социальной ответственности субъектов управления.

Социальная экспертиза является ключевым фактором в создании эффективной системы управления, поскольку делает процесс принятия решений более прозрачным и понятным для граждан, что потенциально позволяет минимизировать социальное недовольство в обществе.

Литература:

1. Богданов В. С., Почестнев А. А. Дистанционная социальная экспертиза национальных проектов // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2024. – №3. – С.699–714.
2. Гусарова З. В. Социальная экспертиза как технология социального управления // Общество: социология, психология, педагогика. – 2019. – №11.

3. Дридзе Т. М. К проблеме социальной экспертизы управленческих решений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2008. – № 3. – С. 115–119.
4. Зелепукин Р. В., Липунцова А. В. Сущность общественной экспертизы как формы общественного контроля // Актуальные проблемы государства и права. – 2022. – №23. – С. 278–285.
5. Зотов В. В. Общественно-профессиональная экспертиза управленческих решений по общественно значимым проблемам города // Научный результат. Социология и управление. – 2023. – Т. 9, № 1. – С. 113–125.
6. Игнашина Д. Д. Социальная экспертиза нормативных правовых актов: проблемы дефиниции и правовой регламентации // Государство и право. – 2022. – №16. – С. 603–606.
7. Кирилина, Т. Ю. Методика диагностики социальной сплоченности на региональном уровне / Т. Ю. Кирилина // Социальная политика и социология. – 2013. – № 4-2(97). – С. 43-51. – EDN SZSBUR
8. Кирилина, Т. Ю. Социологическая диагностика социальной сплочённости региона / Т. Ю. Кирилина // Социология профессора Г.П. Давидюка и современность: к 100-летию со дня рождения: Материалы II Международного научно-методологического междисциплинарного семинара, Минск, 10 ноября 2023 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2023. – С. 179-185.
9. Луков В.А. Социальное проектирование: Учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Моск. гуманит.-социальн. академии: Флинта, 2003. – 240 с.
10. Луков В.А. Социальная экспертиза / Ин-т молодежи. Каф. социологии. – М. : ИМ, 1996. –142.
11. Печегина Ю. С. Общественная экспертиза в диалоге общества и государства // Право и государственность. – 2023. – №1 (1). – С. 13–17.
12. Суцинская М. Д., Власова Т. В. Социальная экспертиза : учебное пособие для вузов – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 144 с.
13. Туманов С. В., Оносов А. А., Савина Н. Е. Гуманитарная экспертиза: теоретические подходы и практики их реализации // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2017. – №5. – С. 97–112.
14. Якимова Е. В. Этика научных исследований: специфика этической экспертизы в социальных науках // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. – 2022. – №2. – С. 41–62.

ОБ АВТОРЕ:

Форостянный Никита Сергеевич,
Преподаватель, Балтийский государственный
технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф.
Устинова, Санкт-Петербург, Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Forostiannyi Nikita S.,
lecturer, Baltic State Technical University
"Voenmeh" D. F. Ustinov, Saint-Petersburg, Russia

Форостянный Н.В.

**Целеполагание национальной политики
России**

Статья посвящена целеполаганию национальной политики в системе национальной безопасности России. В контексте происходящих изменений, порождающих противоречивые тенденции в сфере национальной политики, национальной безопасности, а также отсутствия механизмов обеспечения бесконфликтного межкультурного взаимодействия, возрастает роль институтов культуры, системы образования и целеполагания в основополагающих до-

кументах национальной политики.

Безопасность, национальная политика, концепция, культура, социальные система, ценностный подход.

Для цитирования: Форостянный Н.В. Целеполагание национальной политики России // Социально-гуманитарные технологии. 2024. №4 (32). С.59-64.

GOAL SETTING OF RUSSIA NATIONAL POLICY

Forostiannyi N.S.

The article analyzes the process of setting goals in the context of the state strategy and ensuring the national security of the Russian Federation. At a time when significant changes are taking place, which cause multidirectional trends in the field of state strategy and security, as well as in the absence of effective tools for harmonious intercultural dialogue, cultural institutions, the education system and the definition of goals in key documents of the state strategy become particularly important.

Concept, culture, national policy, safety, social system, value approach.

For citation: Forostiannyi N.S. Goal setting of Russia national policy. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2024; 4 (32): 59-64. (In Russ.)

В контексте происходящих изменений, порождающих противоречивые тенденции в сфере национальной политики, национальной безопасности, а также отсутствию механизмов обеспечения бесконфликтного межкультурного взаимодействия, возрастает роль институтов культуры, системы образования и целеполагания в основополагающих документах национальной политики.

Состояние российского общества можно описать следующими признаками: разрыв единого культурного пространства, дефицит нравственных оснований жизнедеятельности и взаимодействия элементов социальной системы в парадигме инфантилизма и абсолютизации индивидуализма, размывание мировоззренческих ценностей с попытками фокусирования на традиционных ценностях. В целях развития культурного потенциала, духовного наследия и бесконфликтного взаимодействия, отвечающего требованиям национальной безопасности, необходимо разработать методологию определения приоритетов национальной политики и дальнейшему проведению мероприятий по содержательному наполнению культурной политики. Подтверждением актуальности исследования является факт принятия «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей» Указом Президента РФ от 09.11.2022 №809, обосновывающий значение аксиологического подхода в обеспечении национальной безопасности [6].

До сих пор с создания Российской Федерации страна пребывает в переходном состоянии: отказ от централизованной системы управления, единой идеологии и воздвижение на

пьедестал плюрализма идей и мнений создает сложную ситуацию в обществе и деструктивно влияет на разработку и реализацию национальной политики.

Определение национальной политики Российской Федерации дано в Стратегии государственной национальной политики до 2025 года [5]. Национальная политика определяется как система стратегических приоритетов и мер, которые реализуются государственными органами, органами местного самоуправления и другими институтами, направленными на укрепление межнационального согласия, гражданского единства, в том числе в целях предупреждения конфликтов на национальной и религиозной почве. Национальная политика – динамический и непрерывный процесс, существующий вне зависимости от существования нормативного документа, определяющего его цели, задачи, направленный на развитие социальной системы.

Социальную систему мы понимаем, как сочетание взаимосвязанных элементов, обладающих свойством эмерджентности, способных к выстраиванию вектора целей и его реализации [2, с. 238]. Социальная система адаптируется к изменениям во внешней и внутренней среде, а её структура зависит от воздействия их факторов. Реакция на изменения во внешней и внутренней среде предполагает создание новых элементов, функциональное предназначение которых – осуществление быстрого реагирования. В сфере национальной политики это институты, основополагающие нормативные документы, определяющие механизмы действий на изменения в среде, а также формирующие условия для её изменения.

Фундаментом национальной политики является Конституция РФ. В преамбуле сказано: «Мы многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству». Так государство описывает управленческий контур по учету и согласованию интересов всех проживающих этнических групп на его территории, а также задачи по формированию материальных и правовых условий обеспечения их развития при сохранении равноправного положения на территории русского государства.

Перечислим все основополагающие документы в сфере национальной политики:

- Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации";

- Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. N 1666 "О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года";

- национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года, определенные Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. N 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года";

- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации";

- И программа реализации государственной национальной политики.

С учетом основных положений вышеуказанных стратегических документов приоритетами государственной национальной политики России являются:

- укрепление гражданского единства, гражданского самосознания и сохранение самобытности многонационального народа Российской Федерации (российской нации);

- сохранение этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации;

- сохранение русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения;

- гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений, профилактика экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве;

- создание дополнительных социально-экономических, политических и культурных условий для улучшения социального благополучия граждан, обеспечения межнационального и межрелигиозного мира и согласия в Российской Федерации, прежде всего в регионах с высокой миграционной активностью, со сложным этническим и религиозным составом насе-

ния, а также на приграничных территориях Российской Федерации;

- соблюдение прав коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Графически взаимосвязь документов можно представить таким образом (рисунок 1).

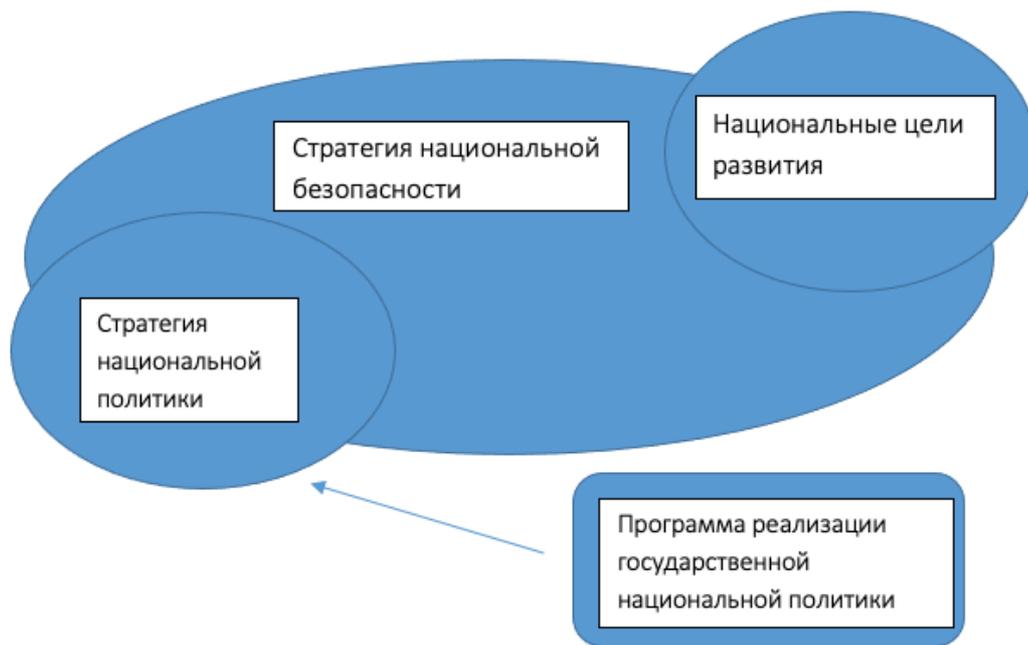

Рисунок 1. Взаимосвязь основополагающих документов национальной политики Российской Федерации

В перечисленных выше документах присутствуют инструменты по реализации управления как в режиме самоуправления, так и с непосредственным вмешательством в протекающий процесс.

В зависимости от того, каким образом мы планируем осуществлять управление объектом, нам нужно определиться, будет ли процесс управления протекать в режиме непосредственного вмешательства в текущий процесс или достижение цели будет осуществляться в режиме самоуправления. Различие заключается в том, что в задаче управления какие-то этапы реализации управления субъект-управленец берёт на себя, а в режиме самоуправления задачи реализации возлагаются на систему управления объектом.

В качестве инструмента, решающего одновременно эти две задачи управления, может выступать система образования. Цепочка: наука → система образования → миропонимание и интеллект управленца (депутата, чиновника, бизнесмена) обуславливают качество принятия управленческих решений, что отражается на будущем качестве жизни [1]. Отсутствие образования в социальных системах приводит к потере свойства целостности и система превращается в набор бессвязных элементов, не обладающих социальной мощью и неспособных как к разработке, так и реализации стратегии национальной политики.

Заметим, что как в стратегии национальной политики, так и в стратегии национальной безопасности отсутствуют упоминания об образовании. Стоит отметить, что в национальных целях развития до 2030 года [4] образование упоминается:

б) в рамках национальной цели «Возможности для самореализации и развития талантов: вхождение Российской Федерации в число десяти ведущих стран мира по качеству общего образования (п.1);

Из документа не ясно, по каким критериям будет определяться качество образования стран мира, чтобы определить, на каком месте мы находимся в рейтинге. Будет ли это индекс уровня образования или глобальный отчет ВЭФ, или отчеты рейтинговых агентств – неизвестно, что делает эти цели заведомо недостижимыми, так как нет показателей, по которым можно отследить процесс достижения цели.

Обеспечит ли прорывное развитие России большой объем научных исследований и разработок? – вопрос открытый. Вспоминается Испания XVI века, в которой из-за политики меркантилистов цены выросли втрое, по причине притока золота из «Нового Света» и ограни-

чения на вывоз золота. Что-то подобное может наблюдаться и у нас, но в научной сфере, фактически исследования будут проводиться, разработки появляться, но прикладного характера могут и не нести. Поэтому следует внести корректировки на будущее таким образом, чтобы проводимые исследование и разработки были конъюнктурны среде и образу будущего, которое реализует государство посредством разработки стратегии. Следовательно, цели, направленные на трансформацию социальных систем, должны основываться на принципах:

- превентивного целеполагания в парадигме социально-ответственного лидерства;
- разработке вектора целей социальных систем, исходя из приоритета обеспечения комплексной безопасности в преемственности поколений;
- овладения и передачи следующим поколениям навыков диалектики, то есть навыков бесконфликтного взаимодействия элементов системы между собой.

Об идеологии России в Указе не упоминается, неявным образом её можно проследить в традиционных ценностях, однако это лишь догадки, а конкретная позиция государства на сегодняшний день продемонстрирована в 13 статье Конституции РФ «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», что лишает страну возможности маневра управления на третьем приоритете. Так идеология может сплотить нации и стать ключом к бесконфликтному межнациональному взаимодействию на переходном этапе к общим ценностям. Идеологический базис также может являться инструментом для реализации задач национальной политики в режиме самоуправления бесструктурным способом, который предполагает управление элементом социальной системы (человеком) не адресно в виде передачи информации от иерархически высшего к низшему в виде приказа, а с помощью повышения вероятности самоосуществления необходимого для субъекта действия через формирования определенного информационного потока (поля), внедрения информационных модулей, которые меняют культуру (в самом широком смысле) в заданном субъектом управления [3]. Следовательно, в противовес идеологическому давлению недружественных государств в дополнение к мировоззренческому приоритету должна быть выработана идеология в целях защиты государственных интересов России, моделирования образа будущего России и мира, где качество жизни доступно всем жителям планеты, основанная на первом (мировоззренческом) приоритете, в котором ключевую роль играют ценности России, бесконфликтное (в т.ч. ненасильственное взаимодействие) элементов социальных систем, направленная на выход из мировоззрения Я-центризма.

Ещё одним проблемным местом Указа, как и Стратегии национальной политики, является отсутствие прописанных зон ответственности, участвующих в разработке и реализации стратегии институтов государственной политики.

Указ может занять самое заметное место в иерархии Концепция (Указ) – Стратегия – Программа реализации. Указ затрагивает все шесть приоритетов обобщенных средств управления, с акцентом на первом (мировоззренческом) приоритете, что позволяет другие документы «вписать» в этот Указ.

Некоторые СМИ не контролируются ни государством, ни моральными или ценностными установками и работают, исходя из принципа «кто платит больше». Кроме таких СМИ внутри страны существует масса иностранных организаций, частных лиц, влияющих на мнение населения, формируя противные целям национальной политики настроения. Кроме СМИ, разнообразное количество «вредного» контента формируется в социальных сетях, информационных площадках, видеохостингах, форумах, на таких ресурсах создаются информационные коктейли из искаженных фактов, откровенной лжи, призывы к губительным действиям, например, «группы смерти», где детей склоняют к самоубийству, злоумышленники используют разные инструменты, в том числе и анонимные мессенджеры. Так интернет выступает в роли воспитателя подрастающего поколения. Если до появления интернета воспитанием человека занималась семья, детский сад, школа, университет, цензурированные советские СМИ, которые системно закладывали в сознание молодого поколения ценности, которые имели приоритет в обществе, то сейчас воспитанием ребенка может заниматься неизвестный субъект в интернете.

Деанонимизация интернета может произойти только с политической воли государства, но даже если интернет станет открыт, то население необходимо обучать навыку различения замаскированной «ядовитой» информации, часто скрывающихся под привлекательными лозунгами защиты прав человека укрепления демократии, обеспечения национальных интересов,

попытками вовлечь людей в конфликты, возвращенные на идеологии национализма и шовинизма, религиозной вражды. Через СМИ и Интернет необходимо повышать уровень правового сознания молодежи.

Национальная политика не должна иметь характер деклараций, намерений, которые не обеспечиваются соответствующими механизмами выполнения принимаемых решений. Реакция на возникающие в межнациональных отношениях коллизии порой импульсивна, соответственно не действенна. Практика показывает, что ошибки, допущенные в национальной сфере трудно исправимы. И могут стать катализатором таких деструктивных процессов, которые сумеют перечеркнуть надежды народов России на благополучное будущее. Межнациональным противоречиям в России нельзя позволить дорасти до такого уровня, за которым начнет действовать стихия. Политикам, принимающим решения по национальному вопросу, следует четко осознать ответственность перед собственным народом.

Таким образом, на национальную политику нашей страны в настоящее время влияют как внутренние, так и внешние факторы, активизирующие потоки дезинформации в интернет ресурсах, СМИ, миграционные потоки, украинский кризис, способствующий повышению напряженности межэтнических отношений, фактор изменения международной обстановки, способствующий изменению приоритетов в области национальной безопасности, но наибольшее влияние исходит из мировоззренческого приоритета, в связи с чем возрастает значение ценностного подхода в управлении социальными системами.

Также в исследовании сделан вывод о том, национальную политику следует определять как процесс, длящийся во времени непрерывно и независимо от того, существует ли документ, определяющий её цели и задачи, или же нет, объектом которого является качественное состояние социальной системы. Характер и задачи национальной политики также меняются в зависимости от различных периодов развития социальной системы, поэтому текст «Стратегии национальной политики» должен периодически перерабатываться и изменяться. В противном случае она отстанет от реального положения дел. Периодичность таких изменений может обсуждаться, но срок в 2-3 года представляется наиболее оптимальным.

В Стратегии национальной политики до 2025 года и национальных целях до 2030 года наблюдается перекося в приоритетах, что говорит о трудностях достижения целей при вмешательстве инородного субъекта в процесс управления с позиций более высоких приоритетов. Так, сложившиеся тенденции ставят вопрос о необходимости разработки теоретических и практических рекомендаций в области целеполагания национальной политики и национальной безопасности РФ. При разработке концептуальных, стратегических и других документов, нужно учитывать все перечисленные инструменты влияния на безопасность страны.

В иерархии целеполагающих документов выявлена путаница, в связи с чем предлагается закрепить последовательности объемлющих документов, где приоритетное место занимает концепция, а следом за ней стратегия и программа реализации стратегии.

Определено значение системы образования, воспитания и СМИ для реализации целей стратегии. В качестве инструмента, решающего задачи национальной политики в режиме самоуправления, может выступать система образования. В стратегических документах национальной политики тема образования не раскрыта, из документа не ясно, по каким показателям будет отслеживаться достижение целей, что делает эти документы метрологически несостоятельными.

Продемонстрированы принципы, на основе которых должна осуществляться трансформация социальных систем. Противостоять влиянию чуждой идеологии можно только собственной.

Отмечена роль культуры и ценностей в парадигме реализации национальной политики. Эффект синергии в социальных системах возможен тогда, когда система скреплена общими ценностями, пониманием, общими целями, и элементы системы бесконфликтно взаимодействуют между собой. Ценностный подход является приоритетным, так как в контексте социальной группы он обуславливает поведение, деятельность и цели человека. Таким образом, от качеств, прививаемых институтами науки, образования, культуры в конечном итоге зависит развитие или деградация социальных систем.

Литература:

1. Величко М. В., Ефимов В. А., Зазнобин В. М. Экономика инновационного развития. Управленческие основы экономической теории: монография. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Концептуал, 2017
2. Миловзорова М. Н. Основные принципы целеполагания в социальных системах: вектор развития // Инновационные технологии и технические средства специального назначения: Труды четырнадцатой общероссийской научно-практической конференции В 2 т., Санкт-Петербург, 15–19 ноября 2021 года. – Санкт-Петербург: Балтийский государственный технический университет "Военмех", 2022. – С. 238-240.
3. Миловзорова М.Н., Щёголев Е.Н., Иванова Т.Д. Управление смыслами: гражданско-патриотическое воспитание молодёжи в контексте реализации национальных проектов России// Исследование проблем и тенденций развития высшего образования в современной России: сборник научных трудов/ авт.-сост. Г.А. Бордовский, А.Д. Шматко. – СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2021. С.291 – 303
4. Указ Президента РФ «О национальных целях развития России до 2030 года» от 21 июля 2020 года №474
5. Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19 декабря 2012 года № 1666
6. Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 года № 809 .

5.3.3 ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

ОБ АВТОРАХ:

Жарких Наталья Григорьевна,

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет», Орел, Россия

Костыря Светлана Сергеевна,

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королёв, Россия.

ABOUT THE AUTHORS:

Zharkih Natalia G.,

PhD in Psychology, associate professor, Department of Social Psychology and Acmeology, Oryol State University. I.S. Turgenev, Oryol, Russia.

Kostyrya Svetlana S.,

PhD in Psychology, associate professor, associate professor of the Department of Humanitarian and Social Disciplines, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Technological University named after twice Hero of the Soviet Union, Pilot-cosmonaut A.A. Leonov", Korolev, Russia

УДК 159.99

Жарких Н.Г., Костыря С.С.

К вопросу о соотношении формально-динамических свойств и коммуникативной компетентности в старшем школьном возрасте

Статья посвящена обсуждению актуальной проблемы связи свойств темперамента и коммуникативной компетентности старшеклассников. Темперамент является энергетическим регулятором, который определяет не только широту поведенческих реакций человека и особенности его деятельности, но и может определять особенности социального взаимодействия человека с другими людьми. Коммуникативные качества человека являются важными личностными характеристиками, опосредованно отражающими качественное своеобразие темперамента и его направленности. В прикладном исследовании были выявлены особенности проявления свойств темперамента, проанализирована специфика коммуникативной компетентности старшеклассников. С учетом статистического анализа исследования показано, что коммуникативная компетентность старшеклассников определяется выраженностью тех или иных формально-динамических свойств.

Формально-динамические свойства, коммуникативная компетентность, коммуникативные умения, старшеклассники.

Для цитирования: Жарких Н.Г., Костыря С.С. К вопросу о соотношении формально-динамических свойств и коммуникативной компетентности в старшем школьном возрасте // Социально-гуманитарные технологии. 2024. №4 (32). С. 65-73.

ON THE ISSUE OF THE CORRELATION OF FORMAL-DYNAMIC PROPERTIES AND COMMUNICATIVE COMPETENCE IN HIGH SCHOOL STUDENTS

Zharkih N.G., Kostyrya S.S.

The article is devoted to the discussion of the current problem of the connection between the properties of temperament and communicative competence of high school students. Temperament is an energy regulator that determines not only the breadth of a person's behavioral reactions and the characteristics of his or her activities, but can also determine the characteristics of a person's social interaction with other people. A person's communicative qualities are important personal characteristics that indirectly reflect the qualitative uniqueness of temperament and its direction. In the applied study, the features of the manifestation of temperament properties were identified, and the specificity of communicative competence of high school students was analyzed. Taking into account the statistical analysis of the study, it was shown that the communicative competence of high school students is determined by the severity of certain properties of temperament.

Temperament properties, communicative competence, communicative skills, high school students.

For citation: Zharkih N.G., Kostyrya S.S. On the issue of the correlation of formal-dynamic properties and communicative competence in high school students. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2024; 4 (32): 65-73. (In Russ.)

Интерес к проблеме темперамента связан с очевидностью индивидуальных различий между людьми. В современных общепсихологических исследованиях одной из актуальных проблем остается проблема становления индивидуальности человека в контексте развития индивидуально-психологических ресурсов личности, в том числе коммуникативной и социальной компетентности как прижизненно сформированных психологических образований, имеющих определенную природную детерминацию. Индивидуальные различия по психодинамическим характеристикам (темпераментные свойства), отличающиеся устойчивостью на протяжении жизни человека, традиционно признаются взаимосвязанными с социально-психологическими компонентами в структуре индивидуальности личности (П.К. Анохин, Э.А. Голубева, М.К. Кабардов, Н.Е. Максимова, В.С. Мерлин, В.Д. Небылицын, А.Е. Ольшанникова и др.). Однако недостаточно ясна роль темпераментных свойств в развитии коммуникативной сферы человека, в частности, в компетентности общения старшеклассников. В литературе представлено достаточно мало исследований относительно проявлений свойств темперамента в общении старшеклассников. В частности, Л.А. Власовой изучена взаимосвязь темперамента и речевой деятельности респондентов юношеского возраста [1], Н.А. Жемчуговой, А.Г. Ковалевым, И.А. Ильиной его соотношение с общительностью старшеклассников [2], [3]. Изучена роль функционально-динамических свойств индивидуальности в общей выраженности социальной активности личности и приверженности к различным ее формам в реальной и виртуальной среде. Шамионовым Р. М., Бочаровой Е. Е., Невским Е.В. установлены половые различия выраженности формально-динамических свойств индивидуальности. Изучены взаимосвязи приверженности к социальной активности и различным ее формам и формально-динамических характеристик. Данной группой исследователей установлено, что формально-динамические свойства играют ведущую роль в общей приверженности к социальной активности молодежи. Так, по мнению данных авторов: «наиболее сильна ее роль в приверженности к предпочитаемой гражданской и досуговой социальной активности; эмоциональные характеристики во взаимосвязи с коммуникативной эргичностью и пластичностью являются факторами интернет-сетевой активности» [6].

Активность в реальной и виртуальной среде обуславливается различными свойствами индивидуальности: 20% активности в реальной среде объясняются характеристиками эргичности и скорости в коммуникативной сфере, 6% активности в виртуальной среде, — коммуникативной эмоциональностью, интеллектуальной скоростью и психомоторной эргичностью, что свидетельствует о более значительном вкладе темперамента в реальную активность, нежели в виртуальную, и, соответственно, меньшей «затратности» последней. Это требует более внимательного изучения виртуальной активности человека с позиции компенсации или адаптации либо игнорирования внешних по отношению к нему ситуационных изменений [6].

В исследованиях Медниковой А.А. выявлено, что у старших подростков с различной степенью активности личностный компонент коммуникативных способностей имеет разные характеристики и механизмы развития. «Структура коммуникативных способностей в старшем подростковом возрасте включает в себя активность как формально-динамическое свойство индивидуальности и личностный компонент, включающий индивидуально-типологические особенности (экстраверсию, сензитивность, тревожность, эмотивность, ригидность), особенности мотивационно-потребностной сферы (мотивацию аффилиации, мотивацию достижения, потребность в общении), коммуникативные и организаторские склонности» [5].

Исследования связи темперамента и компетентности в общении в литературе, к сожалению, не представлены.

Изучение этого аспекта представляется важным в связи с преодолением коммуникативных трудностей, закономерно проявляющихся у школьников на данном возрастном этапе в связи с их формально-динамическими свойствами, а также в связи с недостаточностью научных исследований в данной области для данной возрастной категории.

С целью определения связи особенностей свойств темперамента и коммуникативной компетентности на выборке старшеклассников было проведено исследование. В исследовании приняли участие 130 старшеклассников, обучающихся в 10-11-х классах СОШ г. Орла и г. Королев (Московская область). Выборку составили старшеклассники, которые по профориентационным опросам проявили интерес к социально-ориентированным профессиям, где коммуникативная компетентность имеет особое значение (ориентация на такие профессии как: психолог, педагог, социолог).

Диагностический блок включал следующие методики: Опросник структуры темперамента (ОСТ); Личностный опросник Г. Айзенка (ЕРІ); Тест на темперамент ЕРІ; Методика диагностики коммуникативной и социальной компетентности (КСК) и Тест коммуникативных умений Л. Михельсона в переводе и адаптации Ю.З. Гильбуха. Для выявления взаимосвязи между измеряемыми шкалами применялся статистический критерий Пирсона.

Проанализируем полученные данные. Результаты исследования темперамента отражены на рисунке 1-3.

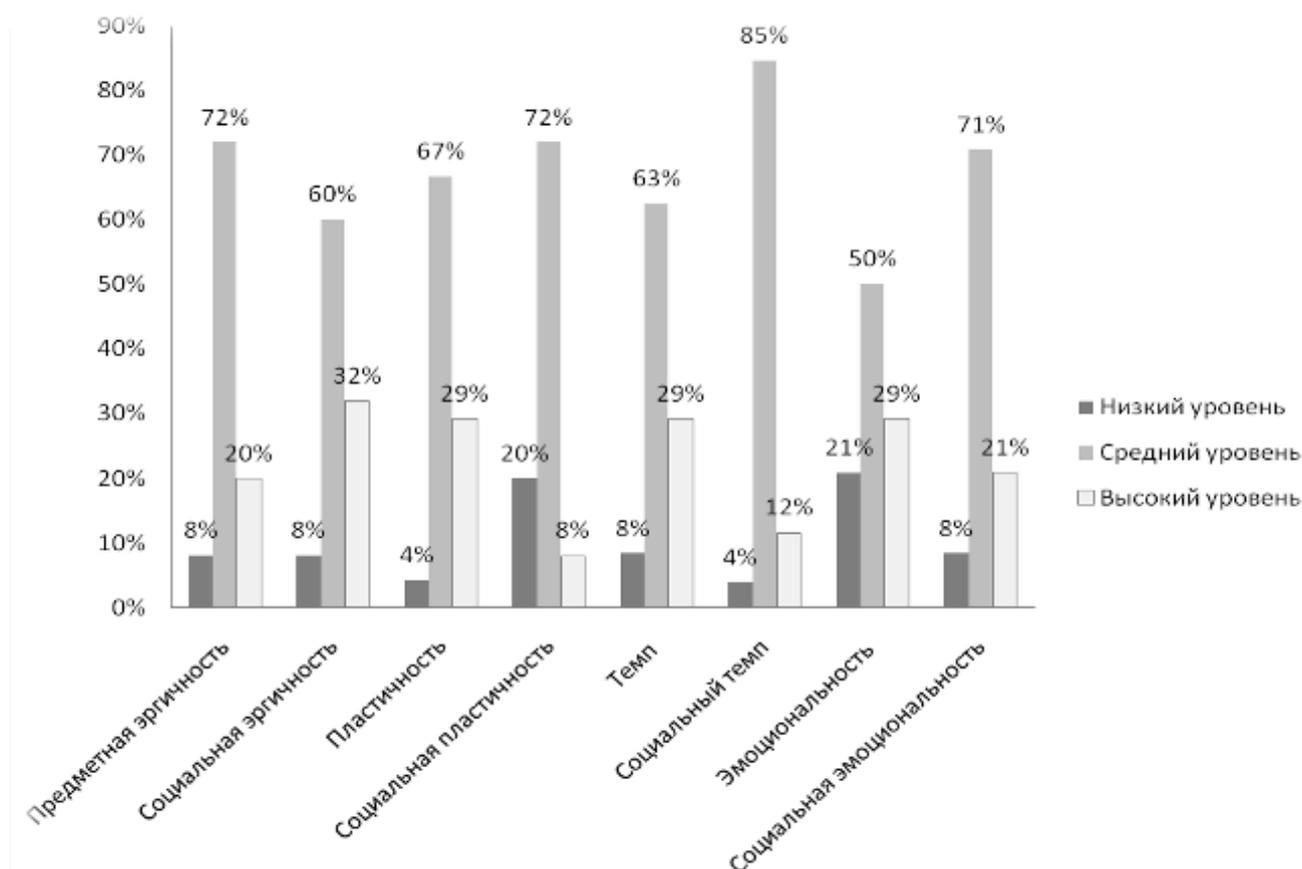

Рисунок 1. Показатели предметно-деятельностного и коммуникативного аспектов темперамента

Итак, все параметры предметного и коммуникативного содержания сформированы у большинства старшеклассников на среднем уровне, что означает проявление умеренного участия, активности и вовлеченности при выполнении какой-либо деятельности и в социальных контактах. Кроме того, в целом старшеклассники относительно гибко и адаптивно реагируют на изменение условий выполнения деятельности и в нетипичных ситуациях общения, что свидетельствует об их склонности к разнообразию в формах предметной деятельности и в коммуникативных программах с другими субъектами общения. Для них характерно среднее быстрое действие и проявление умеренной эмоциональной чувствительности к успехам и неудачам в учебе или других видах предметной деятельности и социальных контактах.

Для более углубленного изучения свойств темперамента был использован Личностный опросник Г. Айзенка (ЕРІ).

В результате исследования особенностей темперамента старшеклассников по парамет-

ру «экстраверсия-интроверсия» (см. рисунок 2) были получены следующие данные: у большинства респондентов выявлено преобладание экстраверсии (88%) над интроверсией (12%), причем, у 60% старшеклассников она выражена на среднем уровне, у 28% испытуемых – на низком уровне. Интроверсия низкого уровня была характерна для 12% испытуемых-старшеклассников.

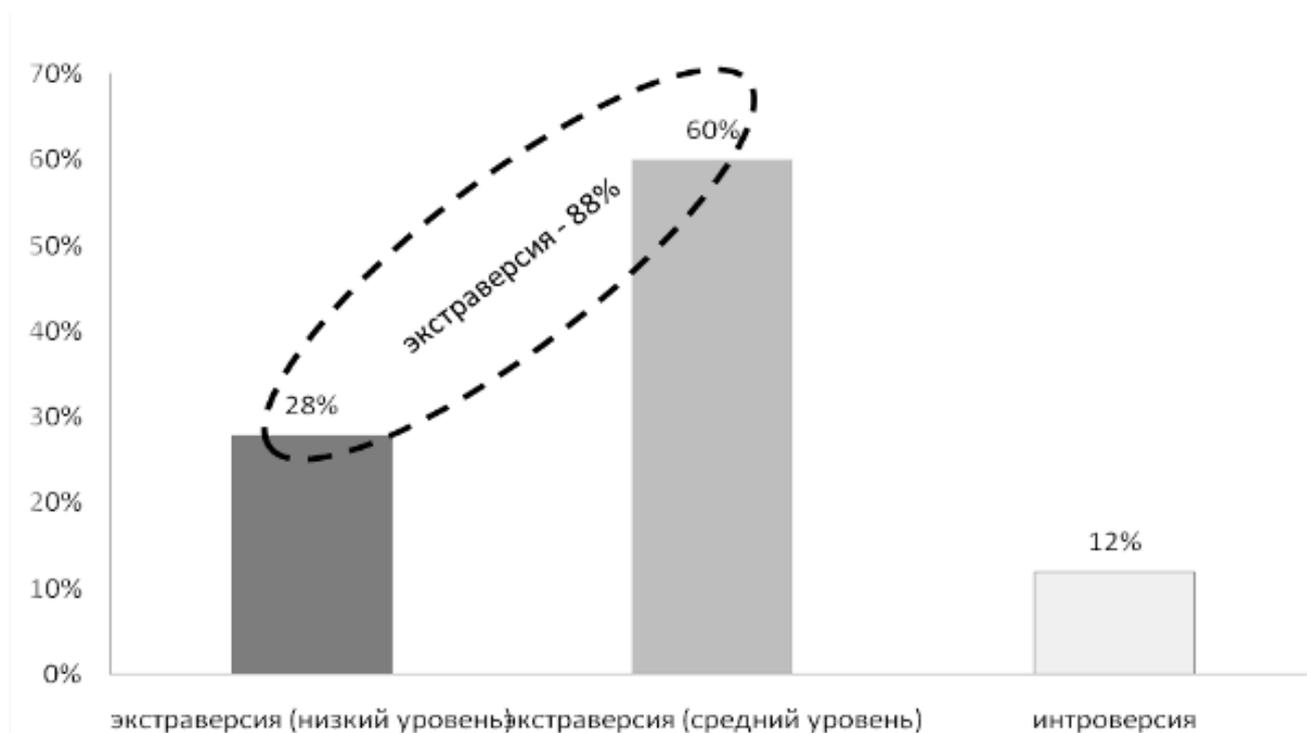

Рисунок 2. Показатели исследования особенностей темперамента старшеклассников опроснику Г. Айзенка

Таким образом, для старшеклассников характерен экстравертированный тип личности, который проявляется в общительности, в предпочтении развития широкого круга социальных контактов. Такие респонденты, как правило, чрезмерно активны, предпочитают движение и действие, склонны к проявлению риска, часто действуют импульсивно.

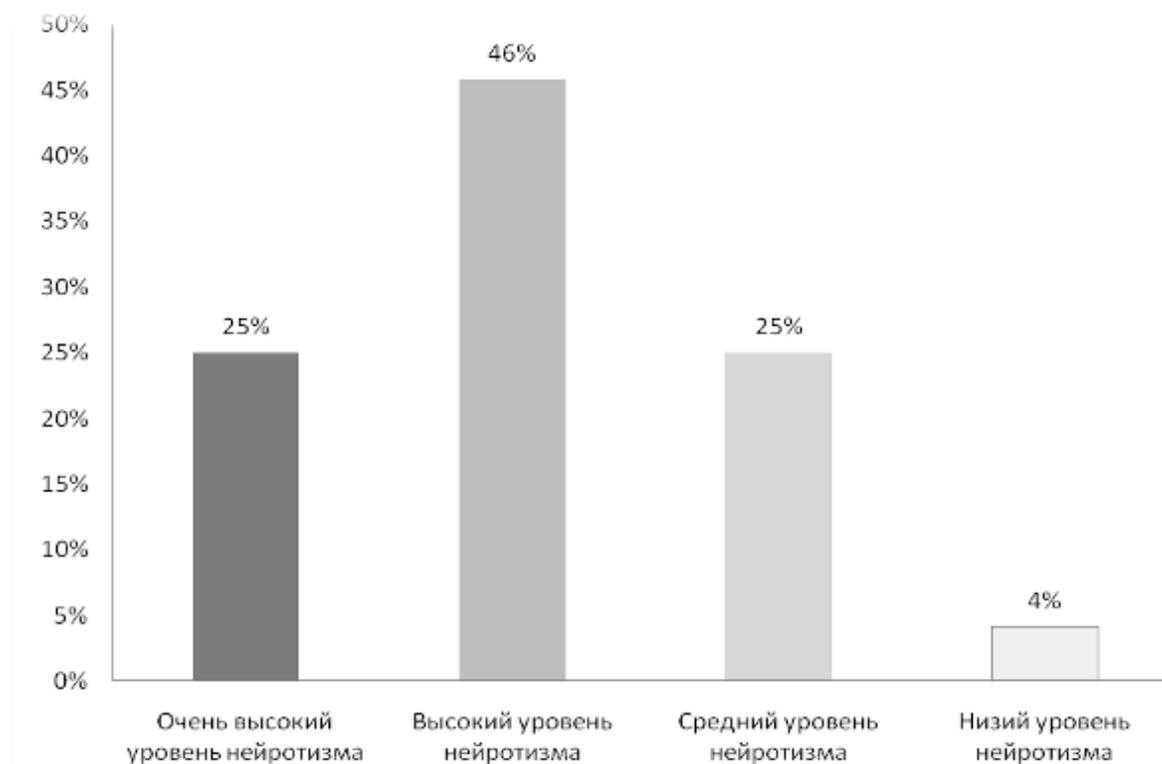

Рисунок 3. Показатели исследования особенностей темперамента по методике Личностный опросник Г. Айзенка

Также, согласно данным методики (см. рисунок 3), у старшеклассников преобладает повышенный нейротизм, выраженный на высоком (46%) и очень высоком (25%) уровне. Это означает, что исследуемые старшеклассники часто проявляют повышенную эмоциональность, импульсивность, неровность в контактах с собеседниками. Для них характерна склонность к раздражительности, которая может стать источником неврозов и конфликтов. Лишь 25% респондентов имеют нормативный уровень невротизации и 4% – ниже нормы, что говорит об эмоциональной устойчивости респондентов, о сформированном умении управлять своим поведением, об устойчивости в стрессовых ситуациях, об общительности.

Изучение коммуникативной компетентности старшеклассников позволило выявить специфические особенности в подгруппе респондентов.

Таблица 1. Исследования коммуникативной компетентности старшеклассников по методике «КСК» по уровням

	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Социально-коммуникативная неуклюжесть	-	60 %	40 %
Нетерпимость к неопределенности	32 %	44 %	24 %
Чрезмерное стремление к конформности	32 %	48 %	20 %
Повышенное стремление к статусному росту	16 %	60 %	24 %
Ориентация на избегание неудач	16 %	20 %	64 %
Фрустрационная нетолерантность	12 %	76 %	12 %

Таким образом, осуществляя интерпретацию данных, можно говорить о позитивной оценке старшеклассниками своего коммуникативного потенциала (см. таблицу 1). Проводя его оценивание по 6 шкалам (социально-коммуникативная неуклюжесть; нетерпимость к неопределенности; чрезмерное стремление к конформности; повышенное стремление к статусному росту; ориентация на избегание неудач; фрустрационная нетолерантность), они в целом оценили себя коммуникативно компетентными.

Итак, у старшеклассников преобладает средний уровень фрустрационной нетолерантности (76%), т.е. иногда они нетерпеливы, но в целом спокойны, стремятся контролировать своё

внутреннее состояние, в большинстве ситуаций умеют совладать со своим раздражением, но иногда демонстрируют отрицательные эмоции в общении с людьми, адекватно воспринимают ежедневные трудности, которые не лишают их покоя.

Фрустрационная нетолерантность на высоком уровне была характерна 12% респондентов, выражающаяся в низком самообладании, несдержанности, возбудимости, нежелание «держаться в руках». Такая особенность старшеклассников, на наш взгляд, так же может стать источником конфликтов и стрессогенных ситуаций в организации. Лишь у 12% испытуемых наблюдалась эмоциональная стабильность, высокий уровень самообладания и саморегуляции эмоциональных состояний, умение владеть собой в эмоциогенных ситуациях.

Также у старшеклассников преобладает высокий уровень ориентации на избегание неудач (64%), т.е. иногда может проявляться пессимизм, недоверчивость, боязнь трудностей. Скорее всего такие старшеклассники в общении с людьми стремятся к реализации шаблонных коммуникативных схем, что будет развивать ригидность в общении и сказываться на широте контактов. Лишь 16% старшеклассников обладает низким уровнем ориентации на избегание неудач, что может говорить о коммуникативной активности респондентов, о стремлении реализовывать разнообразные стратегии общения с целью получения наилучших результатов, о коммуникативной гибкости по отношению к партнерам по общению. У 20% старшеклассников наблюдается средний уровень ориентации на избегание неудач.

У 60% старшеклассников преобладает средний уровень социально-коммуникативной неуклюжести, свидетельствующий о том, что они не считают себя неуклюжими в социально-коммуникативном плане, в целом оценивая себя как коммуникабельных, открытых, отзывчивых и обязательных, радующихся общению. В большинстве случаев они умеют вести себя в неловких ситуациях общения, если в разговоре неожиданно возникает большая пауза, способны эффективно изменить обстоятельства, но могут испытывать затруднения в контактах с незнакомыми людьми, когда необходимо непринужденно беседовать с ними, находить компромисс в спорных вопросах и ситуациях.

Низкий уровень социально-коммуникативной неуклюжести у старшеклассников не выявлен. У 40% старшеклассников выявлен высокий уровень социально-коммуникативной неуклюжести, что может означать стеснительность, замкнутость и скромность, неуверенность в себе как в собеседнике, неумение поддержать разговор, чувство «лишнего», скованность в общении.

У 60% старшеклассников преобладает средний уровень повышенного стремления к статусному росту; 16% старшеклассников выявлен низкий уровень; 24% старшеклассников отмечается высокий уровень стремления к статусному росту. Это означает, что они любят быть в центре внимания, умеренно стремятся к лидерству и превосходству, считают, что окружающие иногда склонны недооценивать их личностный потенциал, видят у себя предрасположенность к руководству.

48% старшеклассников характеризуются средним уровнем стремления к конформности, т.е. тенденцией к изменению своего решения под влиянием мнения других людей. 32% старшеклассников демонстрировали низкий уровень, и лишь у 24% старшеклассников выявлен высокий уровень чрезмерного стремления к конформности. Таким образом, большинство из них не отличаются чрезмерным стремлением к конформности. Исследуемые не придают большого значения тому, что другие думают о них, умеют открыто заявлять свою позицию вне зависимости от мнения окружающих, стремятся реализовать свои намерения даже, если другие об этом невысокого мнения. В ситуации несправедливой критики исследуемые ориентированы на защиту, в случае возникновения разногласий в общении с другими людьми стараются включиться в обсуждение проблемы.

По шкале «Нетерпимость к неопределенности», которая отражает характер поведения человека в ситуациях, воспринимаемых как неясные, неструктурированные или непредсказуемые, у 48% старшеклассников выявлен средний уровень нетерпимости к неопределенности, у 32% старшеклассников наблюдается низкий уровень, у 24% старшеклассников – высокий уровень. Таким образом, большинство старшеклассников не испытывает сильного смущения при общении с незнакомыми людьми, так как не воспринимают их поведение как нечто непредсказуемое и неординарное. В такой ситуации в умеренной степени они стремятся подстроиться к своему партнеру, пробуя различные модели общения с целью поиска лучшей, де-

монстрируя таким образом гибкость в общении, неприятие только шаблонных схем коммуникации. Однако в некоторых наиболее сложных случаях, когда партнер по общению рассматривается как очень сложный, поведение старшеклассников может резко меняться в сторону неспособности действовать в отсутствие четких ориентиров. Наблюдается сложность в установлении и поддержании контакта на должном уровне, тенденция к поиску и использованию готовых алгоритмов и шаблонов в общении, использование которых не всегда успешно.

Для осуществления эффективного общения старшеклассник должен обладать коммуникативной грамотностью, которая определяется умением правильно анализировать вербальное и невербальное поведение партнера и подбирать наиболее оптимальные тактики общения, которые будут приводить к достижению цели. Углублению коммуникативных знаний старшеклассников будет способствовать проведение школьным психологом регулярных или эпизодических семинаров, дискуссий, ролевых игр и т.п. А многообразие ежедневных коммуникативных ситуаций с разными типами собеседников становится фундаментом для формирования практических умений и навыков в области общения и повышения их коммуникативной компетентности.

Таким образом, учитывая, что старшеклассники в целом считают себя компетентными в общении, мы считаем, что учебная деятельность создает условия для развития когнитивного уровня коммуникативной компетентности человека, отражающего знания из области человеческих взаимоотношений, обобщенный практический опыт коммуникативного взаимодействия с клиентами, образ другого как партнера по общению, личностные характеристики, составляющие коммуникативный потенциал личности.

В соответствии с данными по второй методике – Тест коммуникативных умений Л. Михельсона – установлено преобладание у старшеклассников компетентного стиля (60%) общения в различных ситуациях, по сравнению с зависимым (24%) и агрессивным (16%) стилями (см. рисунок 4).

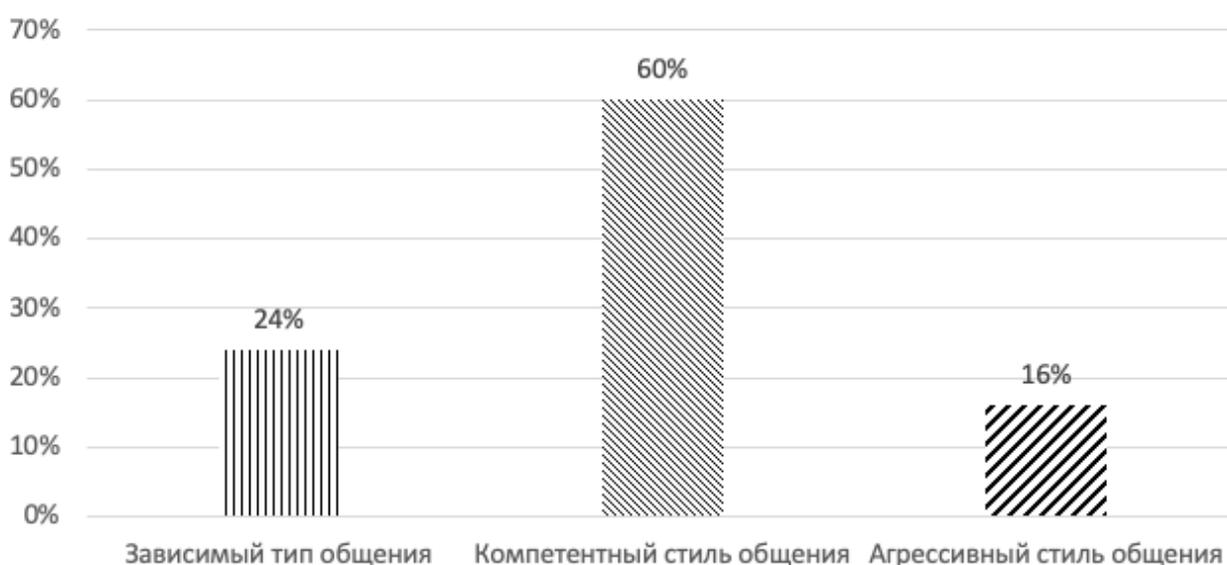

Рисунок 4. Показатели коммуникативных стилей по тесту Л. Михельсона

Компетентный способ означает проявление уверенного и партнерского стиля в общении с людьми. Он выражается в умении адекватно реагировать на поведение окружающих в зависимости от ситуации, умении в большинстве случаев правильно вступать в контакт, выражать положительные чувства и оценки, обращаться за помощью и поддержкой, контролировать себя в конфликтных ситуациях.

Преобладание компетентного стиля может быть обусловлено тем, что в этом возрасте старшеклассники испытывают интерес к установлению межличностных контактов, проявляют инициативу в коммуникативном взаимодействии. Однако ещё слабо представляет его стратегию, вследствие чего не всегда достигает цели. В этом возрасте молодые люди уже имеют достаточный объем знаний коммуникативных норм, правил поведения в общении. Признают

значимость ценности личности партнера по общению. Обладают такими качествами, как доброта, эмпатия, понимание, уважение, но в критической ситуации общения может потерять самообладание. Реагируют на чувства партнера по общению, лежащие на поверхности, но могут ошибаться в их интерпретации. Однако у них может быть затруднена спонтанность самовыражения; наблюдается трудность в прогнозировании развития отношений между людьми, в установлении отношений сотрудничества. При самоконтроле и самооценке коммуникативных действий они могут быть не всегда объективны, и как результат – демонстрация некомпетентного стиля общения: либо по типу неуверенного коммуникатора, либо предпочитая резкость, раздражение, гнев, категоричность суждений, негативные оценки людей и событий, которые могут задевать других людей, а также подавлять партнеров по общению.

Также были проанализированы коммуникативные умения старшеклассников. Несмотря на то, что по каждому умению были зафиксированы как компетентные, так и некомпетентные позиции, однако по преобладающим ответам можно говорить, что большинство из них развито у старшеклассников на компетентном уровне. Большинство из респондентов в разнообразных ситуациях общения умеет правильно вступать в контакт (52%), демонстрировать готовность к общению (64%), оказывать и принимать знаки внимания (60%), оказывать и принимать сочувствие и поддержку (68%; 72%), адекватно воспринимать справедливые критические замечания (56%).

Как правило в большинстве случаев старшеклассники агрессивно реагируют в ситуации несправедливой критики (56%) и провоцирующего поведения (48%); выражают зависимую позицию в ситуациях отказа выполнять просьбу (60%).

В заключении для анализа взаимосвязей свойств темперамента и параметров коммуникативной компетентности был применен коэффициент линейной корреляции Пирсона.

Была установлена следующие статистически значимые связи:

1. Положительная корреляция по показателям «фрустрационная нетолерантность» и «социальная эргичность» ($r = 0,54$, при $p_{0,01} \geq 0,505$), согласно которой чем большую нетерпимость к воздействию неблагоприятных стимулов и эмоциональную обеспокоенность проявляют старшеклассники в фрустрирующих ситуациях коммуникации, тем в большей степени выражена потребность в социальных контактах, в широком круге общения, стремление занять лидирующее положение в коммуникации.

2. Прямая положительная связь между показателями «социальная эргичность» и «зависимый тип общения» ($r = 0,51$, при $p_{0,01} \geq 0,505$), т.е. ориентация на проявление социальной активности приводит к формированию зависимой позиции в общении. Мы считаем, что эффективный процесс взаимодействия с людьми всегда предполагает организацию такого межличностного контакта, в котором на первое место ставится личность партнера по общению, ее особенности, интересы, ценности и переживания. Иными словами, успешность общения зависит не только от достижения своих целей в процессе общения, но и от удовлетворения потребностей партнера по общению.

3. Чем выше социальная эргичность старшеклассников, тем более выражено умение оказывать и принимать знаки внимания ($r = 0,41$, при $p_{0,05} \geq 0,396$), устанавливать контакт ($r = 0,39$, при $p_{0,05} \geq 0,396$) и готовность к общению с людьми ($r = 0,47$, при $p_{0,05} \geq 0,396$). Как правило высокая социальная активность характерна для общительных людей, имеющих высокую потребность к коммуницированию и разнообразные социальные контакты, которые формируют богатый социально-коммуникативный опыт. В такой ситуации старшеклассники получают возможность развивать свои коммуникативные навыки за счет участия в общении с различными партнерами.

4. Чем больше выражена социальная пластичность, тем меньше развито умение оказывать сочувствие другим ($r = -0,43$, при $p_{0,05} \geq 0,396$). Социальная пластичность человека наряду с легкостью переключения в социальных контактах может сопровождаться коммуникативной импульсивностью. Скорее всего неумение адекватно выражать сочувствие у старшеклассников будет проявляться вследствие недостаточной концентрации на партнере по общению, невнимательного отношения к его ситуации.

5. Положительная корреляция между нейротизмом старшеклассников, и агрессивным типом общения ($r = 0,49$, при $p_{0,05} \geq 0,396$). Нейротизм предполагает проявление нервозности, излишней эмоциональности, неустойчивости настроения человека, что несомненно может

приводить к эмоциональной несдержанности, проявлению аффективных вспышек и выплескам агрессии на партнеров по общению, и в целом разрушать коммуникацию.

6. Прямая корреляция положительной направленности между показателями «нетерпимость к неопределенности» и «нейротизм» ($r = 0,45$, при $p_{0,05} \geq 0,396$). Т.е., неспособность старшеклассников выдерживать длительное ожидание разрешения какой-либо напряженной ситуации, нетерпимость общения с незнакомыми людьми, невозможность быстро принимать решения в новой обстановке приводит к росту напряженности и раздражительности, появлению трудностей в общении.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Все параметры предметного и коммуникативного содержания сформированы у большинства старшеклассников на среднем уровне, что означает проявление умеренного участия, активности и вовлеченности в деятельности и общении и адаптивной гибкости при изменении условий выполнения деятельности и в нетипичных ситуациях общения.

2. Большинству старшеклассников свойственен экстровеитированный тип личности и проявление повышенной эмоциональности, импульсивности в контактах с партнерами, что может становиться источником неврозов и конфликтов.

3. Старшеклассники удовлетворены собственным коммуникативным потенциалом. Они в целом считают себя коммуникативно компетентными, т.е. способными достигать взаимопонимания с разными партнерами.

4. У большинства старшеклассников преобладает компетентный способ реализации социального взаимодействия, который проявляется в достаточной степени сформированности разнообразных коммуникативных умений, среди которых умение вступать в контакт, реагировать на справедливую критику, оказывать и принимать сочувствие, знаки внимания от сверстников и др.

5. Несмотря на немногочисленный характер выявленных корреляций («социальная эргичность» и «фрустрационная нетолерантность», «зависимый тип общения», «умение оказывать и принимать знаки внимания», «умение вступать в контакт», «готовность к контакту»; «нейротизм» и «нетерпимость к неопределенности», «агрессивный тип общения»), можно утверждать, что некоторые формально-динамические свойства старшеклассников определяют качественные особенности их компетентности в общении.

Полученные результаты также могут быть значимы с учетом того, что старшеклассники, принявшие участие в исследовании ориентированы в будущем на такие профессии как: психолог, социолог, педагог. Выбирая данные профессии, большая часть старшеклассников адекватно оценивают свои коммуникативные качества и формально-динамические особенности, которые могут рассматриваться как основания для дальнейшей успешной профессиональной деятельности.

Литература:

1. Власова, Л.А. Темперамент и его проявления в лингвистических характеристиках и психологических компонентах речи. Автореферат дис. ... канд. психол. наук. – М., 2007. – 18 с.
2. Жемчугова, Н.А. Развитие общительности во взаимосвязи со свойствами темперамента в учебной деятельности у старших школьников и студентов. Автореферат дис. ... канд. психол. наук. – Екатеринбург, 2009. – 19 с.
3. Ильина, А.И. О сопоставлении динамических качеств общительности с временными характеристиками темперамента // Вопросы психологии. – 1967. – № 4. – С. 123-134.
4. Ковалев, Г.А., Радзинский, Л.А. Проблемы общения и детерминации психического в работах советских психологов // Общение и развитие психики: сб. науч. тр. / Отв. ред. А.А. Бодалев. – М., 1986. – С. 7-21.
5. Медникова, А.А. Личностный компонент коммуникативных способностей старших подростков с различным уровнем активности. Автореферат дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2010. – 24 с.
6. Шамионов Р. М., Бочарова Е. Е., Невский Е.В. Роль динамических свойств в социальной активности личности // Психологический журнал, 2022, том 43, № 3, с. 69–79.

ОБ АВТОРЕ:**Зими́на Екатерина Викторовна,**

кандидат социологических наук, заведующий кафедрой, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия.

ABOUT THE AUTHOR:**Zimina Ekaterina V.,**

PhD (Sociology), Head of Department, Baikal State University, Irkutsk, Russia

Зими́на Е.В.

Контент-анализ публикаций об арт-терапии на платформе elibrary.ru: взгляд научного сообщества

В данной статье представлены результаты, полученные в ходе исследования научных публикаций об арт-терапии. Исследование было проведено методом количественного контент-анализа. Целью исследования являлось изучение особенностей использования арт-терапии, представленных в публикациях научного сообщества в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU. Были

изучены субъекты и объекты арт-терапии; виды арт-терапии; область применения арт-терапии в работе специалистов; проблемы (недостатки) применения арт-терапии. Выборка составила 293 научные статьи, доступных для просмотра, а также имеющие наибольшее количество цитирований.

Помимо этого, была проанализирована динамика научных публикаций по изучаемой тематике и рассмотрены теоретические аспекты проведения арт-терапии. По результатам исследования были сформулированы выводы об использовании арт-терапии.

Арт-терапия, контент-анализ, исследование, научные публикации, анализ, количественный контент-анализ.

Для цитирования: Зими́на Е.В. Контент-анализ публикаций об арт-терапии на платформе elibrary.ru: взгляд научного сообщества // Социально-гуманитарные технологии. 2024. №4 (32). С. 74-81.

CONTENT ANALYSIS OF PUBLICATIONS ABOUT ART THERAPY ON THE ELIBRARY.RU PLATFORM: VIEW OF THE SCIENTIFIC COMMUNITY

Zimina E.V.

This article presents the results obtained from a study of scientific publications about art therapy. The study was conducted using the method of quantitative content analysis; the purpose of the study was to study the features of the use of art therapy presented in publications of the scientific community in the scientific electronic library eLIBRARY.RU. The subjects and objects of art therapy were studied; types of art therapy; area of application of art therapy in the work of specialists; problems (disadvantages) of using art therapy. The sample included 293 scientific articles that were available for viewing and also had the largest number of citations.

In addition, the dynamics of scientific publications on the topics studied were analyzed and the theoretical aspects of art therapy were considered. Based on the results of the study, conclusions about the use of art therapy were formulated.

Art therapy, content analysis, research, scientific publications, analysis, quantitative content analysis.

For citation: Zimina E.V. Content analysis of publications about art therapy on the elibrary.ru platform: view of the scientific community. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2024; 4 (32): 74-81. (In Russ.)

Введение

В современном мире большинство людей сталкиваются с самыми разными проблемами: экономические трудности, насилие в семье, буллинг, депрессия и психические расстройства. Это лишь небольшая часть проблем, с которыми мы можем столкнуться. Нужно понимать, что любая проблема так или иначе негативно сказывается на жизнедеятельности и способна привести к дезадаптации как несовершеннолетнего, так и взрослого человека. Зачастую, человек, переживающий сложный период своей жизни испытывает потребность в посторонней квалифицированной помощи.

Из года в год характер, особенности и виды проблем человека видоизменяются, поэто-

му невозможно их разрешить, используя лишь традиционные способы работы. В связи с этим у специалистов помогающих профессий возникает необходимость в применении нестандартных технологий и методов работы. Одной из таких на сегодняшний день считается арт-терапия.

Арт-терапия понимается как здоровьесберегающая технология, направленная на решение социально-психологических, социально-педагогических, медицинских проблем, с использованием элементов творческой деятельности. Чаще всего арт-терапию трактуют как лечение искусством.

Арт-терапия нашла свое применение в педагогике, психологии, социальной работе, медицине и даже в сфере управления. Ее возможности настолько широки, что она не может не вызывать интереса к изучению.

Для оценки актуальности и изученности арт-терапии был проведен анализ публикаций научного сообщества в электронной библиотеке eLIBRARY.RU. С помощью поиска по ключевым словам, были выявлены 4 140 публикации. В последнее время интерес со стороны представителей научного сообщества к арт-терапии значительно возрос, что отображается на диаграмме (рис. 1).

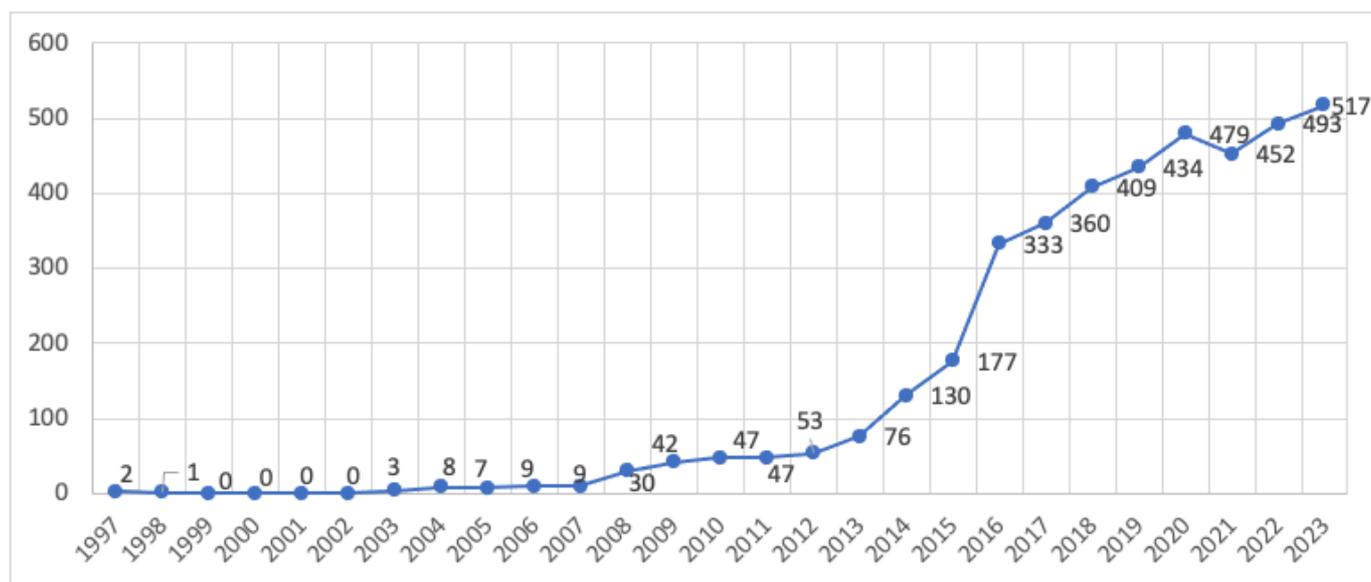

Рисунок 1. Динамика публикаций научных статей об арт-терапии в eLIBRARY.RU

Анализируя диаграмму, можно прийти к ряду выводов. Так, мы наблюдаем возникновение интереса к арт-терапии у авторов научных публикаций в 1997 году. Появившийся интерес постепенно усиливался и, со временем, привлекал внимание у более широкого круга исследователей. Мы можем наблюдать, также, особо большие скачки публикационной активности исследователей в 2007, 2013, 2014 и 2015 годах. Невооруженным взглядом наблюдается небольшой спад публикационной активности в период с 2020 по 2021 год. Наибольшее количество публикаций было выпущено за прошедший 2023 год.

Помимо интереса со стороны научного сообщества было изучено распределение публикаций об арт-терапии по тематическим рубрикам. Так, опубликованные научные статьи об арт-терапии относятся к следующим рубрикам: народное образование/педагогика (1889 статей), психология (1408 статей), медицина и здравоохранение (341 статья), социология (76 статей), культура и культурология (66 статей) и другие.

Мы наблюдаем, что в последние годы возрос интерес научного сообщества к изучению арт-терапии. Самыми популярными исследователями арт-терапии являются следующие авторы: М. В. Киселева [7], А. И. Копытин, Е. Е. Свистовская [8], Л. Д. Лебедева, Ю. В. Никонорова, Н. А. Тараканова [10], В. Н. Никитин [12] и Ю. Б. Некрасова [11]. При этом, исследователи изучают различные аспекты применения арт-терапии. Так, исследуется применение арт-терапии с разными группами населения: детьми, взрослыми, пожилыми людьми, целыми семьями, а также людьми в различных жизненных ситуациях. Помимо этого, изучаются разновидности арт-терапии: песочная терапия, музыкальная терапия, изотерапия, терапия лепкой, кинотерапия, тера-

пия игрой, танцевальная (двигательная) терапия, фототерапия, сказкотерапия, библиотерапия, драматерапия, куклотерапия и другие виды.

Также, исследователей можно условно разделить на группы в зависимости от области применения арт-терапии. Так, например, возможности применения арт-терапии в социализации изучаются исследователями В. К. Агарагимовой, Б. М. Гасановой [1]; коррекции — И. П. Ивановой, О. В. Патеевой [6]; реабилитации — О. Ю. Синевиц, Т. Ю. Четвериковой [13]; коррекции — Ю. А. Кочетовой [9], Е. Л. Афанасенковой [2]; адаптации — С. В. Батуевой [3] и др.

Исследователь Н. В. Бибилова в своей научной публикации изучает арт-терапию как инновационную технологию социальной работы. Так, автор пришла к выводу о том, что использование данной технологии позволяет более основательно изучить внутренний мир человека, его проблемы и переживания [4]. К похожим выводам приходит и А. В. Стебунова, изучая реабилитационный потенциал арт-терапии в социальной работе с воспитанниками детского дома: «использование технологии способствует гармонизации личности через самовыражение и самопознание» [14].

Методы исследования

Цель исследования — изучение и выявление особенностей использования арт-терапии, представленных в публикациях научного сообщества в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU. Достижение поставленной цели имеет практическое значение, которое заключается в возможности использования представленных рекомендаций в практической работе специалистов по социальной работе, психологов, педагогов и прочих специалистов, с использованием арт-терапии. Исследование было проведено в четыре этапа.

В исследовании был применен метод количественного контент-анализа. Единицами анализа выступают научные публикации с ключевым словом «арт-терапия», опубликованные в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU до 14.02.2024 года. Контент-анализ, по мнению многих авторов, является часто используемым методом эмпирического исследования, включающим систематический отбор каких-либо материалов и их анализ на основе определенных категорий [5, с. 1].

Нами были обнаружены 4 140 публикаций, содержащих ключевое слово «арт-терапия». Из них, были выбраны публикации, доступные для просмотра (доступ к полному тексту документа открыт или доступен на сайте издателя) — 1 230 научные публикации, которые составили генеральную совокупность. С помощью калькулятора для определения размера выборки, мы вычислили, что необходимое количество публикаций для нашего исследования составляет 293 штуки. При этом отбор публикаций был проведен по критерию «наибольшего числа цитирований» и в итоговую выборку попали 293 самые цитируемые публикации.

Категориями анализа являются упоминания разновидностей арт-терапии, областей ее применения, субъектов и объектов арт-терапевтического воздействия. В качестве единиц счета выступают научные публикации, содержащие признаки принадлежности к выделенным категориям.

Результаты исследования

Прежде всего, были выявлены 83 научные публикации (28,33 %), в которых присутствовало определение термина «арт-терапия». Отметим, что единого определения арт-терапии не существует, что может осложнять работу с данной технологией. В 13 статьях содержались методические рекомендации по применению арт-терапии (4,44 %). В основном, они заключались в советах: начинать работу после индивидуального знакомства и налаживания контакта; давать возможность получателю услуг проявлять индивидуальность и самостоятельность.

Таблица 1. Анализ объектов арт-терапии

Единицы анализа		Частота упоминания	
Категории	подкатегории	абсолютная, раз	относительная, от количества статей, в %
Целые семьи		5	1,71
	дошкольного возраста	47	16,04
	школьники	61	20,82

Несовершеннолетние	с ОВЗ и инвалидностью	79	26,96
	с девиантным поведением	21	7,17
	сироты	9	3,07
	мигранты	3	1,02
Совершеннолетние	студенты	20	6,83
	с асоциальным поведением	11	3,75
	с ОВЗ и инвалидностью	20	6,83
	в трудной жизненной ситуации	28	9,56
	пожилого возраста	11	3,75
	сотрудники организации	1	0,34

В ходе анализа таблицы 1 были выявлены социальные группы, в работе с которыми применяется арт-терапия. Так, обнаружены 5 публикаций, которые описывают проведение арт-терапии с семьями (1,71 %). Чаще всего это используется в работе с семьями, попавшими в трудную жизненную ситуацию или же с семьями, готовящимися к появлению ребенка.

В большинстве случаев, научные публикации об арт-терапии были посвящены работе с несовершеннолетними. Так, 26,96 % научных статей описывали применение арт-терапии в работе с детьми, имеющими ОВЗ или инвалидность. На втором месте расположились публикации, в основе которых лежит проведение арт-терапии со школьниками, в том числе в учебное время (61 статья, или 20,82 %), на третьем — с детьми дошкольного возраста (16,04 %). Помимо этого, было обнаружено применение арт-терапии в работе со следующими категориями детей: с девиантным поведением (7,17 %); с сиротами (3,07 %); с мигрантами (1,02 %).

Были обнаружены научные статьи, содержащие в себе упоминания использования арт-терапии в работе с совершеннолетним населением. В основном это касалось людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации — 9,56 %. Было найдено по 20 публикаций, в которых субъектами арт-терапии являлись студенты и совершеннолетние люди с ОВЗ или инвалидностью (по 6,83 % упоминаний). Арт-терапии для лиц пожилого возраста или лиц, ведущим асоциальный образ жизни были посвящены по 3,75 % работ. Обнаружено единичное упоминание использования арт-терапии по отношению к работникам организации.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что арт-терапия является эффективным инструментом работы с совершенно разными группами населения. При выборе арт-терапии в работе с какой-либо категорией стоит учитывать вид терапии (изотерапия, музыкотерапия, игротерапия и прочие), который наиболее подойдет для успешного взаимодействия.

Анализируя субъекты применения арт-терапии, можно прийти к следующим выводам. Специалистами, использующими в своей работе арт-терапию, являются в основном: педагоги (23,55 %); психологи (53 %); специалисты по социальной работе/социальные работники (7,51 %). Это может быть обосновано тем, что специалисты данной профессии в своей работе часто взаимодействуют с выявленными объектами арт-терапии. Помимо них, арт-терапию в своей работе используют и медицинские работники (15 упоминаний); социальные педагоги (6 упоминаний); воспитатели и музейные работники (по 4 упоминания); психотерапевты (2 упоминания). Также, обнаружены единичные упоминания работы арт-терапевта и священнослужителя (духовно-ориентированная арт-терапия). Все выявленные профессии относятся к работе типа «человек-человек», что не удивительно, так как технология зачастую помогает людям выразить свои чувства и эмоции через творчество, а также снизить уровень тревожности и стресса, что способствует более эффективному общению и взаимодействию между людьми. То есть, арт-терапия является эффективным инструментом для профессий типа «человек-человек», поскольку она во многом способствует улучшению коммуникации, процесса самопознания, эмпатии и снятию стресса.

Несмотря на это, ряд авторов подчеркивал, что для использования арт-терапии в работе с получателями услуг, специалисту необходимы определенные навыки и компетенции. Работа специалиста, не обладающего навыками арт-терапии, может оказаться малоэффективной, неэффективной или привести к обратному результату. Все это нужно учитывать при применении технологии.

Таблица 2. Виды арт-терапии

Единицы анализа	Частота упоминания	
	<i>абсолютная, раз</i>	<i>относительная, от количества статей, в %</i>
<i>Категории</i>		
Изотерапия	178	60,75
Музыкотерапия	103	35,15
Сказкотерапия	66	22,53
Танцевальная (двигательная) терапия	60	20,48
Драматерапия	55	18,77
Игротерапия	45	15,36
Глинотерапия / тестопластика	40	13,65
Песочная терапия	39	13,31
Фототерапия	33	11,26
Библиотерапия (либротерапия)	33	11,26
Куклотерапия	21	7,17
Кинотерапия	16	5,46
Экологическая арт-терапия	13	4,44
Мандалатерапия	8	2,73
Метаморфические ассоциативные карты	8	2,73
Мультитерапия	5	1,71
Мультимодальная арт-терапия	5	1,71
Кулинарная арт-терапия	1	0,34
Духовно-ориентированная арт-тер	1	0,34
Мраморирование	1	0,34
Рилив-терапия	1	0,34
Нейрографика	1	0,34

На втором этапе исследования были изучены конкретные виды арт-терапии. Анализ научных публикаций показал, что на сегодняшний день существует большое разнообразие видов арт-терапии, которые привлекают свое внимание к изучению исследователей. Так, было выявлено, что порядка 90-95 % статей содержат как раз-таки упоминание о видах арт-терапии.

Стоит сказать, что арт-терапию в большинстве своем отождествляют именно с изотерапией, музыкотерапией, сказкотерапией и танцевальной терапией. Именно эти технологии являются самыми популярными и составляют наибольшее количество упоминаний в научных публикациях. Лидирующую позицию занимает изотерапия (60,75 %). Данный вид арт-терапии включает в себя не только рисование карандашами и гуашью, но и рисование с помощью свечей, пластилина, круп. Не менее популярной является терапия музыкой (35,15 %), лечение которой заключаются как в прослушивании мелодий, так и в создании своей собственной, а также игрой на музыкальных инструментах. Далее следует сказкотерапия (22,53 %), танцевальная терапия (20,48 %). Исследователи отмечают, что применение различных видов арт-терапии в комплексе (драматерапия и музыкотерапия; песочная терапия и библиотерапия, изотерапия и игротерапия) дают наибольший положительный эффект в работе с клиентами, а особенно с детьми.

Многие авторы разделяют виды арт-терапии на традиционные (изотерапия, сказкотерапия, глинотерапия, куклотерапия, музыкальная терапия), то есть те, которые давно используются на практике и зарекомендовали себя как эффективные и инновационные (мульттерапия, кинотерапия, нейрографика, рилив-терапия, фототерапия), которые стали применяться совсем недавно. Инновационные виды арт-терапии мало изучены и, в связи с этим упоминание о них встречается довольно редко. К примеру статьи, посвященные нейрографике, рилив-терапии, кулинарной арт-терапии составили — 0,34 %, кинотерапии — 5,46 %, мульттерапии — 1,71 %. Говоря об инновационных арт-терапевтических технологиях, стоит также упомянуть экологическую арт-терапию. Среди научных статей, представленных для анализа, всего 13 были посвящены арт-терапии с погружением в природную среду. Большинство исследователей относят к экологической арт-терапии следующие виды: гарденотерапия, садовая терапия, анималотерапия. Эти совсем еще молодые виды арт-терапии редко используются в практической деятель-

ности специалистов, однако они не являются малоэффективными. Мы можем лишь предположить, что не каждый специалист готов применить в своей деятельности что-то новое.

Таким образом, анализ научных публикаций показал, что видов арт-терапевтической деятельности множество, но к каждому клиенту подбирается свой, в зависимости от проблемы, потребностей и индивидуальных особенностей личности. При осуществлении арт-терапевтической деятельности специалист обязательно учитывает желание клиента и предоставляет возможность выбора вида арт-терапевтической деятельности.

На третьем этапе исследования была изучена область применения арт-терапии в работе специалистов. Обнаружен перечень направлений работы специалистов, где используется арт-терапия: коррекция (29 % публикаций); адаптация (28 %); реабилитация (26,9 %); диагностика (26,2 %); профилактика (19 %); социализация (16 %); консультирование (5 %); сопровождение (3 %). Помимо этого, арт-терапия применяется в педагогической практике (17 %). Ее используют для развития эмоционального интеллекта (22,5 %) и творческих навыков (12,9 %) получателей услуг. Таким образом, арт-терапия применяется в следующих целях:

- для коррекции поведения (в основном агрессивного), речевых нарушений, страхов, фобий и тревожности, негативных эмоциональных состояний, межличностных отношений и другое;

- для адаптации в новых коллективах (например, для адаптации иностранных студентов, первоклассников в школе) или адаптации к новым условиям жизни (например, адаптация после выхода на пенсию или получения инвалидности) и другое;

- для реабилитации: участников боевых действий; лиц, вышедших из мест лишения свободы; психически больных; людей с ОВЗ и инвалидностью; подростков с девиантным поведением; людей, страдающих какой-либо зависимостью и другое;

- для диагностики поведения осужденных; психологических и эмоциональных нарушений; тревожности, фобий и страхов; агрессии; семейного и детского неблагополучия; самооценки; здоровья; кризисных состояний; креативного мышления и другое;

- для профилактики девиантного и агрессивного поведения; негативных психических состояний; дезадаптации детей; эмоционального и профессионального выгорания; конфликтов в коллективе; буллинга и другое;

- для социализации детей с ОВЗ и инвалидностью; воспитанников детских домов и реабилитационных центров и другое;

- для консультирования (в основном, психологического) студентов; школьников; людей в трудных жизненных ситуациях и другое;

- для сопровождения наркозависимых в процессе реабилитации; студентов с ОВЗ и инвалидностью; социально-педагогическом сопровождении семьи; сотрудников организаций; людей в стрессовых ситуациях и другое.

Применение арт-терапии в педагогической практике часто воспринимается авторами как проведение учебных занятий по таким дисциплинам, как изобразительное искусство, музыка или физкультура. Однако, стоит понимать отличия арт-терапии от обыденных предметных занятий в учебных заведениях.

Исходя из всего вышенаписанного, можно заключить, что область применения арт-терапии довольно обширна. Научное сообщество изучает разнообразные сферы и направления применения данной технологии, что делает ее достаточно универсальной.

Заключительный этап исследования предполагал изучение проблем применения арт-терапии, описанных в научных работах. В ходе анализа были обнаружены несколько проблем, которые нужно учитывать при использовании технологии:

1. Дефицит разнообразия некоторых видов арт-терапии (таких как, например, метафорические ассоциативные карты);

2. Получатель услуги не всегда понимает, в чем была его проблема и как она разрешилась. То есть, у клиента может сложиться впечатление о том, что проблема исчезла сама, без помощи специалиста;

3. Арт-терапия способна раскрыть проблемы, с которыми получатель услуги еще не готов встретиться, но после их выявления вынужден это делать;

4. Проблема экологичности арт-терапии — поднятие глубинной травмы, которая может вызвать спад настроения вплоть до продолжительной депрессии;

5. Дефицит специалистов, обладающих необходимыми навыками, или искажение смысла арт-терапии неподготовленными «арт-терапевтами»;

6. Опасение и недоверие общества по поводу научной обоснованности арт-терапии, а также сомнения в ее эффективности;

7. Отсутствие единого, универсального подхода к определению «арт-терапии», что приводит к искажению ее смысла;

8. Опасность развития у получателя услуги нарциссизма, что может привести его к уходу в себя из-за личного характера выполняемых занятий.

Отметим, что решение большинства проблем заключается в повышении профессионализма субъекта арт-терапии. Специалист, использующий в своей работе арт-терапию, должен обладать необходимыми знаниями и умениями для решения выявленных проблем.

Выводы

1. Из года в год характер, особенности и виды проблем человека видоизменяются, поэтому невозможно их разрешить, используя лишь традиционные способы работы. В связи с этим специалисты помогающих профессий вынуждены использовать нестандартные технологии и методы работы, такие как арт-терапия, которая сегодня является одной из таких методик;

2. В последние годы возрос интерес научного сообщества к изучению арт-терапии. Так, например, из 4 140 научных работ, вышедших в научной электронной библиотеке eLibrary.ru по заданной тематике, 2 375 были опубликованы за последние пять лет (57,37 % работ). Данная статистика подтверждает актуальность изучения арт-терапии;

3. Было выявлено, что, в большинстве случаев, научные публикации об арт-терапии были посвящены работе с несовершеннолетними, реже статьи были посвящены работе со взрослыми, а также были обнаружены единичные случаи упоминания арт-терапии для целых семей. Таким образом, арт-терапия является эффективным инструментом работы с совершенно разными группами населения. При выборе арт-терапии в работе с какой-либо категорией стоит учитывать вид терапии, который наиболее подойдет для успешного взаимодействия с какой-либо социальной группой;

4. Обнаружено, что специалистами, использующими в своей работе арт-терапию, являются в основном: педагоги (23,55 %); психологи (53 %); специалисты по социальной работе/социальные работники (7,51 %). Помимо этого, арт-терапию могут использовать в своей работе представители иных профессий типа «человек-человек», так как она во многом способствует улучшению коммуникации, процесса самопознания, эмпатии и снятию стресса;

5. Для использования арт-терапии в работе с получателями услуг, специалисту необходимы определенные навыки и компетенции. Работа специалиста, не обладающего навыками арт-терапии, может оказаться малоэффективной, неэффективной или привести к обратному результату. Все это нужно учитывать при применении технологии;

6. Арт-терапию в большинстве своем отождествляют именно с изотерапией, музыкотерапией, сказкотерапией и танцевальной терапией, которые, по мнению многих исследователей являются традиционными видами арт-терапии;

7. Обнаружен перечень направлений работы специалистов, где используется арт-терапия: коррекция; адаптация; реабилитация; диагностика; профилактика; социализация; консультирование; сопровождение. Помимо этого, арт-терапия применяется в педагогической практике, в развитии эмоционального интеллекта и творческих навыков получателей услуг. Таким образом, область применения арт-терапии довольно обширна;

8. Были обнаружены проблемы использования арт-терапии, однако решение большинства из них заключается в повышении профессионализма субъекта арт-терапии.

На основе всего вышесказанного можно предложить рекомендации для специалистов, которые используют арт-терапию в своей профессиональной деятельности:

1. Необходимо понимать, что при осуществлении арт-терапевтической деятельности специалист берет на себя ответственность, поэтому осуществление арт-терапии неквалифицированным специалистом недопустимо, поскольку неправильная интерпретация чревата негативными последствиями для клиента;

2. Арт-терапевт должен установить доверительные взаимоотношения с клиентом, прежде чем начать работу. Если это ребенок, то лучше всего провести для него знакомство в форме игры;

3. Лучше всего применять виды арт-терапевтической деятельности в комплексе. Это позволит не просто быстрее заинтересовать клиента, но и более глубоко увидеть проблемы, о которых он умалчивает;

4. Нужно предоставить клиенту как можно больше материала для осуществления творческой деятельности. Так у него появится возможность выбора заняться той деятельностью, которой желает именно он, следовательно, такая работа будет более продуктивной и эффективной;

5. Арт-терапевтам необходимо систематически повышать свою квалификацию и пополнять свои теоретические знания в данной области.

Литература:

1. Агарагимова В. К. Особенности развития социализации подростков средствами арт-терапии / В. К. Агарагимова, Б. М. Гасанова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. – 2013. – № 4 (25). – С. 20-25.
2. Афанасенкова Е. Л. Коррекция страхов у детей и тревожных состояний у подростков в ресурсном поле семьи / Е. Л. Афанасенкова // Психологические проблемы современной семьи : сборник материалов VIII международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 03–06 октября 2018 года / Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2018. – С. 179-196.
3. Батуева С. В. Социально-психологическая адаптация первоклассника с задержкой психического развития арт-терапевтическими средствами театральной деятельности / С. В. Батуева // Психология, социология и педагогика. – 2014. – № 11 (38). – С. 43-47.
4. Бибикина Н. В. Арт-терапия как инновационная технология социальной работы / Н. В. Бибикина // Поволжский педагогический поиск. – 2013. – № 2 (4). – С. 92-94.
5. Ершова Е. С. Исследование контент-анализа как метода обучения, применяемого в образовательных программах / Е. С. Ершова // Региональный вестник. – 2019. – № 22 (37). – С. 23-24.
6. Иванова И. П. Арт-терапия как метод коррекции негативных эмоциональных состояний подростков / И. П. Иванова, О. В. Патева // Психология и социальная педагогика: современное состояние и перспективы развития : II всероссийская очно-заочная научно-практическая конференция, сборник научных статей, Чебоксары, 26 ноября 2015 года / Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2015. – С. 43-51.
7. Киселева М. В. Арт-терапия в работе с детьми: руководство для детских психологов, педагогов, врачей и специалистов, работающих с детьми / М. В. Киселева; М. В. Киселева. – Санкт-Петербург : Речь, 2006.
8. Копытин А. И. Арт-терапия детей и подростков. Учебное пособие / А. И. Копытин, Е. Е. Свистовская. – Москва : Когито-Центр, 2007. – 197 с.
9. Кочетова Ю. А. Психологическая коррекция детских страхов / Ю. А. Кочетова // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru. – 2012. – № 1. – С. 250-260.
10. Кыштымова Е.С., Трофимова Е.Л. Развитие психологической медиакомпетентности студентов в процессе анализа новостного контента // *Baikal research journal*.- 2022. - Т. 13, № 4
11. Кыштымова И.М., Пугатина Н.Ю. Возрастные особенности восприятия рекламы с антисоциальным нарративом // *Baikal research journal*.- 2018. - Т. 9, № 2
12. Лебедева Л. Д. Энциклопедия признаков и интерпретаций в проективном рисовании и арт-терапии / Л. Д. Лебедева, Ю. В. Никонорова, Н. А. Тараканова; Л. Д. Лебедева, Ю. В. Никонорова, Н. А. Тараканова – Санкт-Петербург : Речь, 2006. – 332 с.
13. Некрасова Ю. Б. Лечение творчеством / Ю. Б. Некрасова; Ю. Б. Некрасова; под ред. Н. Л. Карповой. – Москва : Смысл, 2006.
14. Никитин В. Н. Арт-терапия : Учебное пособие / В. Н. Никитин. – Москва : Когито-Центр, 2014. – 336 с.
15. Синевиц О. Ю. Использование элементов музыкальной терапии в образовательно-реабилитационной работе с детьми, имеющими ограниченные возможности здоровья / О. Ю. Синевиц, Т. Ю. Четверикова // *Мать и дитя в Кузбассе*. – 2020. – № 1 (80). – С. 69-75.
16. Стебунова А. В. Реабилитационный потенциал арт-терапии и игры в социальной работе с воспитанниками детского дома / А. В. Стебунова // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*. – 2015. – № 7. – С. 310-312.
17. Терехова Т.А., Портнова Л.К., Тюлюпов Ю.Ф. Алгоритмическое мышление: психологическая сущность и социально-экономические последствия // *Baikal research journal*.- 2023. - Т. 14, № 3

ОБ АВТОРАХ:

Токарева Вера Владимировна,
специалист по рекламе и связям с общественностью, ООО «Авиакомпания «Скай Гейтс Эйрлайнс», Москва, Россия.

Ткач Арина Владимировна,
специалист отдела рекламы и маркетинга, ООО «Hurma Group Of Companies», Москва, Россия.

Христофорова Ирина Владимировна,
доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры интегрированных коммуникаций и рекламы РГГУ, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия.

ABOUT THE AUTHORS:

Tokareva Vera V.,
Advertising and Public Relations Specialist, Sky Gates Airlines LLC, Moscow, Russia

Tkach Arina V.,
Specialist of the Advertising and Marketing Department, Hurma Group Of Companies LLC, Moscow, Russia

Khristoforova Irina V.,
Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Integrated Communications and Advertising of the Russian State University, Professor of the Department of Advertising, Public Relations and Design Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Токарева В.В., Ткач А.В., Христофорова И.В.
Дезинформация и манипуляции в социальных сетях

Статья посвящена важным вопросам, связанным с проблемой дезинформации, распространения фейковых сведений и манипуляции в социальных сетях. На основе обзора публикаций и результатов исследований отечественных и зарубежных авторов, характеризуются виды воздействия и психологические аспекты влияния на настроение и поведение пользователей социальных сетей. Оцениваются угрозы для общественной стабильности и финансовые потери, понесенные россиянами вследствие мошеннических действий, основанных на манипуляциях в социальных сетях. Систематизируются и характеризуются методы психологической манипуляции и способы защиты от психологической манипуляции в социальных сетях.

Коммуникация, социальные сети, дезинформация, фейковые новости, методы психологической манипуляции.

Для цитирования: Токарева В.В., Ткач А.В., Христофорова И.В. Дезинформация и манипуляции в социальных сетях // Социально-гуманитарные технологии. 2024. №4 (32). С. 82-96.

MISINFORMATION AND MANIPULATION ON SOCIAL MEDIA

Tokareva V.V., Tkach A.V., Khristoforova I.V.

The article is devoted to important issues related to the problem of disinformation, the spread of fake information and manipulation in social networks. Based on a review of publications and research

results by domestic and foreign authors, the types of impact and psychological aspects of influencing the mood and behavior of users of social networks are characterized. Threats to social stability and financial losses suffered by Russians as a result of fraudulent actions based on manipulation on social networks are assessed. The methods of psychological manipulation and methods of protection against psychological manipulation in social networks are systematized and characterized.

Communication, social networks, disinformation, fake news, methods of psychological manipulation.

For citation: Tokareva V.V., Tkach A.V., Khristoforova I.V. Misinformation and manipulation on social media. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2024; 4 (32): 82-96. (In Russ.)

Введение и актуальность темы исследования. Влияние информации на общество и поведение людей исследуется психологами, социологами, лингвистами в контексте изучения возможных манипуляций и противодействия им. Специалисты обращают внимание на то, что слухи, сплетни, искаженные данные могут оказывать существенное влияние на восприятие различных ситуаций и поведение людей.

В результате развития коммуникационных процессов и технологий данная форма влияния стала активно использоваться в различных сферах жизни общества: коммерции, корпоративном управлении, политике, журналистике, рекламной деятельности.

В современных условиях, когда колоссальные объемы данных транслируются через СМИ и социальные сети, информация является механизмом, который активно влияет на состояние социума. Восприятие различных событий и явлений людьми, социальными группами, обществом в целом, определяет настроение, формирует отношение, влияет на поведение покупателей и избирателей. В связи с этим, проблема использования недостоверных материалов в социальных медиа в различных целях, стала одной из наиболее актуальных тем исследования.

Степень изученности темы. Теме влияния различных аспектов коммуникаций на людей, их восприятие и поведение посвящено множество работ.

В числе инструментов манипулирования, специалисты называют, прежде всего, текстовую составляющую информационных сообщений. Это язык, текст, элементы текста, например заголовок и его эмоциональные параметры, в числе которых характер, стиль, тон, тональность, окраска и т.п. [5, С. 144-152].

Воздействию на восприятие информационных сообщений при помощи визуальных компонентов, зависящих от художественного оформления используемых рисунков, фотографий, инфографики, шрифтов посвящено также большое количество исследований [7, С. 39-45.]. Они затрагивают анализ дизайна, композиции, сочетания, цветового колорита и пр.

Изучая коммуникации в социальных сетях, авторы делают акценты на анализе инновационных технологий, эффективности воздействия, способов влияния и манипуляции, изучая при этом различные психологические аспекты [10, 18-25].

Иностранные специалисты также уделяют внимание таким аспектам, как психология фейковых новостей и борьба с дезинформацией [14, 15,].

В данной публикации авторы поставили целью исследовать угрозы дезинформации при помощи фейковых новостей в социальных сетях, причины их распространения, степень их влияния и последствия, возможности защиты от подобных манипуляций. Проанализированы манипуляции путем использования недостоверной информации, систематизированы результаты исследований, изучающие механизмы распространения слухов и намеренной лжи, способы манипуляции, применяемые так называемыми «файк-ньос». Кроме того, рассмотрены возможности противодействия дезинформации и манипуляциям, производимым в социальных сетях для выработки механизмов защиты людей.

Методология и результаты исследования. При подготовке статьи проводились кабинетные исследования с использованием вторичных, открыто публикуемых материалов по теме дезинформации и недостоверных сведений в коммуникационных сообщениях новостного и рекламного характера, в том числе результаты исследований ВЦИОМ [13]. Кроме того, организованы и осуществлены полевые исследования с проведением опроса, результаты обработки которого характеризуют мнение респондентам о проблемах недостоверной информации.

Проведенный обзор трудов специалистов и результатов исследований показал, что в настоящее время информация выступает в качестве важного социального ресурса и инструмента, позволяющего осуществлять формирование общественного мнения и восприятия различных процессов, в том числе и в политической сфере.

В соответствии с федеральным законом РФ «Об информации, технологиях и о защите информации»³, информация представляет собой определенные сведения, вне зависимости от непосредственной формы их представления.

В настоящее время интернет-пространство охватывает колоссальные объемы аудитории и транслирует множество разнообразных каналов информации. Однако эта информация не всегда корректна и достоверна, что приводит к проблемам, связанным с деформацией сознания членов общества посредством предоставления недостоверных материалов и данных о различных аспектах общественной жизни. В социальных сетях присутствует большое количество пользователей, использующих различные информационные сервисы. Многие из коммуницирующих в сети не сознательно, а некоторые злонамеренно выступают в качестве объектов распространения ложной информации, способствующей манипуляции общественным сознанием в рамках ведения информационной войны. Такая информация может быть разнообразной и приводить к последствиям в виде изменения общественного восприятия некоторых

³ Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 N 149-ФЗ (последняя редакция). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/(дата обращения 03.12.24)

событий и явлений.

Социальные сети пользуются различными и многочисленными источниками информации, распространяя различные сведения, в том числе недостоверные. Однако не каждый пользователь способен дать оценку достоверности получаемой им информации, и достаточно часто многие пользователи доверяют источникам, из которых получают вводящие в заблуждение сведения [4, С. 127].

Как отмечают зарубежные специалисты [15] излишняя уверенность в возможности самостоятельного распознавания мошеннических действий в социальных сетях приводит к тому, что пользователи часто сами становятся распространителями недостоверной информации.

В современном мире, благодаря широким возможностям интернета, каждый пользователь обретает способность не только потреблять предлагаемый контент, но и создать свой собственный. Каждый день в социальных сетях появляются миллионы сообщений, наполняя ленты пользователей огромным объемом информации. Вследствие этого возникает проблема информационного перенасыщения, когда потребителям становится сложно ориентироваться в постоянно растущем потоке новостей. Трудно также контролировать достоверность поступающей информации, что порождает явление, которое называют «фейковыми новостями».

Феномен «fake news» является давним инструментом манипуляции, который приобрел особенно широкое распространение благодаря возможностям, предоставленным социальными медиа. С помощью социальных сетей запуск и распространение поддельных новостей стали почти неограниченными.

В качестве «фейковых» принято рассматривать материалы, содержащие недостоверную информацию, которая может быть определена и опровергнута, но выглядит правдоподобной и может вводить аудиторию в заблуждение. При этом она может носить нелегальный характер, быть представлена в различных источниках и касаться различных ситуаций и событий, а создание и распространение такой информации может быть как случайным, так и преднамеренным [8, С. 718].

В рамках отечественных исследований понятие «фейк» рассматривается в качестве целенаправленного введения в заблуждение, как форма определённого обмана, с целью развлечения или манипуляции сознанием для изменения восприятия предметов и процессов. При этом феномен «фейк – news» во многих исследованиях рассматривается с политической точки зрения, так как в данном направлении проблема недостоверных информационных сведений является наиболее острой и значимой для влияния на состояние общества.

Фейковые новости также рассматриваются в качестве информационных источников, которые по своим стилистическим характеристикам оформлены в виде настоящей новости, но при этом она является ложной в полной мере или частично. Отмечается, что такая дезинформация охватывает все аспекты средств массовой информации, включая текстовый, аудио-, видео- и фото-контент, а также целостные виртуальные личности (аккаунты, которые создают комментарии по заказу для увеличения рейтинга) [3, С. 80].

Специалисты отмечают, что зачастую «сложности в обеспечении достоверности коммуникаций связаны как с новыми технологическими возможностями, например с технологиями искусственного интеллекта и deepfake, так и с активным пересмотром истории, политикой двойных стандартов, а также нарушениями этики журналистики ... в ущерб непредвзятости, объективности, социальной ответственности» [9, С.195].

Феномен фейковых новостей во многом обусловлен стремлением различных авторов информационной отрасли к привлечению внимания соответствующих объемов аудитории или к повышению рейтингов и просмотров. Во многих случаях различные фейковые новости возникают в силу отсутствия скандальных и шокирующих инфоповодов, которые могли бы привлечь аудиторию, в связи с чем, авторами создаются вымышленные ситуации и явления, подогревающие интерес аудитории и вызывающие дискуссию в обществе.

Сущность фейковых новостей выражается в том, что по форме своей подачи они выглядят как обычные информационные сообщения, которые нередко подкрепляются различными реальными или искаженными доказательствами, ссылками на официальные источники, аудио и видеоматериалами, фотографиями и другими элементами. Это косвенно подтверждает достоверность представленной информации, однако такие подтверждения также могут быть недостоверными или искусственно созданными с помощью современных технологий с целью

формирования у аудитории восприятия фейковой новости как достоверного источника информации.

При этом возникает основная проблема, связанная с распространением фейковых новостей в информационном пространстве: чем более развиты технологии, тем сложнее их отличить от реальных и достоверных информационных сообщений. Если в информационной среде не проводится опровержения фейков со стороны информационных источников, которые заслуживают доверие и направлены на противодействие таким ситуациям, они ложная информация распространяется и искажает восприятие реальности в обществе.

Таким образом, можно констатировать, что фейковые новости представляют собой информационные сообщения, которые содержат в себе недостоверную информацию, полученную произвольно или созданную целенаправленно, в развлекательных целях, а также в целях оказания определённого воздействия на общественное сознание и восприятие относительно различных процессов и явлений в соответствующих сферах жизнедеятельности общества и государства.

Проблема распространения фейковых новостей имеет древние корни, связанные с природой человека и процессом передачи информации. Однако, с развитием технологий и интернета эта проблема приобрела особую остроту. Это произошло из-за двух основных факторов.

Во-первых, из-за огромного объема информации в сети, который невозможно всегда достоверно проверить.

Во-вторых, из-за появления новых технологий сбора и хранения информации, а также из-за увеличения числа людей и источников, создающих и распространяющих эту информацию.

В прошлом в качестве основных информационных источников выступали различные документы, книги, издания периодической печати, научные статьи и официальные СМИ. Кроме того, государственная политика была ориентирована на пресечение распространения недостоверных сведений о тех или иных ситуациях и явлениях.

Распространение интернета как всеобъемлющего информационного пространства предоставило возможность для неограниченных потоков различной информации, проверка достоверности которой в большинстве случаев не осуществляется. При этом в условиях большого количества информации, которая поступает к человеку ежедневно по различным каналам, возникают сложности в области ориентации в потоках информации и выделения среди информационных сведений достоверных и недостоверных материалов.

В последние десятилетия наблюдается значительный рост общего объема публично доступной информации, что приводит к увеличению числа ложных и некачественных данных в этом массиве. Особую проблему представляют социальные сети, где фейковые новости распространяются вирусно и приносят создателям огромные доходы через рекламные инвестиции [4, С. 135].

В настоящее время практически все пользователи сети – интернет обращаются к различным социальным сетям в качестве основного источника информационных сведений, при этом социальные сети обладают наибольшими возможностями для распространения недостоверных материалов. В первую очередь это обусловлено тем, что в социальных сетях публикуется информация различными пользователями в неограниченном количестве, формат потребления такой информации может затруднить для других пользователей возможность оценки ее достоверности.

Кроме того, как отмечают исследователи, в современных условиях существенно возросло число пользователей социальных сетей, что также происходит на фоне снижения доверия аудитории к традиционным СМИ. При этом многие из них в большинстве случаев рассматриваются как прогосударственные, то есть направленные на предоставление информации в той форме, которая необходима для формирования положительного образа государства и его внешней политики и внутри государственной системы управления. На основании этого можно заключить, что огромный объем информации и новостей, доступных в интернете, особенно в социальных сетях, в сочетании с упадком роли традиционных СМИ, привел к тому, что обычные люди стали обрабатывать информацию из сети интуитивно, что уменьшило ее достоверность и усложнило процесс оценки.

Необходимо исследовать причины распространения ложной информации в новостных лентах.

На наш взгляд, первая причина связана с преследованием коммерческих интересов, поскольку количество просмотров новости напрямую влияет на финансовые поступления информационных агентств. Поддельные новости часто привлекают большую аудиторию и, следовательно, увеличивают доходы владельцев платформ, на которых они распространяются.

Вторая причина кроется в простоте и низкой стоимости создания дезинформации, так как для этого достаточно иметь доступ к цифровой платформе.

Кроме того, фейковая информация может быть разнообразной, в том числе и по целям воздействия. Например, существуют фейки, направленные на намеренное нарушение общественной стабильности, которые распространяются с целью формирования панических настроений среди граждан.

Еще один вид фейковой информации направлен на разжигание межнациональной, расовой и иной вражды, что приводит к обострению социальных конфликтов между различными социальными группами в обществе.

В качестве ещё одного вида фейков выступают материалы, которые направлены на распространение недостоверной информации с целью запутать, отвлечь общество от истинного состояния определённых процессов и явлений.

Некоторые виды недостоверной информации целенаправленно создаются для оказания манипулятивного воздействия на общественное восприятие и мнение, а также для рекламы определённых продуктов, с целью управления потребительским поведением.

В качестве ещё одного вида фейковой информации выступает создание недостоверных информационных сведений с целью нанесения ущерба репутации определённых субъектов [6, С. 178].

В связи со столь разнообразными и массовыми причинами и возможностями искажения информации, можно сделать вывод о том, что возникают определённые сложности относительно выявления и противодействия недостоверной информации, поскольку недостоверные сведения могут поступать из разнообразных источников и быть направлены на различные цели. Нередко подобная дезинформация спонсируется и поддерживается со стороны различных общественных групп и даже государств, с целью оказания воздействия на восприятие тех или иных ситуаций, процессов в политической и коммерческой сферах.

При этом в рамках политического противодействия как внутри страны, так и на международном уровне фейковые новости нередко используются для дискредитации политических деятелей или лидеров государств, с целью формирования в обществе убеждения об их неспособности к осуществлению качественной и эффективной политической деятельности. Это формирует у общества негативную оценку личности и профессиональных качеств конкретных политических деятелей.

Неограниченные возможности распространения, отсутствие эффективной системы противодействия распространению фейков на различных уровнях информационного взаимодействия, состояние информационной войны в условиях обострившегося международного геополитического противостояния между ведущими акторами мировой политики – всё это способствует тому, что проблема фейков не может быть решена в полном объеме [3, С. 14].

Кроме того, современные пользователи испытывают сложности в области разграничения достоверной и недостоверной информации, что приводит к недопониманию относительно различных вопросов экономического, социального и политического характера. При этом различные фейковые новости могут представлять опасность не только для общества в целом, но и для конкретных граждан. Например, если в данных сведениях содержится недостоверная информация относительно осуществления медицинского лечения, поведения в определённых условиях, а также различные манипулятивные схемы, которые могут быть связаны с осуществлением преступной деятельности, например с мошенничеством.

Осенью 2023 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) организовал исследование, направленное на оценку респондентами недостоверной информации в сети Интернет. Опрос был проведен по заказу Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ). В опросе приняли участие 1600 респондентов, в качестве которых выступали россияне старше 18 лет. Опрашивались они методом телефонного интервью. Использовалась

стратифицированная случайная выборка. Телефонные номера респондентов были извлечены из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории России [13].

Опрос выявил долю респондентов уверенных в ведении информационной войны против России (рис.1). В 2022 году таких респондентов было 90%, в 2023 их доля несколько снизилась, составив 87%.

Больше всего опрошенных сталкивается с недостоверной информацией в интернете и социальных сетях, на втором месте – телевидение и в меньшей степени в на радио и в печатной прессе (рис.2). Что касается тем, при раскрытии которых чаще всего имеет место дезинформация или искажение фактов, то к ним опрошенные отнесли новости о ведении специальной военной операции (СВО), события в России, и в меньшей степени информация о жизни знаменитостей, экономике и внешней политике (рис.3).

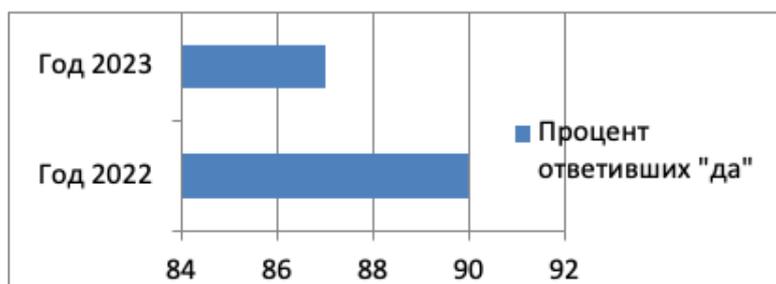

Рисунок 1. Ведется ли против России информационная война?

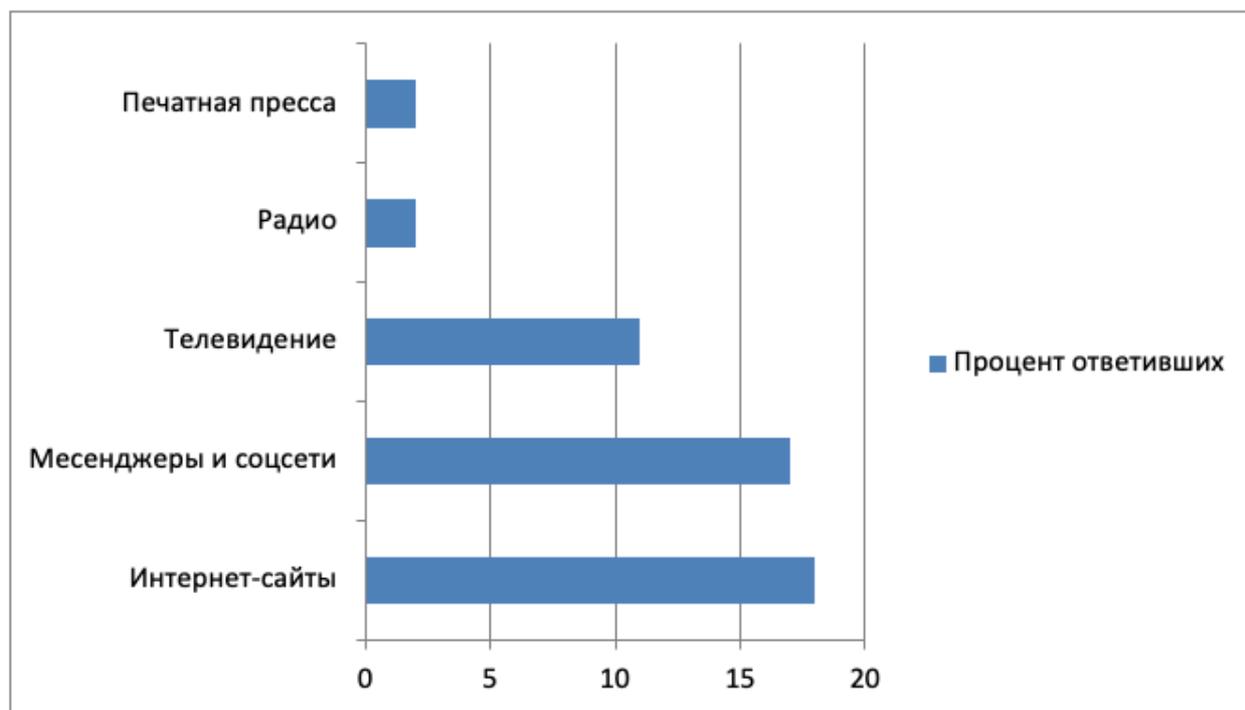

Рисунок 2. В каких источниках встречается недостоверная информация?

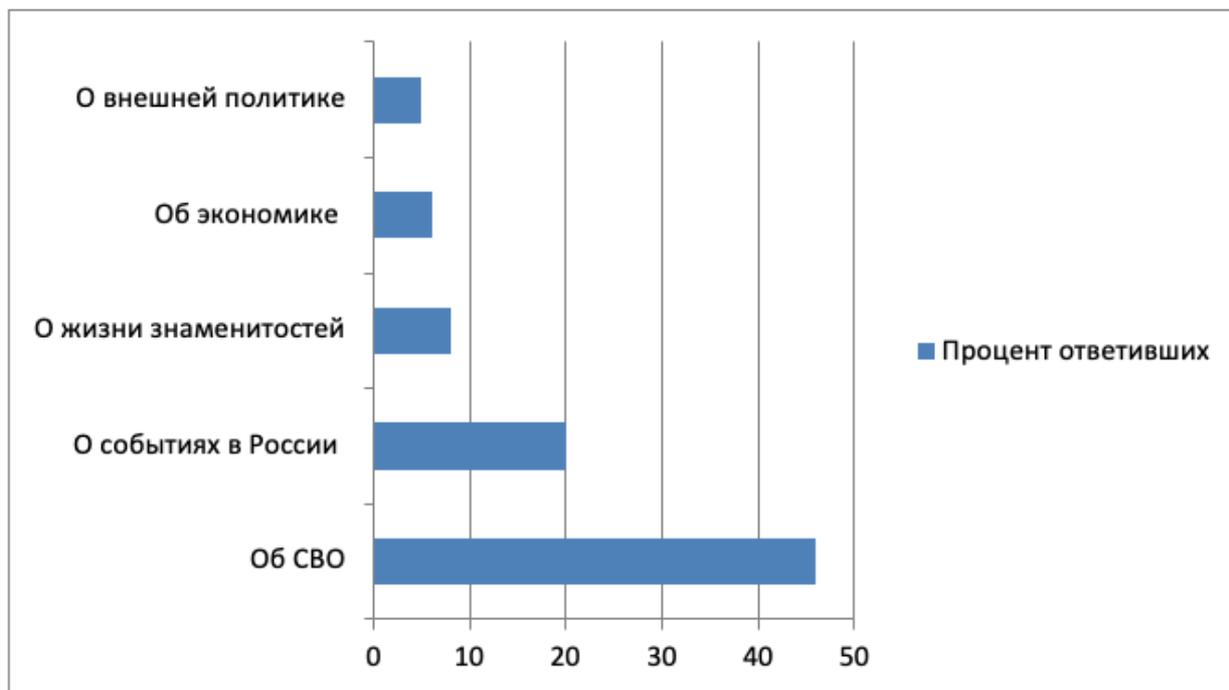

Рисунок 3. Темы, которые освещались в фейковых новостях

Опрос выявил снижение доли респондентов, отмечающих рост числа фейковых новостей в 2023 по сравнению с 2022 годом (рис.4). Это снижение, по мнению респондентов, связано как с работой государства в области информационной безопасности, так и с ростом информационного грамотности населения (рис.5,6).

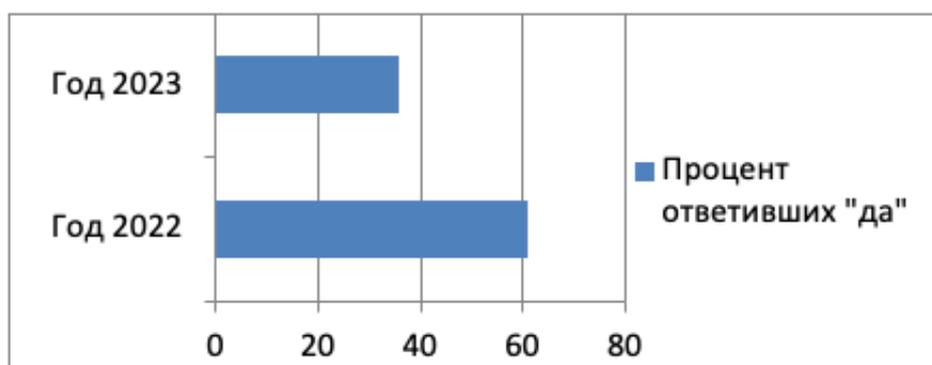

Рисунок 4. Имеет ли место рост числа фейковых новостей? [13].

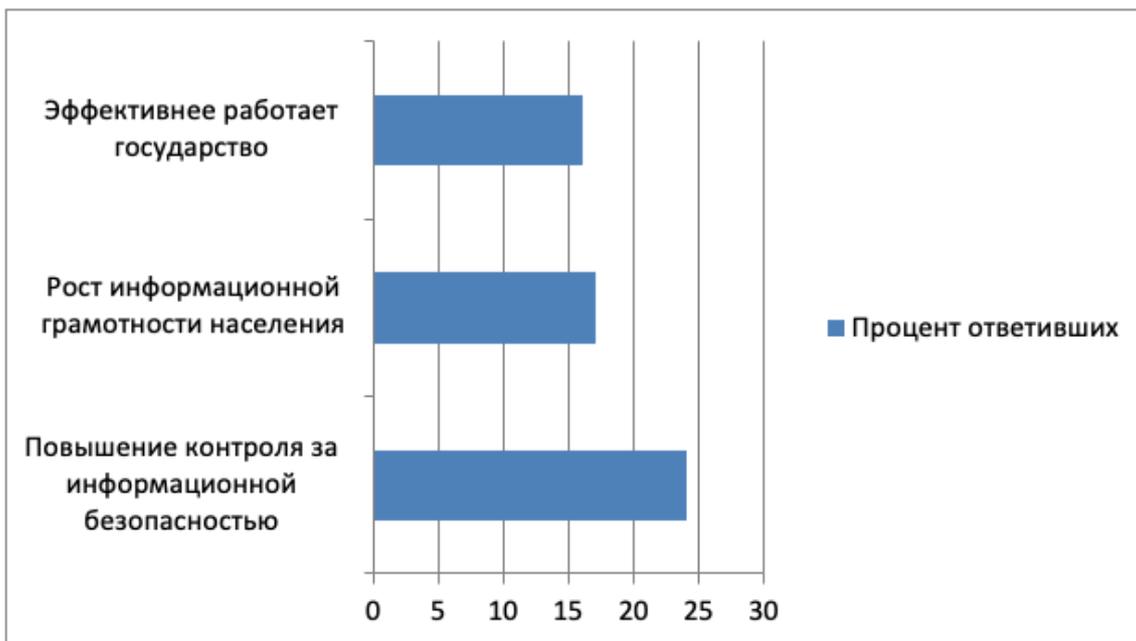

Рисунок 5. Причины снижения числа фейковых новостей

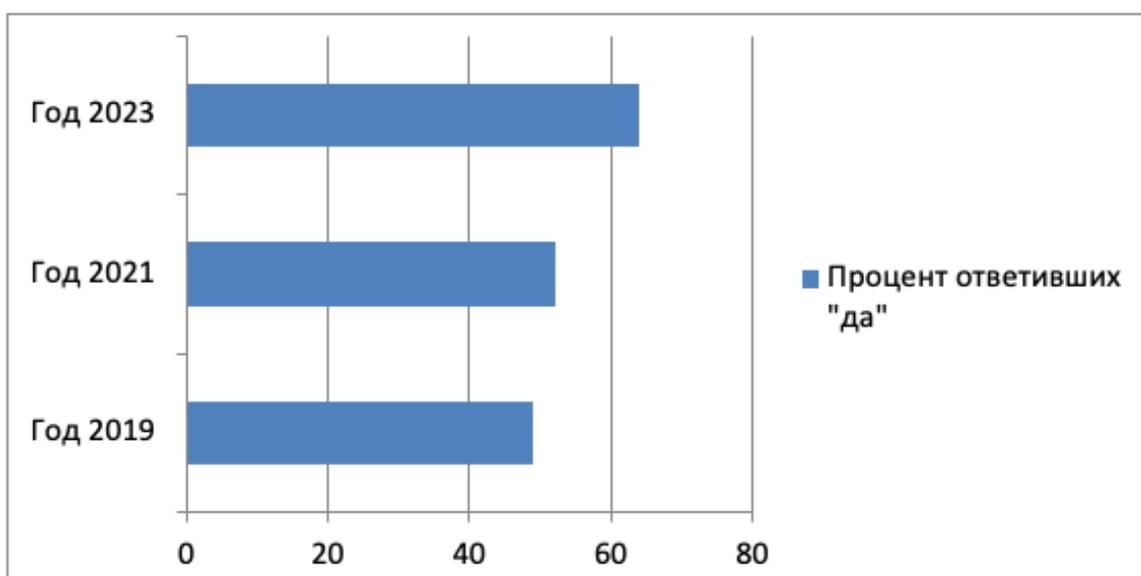

Рисунок 6. Информационная грамотность россиян повышается?

Среди опрошенных, большинство (74%) отметили, сталкивались с ложной информацией в течение последнего месяца. При этом, примерно четверть опрошенных указали, что не в состоянии отличить правду от ложной информации в новостях (рис.7).

В перечне способов проверки информации опрошенными были названы обращение к другим источникам, интуиция, жизненный опыт и несовпадение данных официальным источникам. Также у опрошенных вызвали сомнения формы подачи информации в сообщении или названия самих источников (рис.8).

Рисунок 7. Сталкивались ли вы с ложной информацией за последний месяц?

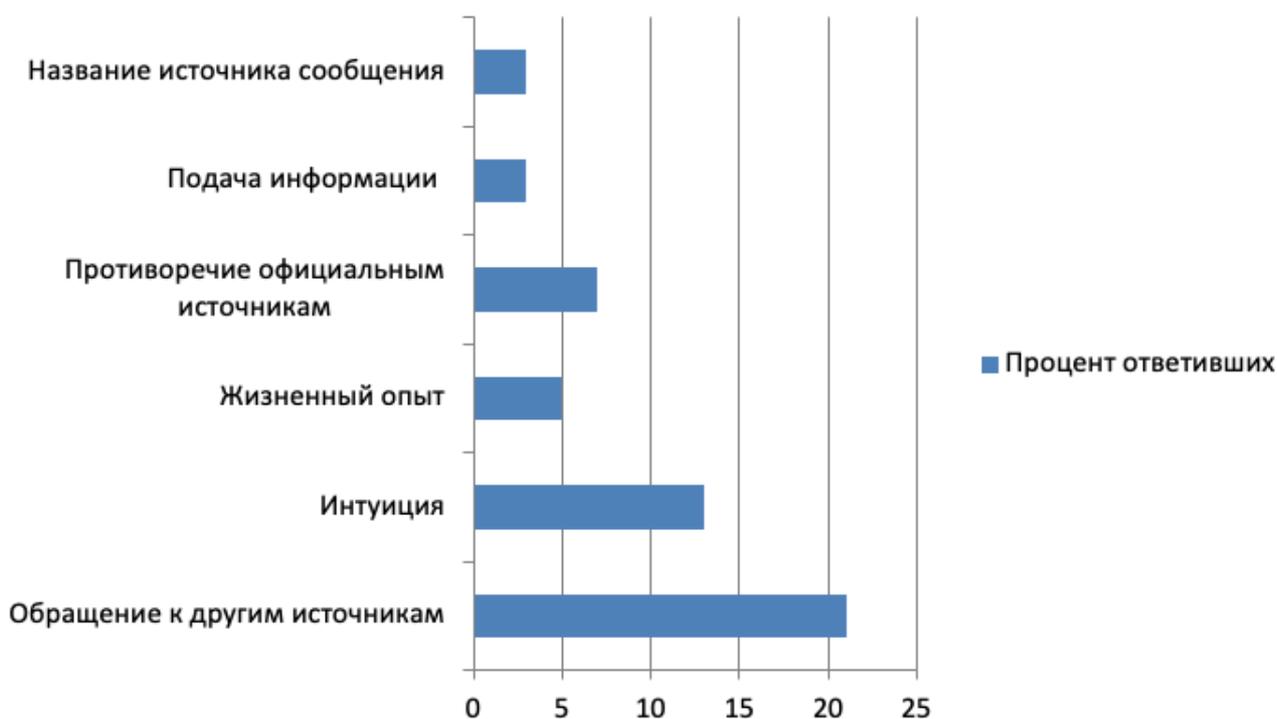

Рисунок 8. Какие способы проверки полученной информации вы используете?

Большинство респондентов полагают, что недостоверная информация умышленно вводит в заблуждение и незначительная доля считает, что это может быть результатом недосмотра (рис.9).

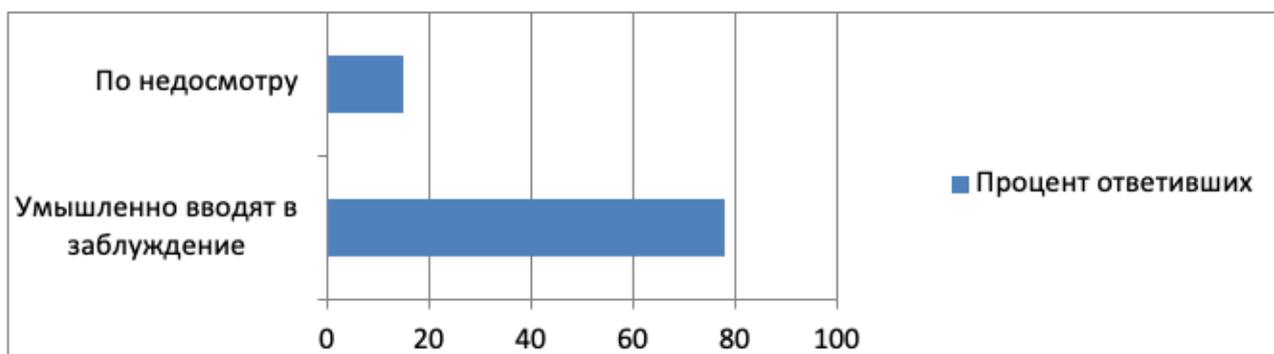

Рисунок 9. Недостоверные новости чаще публикуются умышленно или по недосмотру?

В проблеме распространения недостоверной информации респонденты отмечают роль, прежде всего, внешних врагов (рис. 10).

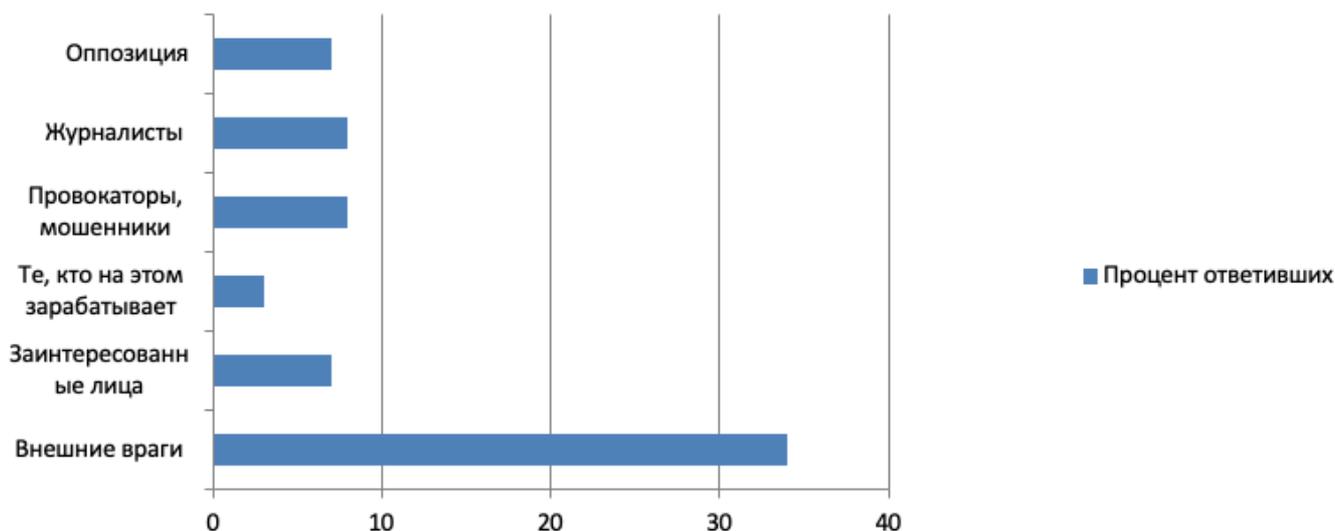

Рисунок 10. Чьи интересы стоят за распространением недостоверной информации?

Большинство опрошенных считают, что одной из форм защиты от дезинформации является блокировка сомнительных источников. Такой ответ дали 82% респондентов.

Порядка 40% полагают, что нужно блокировать любую информацию, около 20% считают, что заблокирована должна быть явно опасная информация, и чуть более 10% считают необходимой блокировку потенциально опасной информации (рис.11).

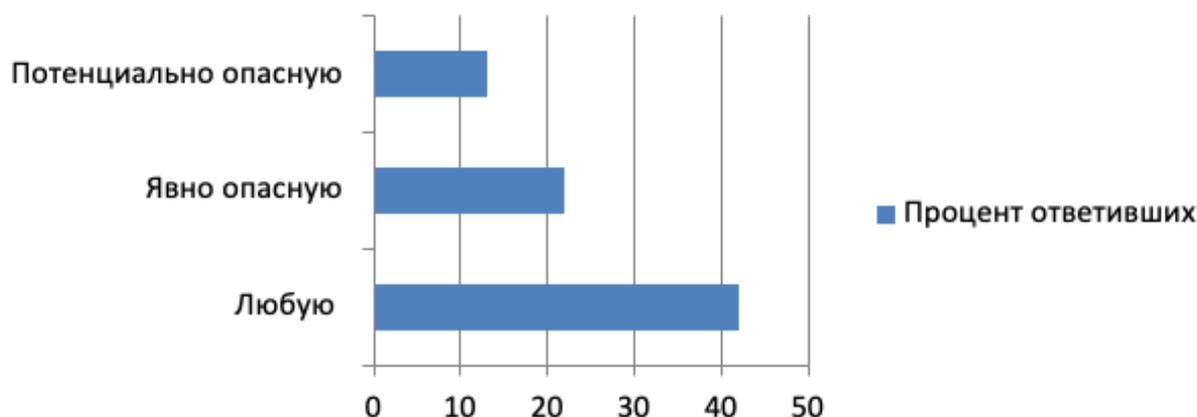

Рисунок 11. Какую недостоверную информацию необходимо блокировать? [13].

С целью оценить особенности коммуникации граждан с информацией в социальных сетях и выявить уровень их взаимодействия с недостоверными данными авторами в 2024 году авторами статьи также был проведенный опрос. Выборка составила 100 человек в возрасте от 20 до 45 лет, опрос проводился в форме анкетирования. Обработка данных опроса продемонстрировала следующие результаты.

На вопрос о том, как часто сталкиваются пользователи социальных сетей с недостоверной информацией, 61% опрошенных ответили «постоянно», 29% - «иногда», и только 10% респондентов отметили, что не сталкивались с недостоверной информацией (рис. 13).

На вопрос о том, какими способами они осуществляют проверку информации, 44% ответили, что осуществляют поиск на официальных информационных сайтах, 12% доверяют отдельным новостным источникам, 24% указали, что обращаются к различным сообществам в социальных сетях или каналах, где разоблачают фейк-новости. 20% опрошенных отметили, что не проверяют информацию (рис.14).

На вопрос относительно целесообразности государственной политики по противодействию распространения недостоверных сведений 68% опрошенных отметили, что считают ее целесообразной и эффективной, 17% опрошенных указало, что считают установление ограничений неэффективным, 13% опрошенных указали, что не располагают информацией об эффек-

тивности такой политики (рис. 15).

Как часто сталкивались с фейковой информацией?

Рисунок 13. Распределение ответов респондентов по вопросу о частоте контактов с фейковой информацией

Способы проверки информации

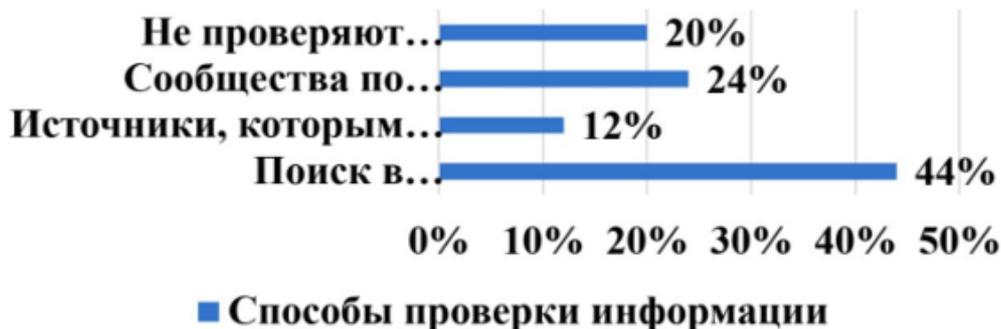

Рисунок 14. Распределение ответов респондентов по вопросу о способах проверки достоверности информации

Рисунок 15. Оценка респондентами мер противодействия дезинформации

На основе результатов проведенных кабинетных исследований и собственных полевых исследований можно сделать вывод о том, что проблема борьбы с недостоверной информацией на разных уровнях сохраняет свою актуальность и осознается большинством опрошенных. Рассматриваемые проблемы и требуют поиска решения и консолидации усилий со стороны специалистов, гражданского общества, государства.

Исследования подтверждают, что фейковая информация представляет существенную угрозу интересам общества и государства, а также национальной безопасности и безопасности граждан. В связи с этим государственная политика многих стран направлена на законода-

тельное закрепление мер по противодействию распространению фейковой информации. Данные меры могут включать как блокировку или удаление соответствующей недостоверной информации, так и привлечение к различным мерам ответственности субъектов, осуществляющих её распространение [1, С. 98].

В отечественной практике формируются соответствующие положения законодательства, предусматривающие меры противодействия распространению фейковой информации, например в 2022 году была введена статья 207.3 УК РФ, устанавливающая меры уголовной ответственности за распространение фейков о действиях вооруженных сил Российской Федерации⁴. Введение данной меры было обусловлено развитием информационного противостояния между странами на фоне осуществления специальной военной операции со стороны РФ на территории Украины.

Результатом ограничений стало прекращение в 2022 году деятельности социальных сетей Instagram и Facebook⁵. В декабре 2024 года осуществлена блокировка Viber в России [11]. Этот мессенджер получал многочисленные претензии со стороны Роскомнадзора, связанными с противоправными действиями, сопряженными с дезинформацией, манипуляциями и мошенничеством. По оценкам специалистов россияне лишились 5 млрд руб. только в течение 2024 года.

Подобные меры присутствуют во многих государствах, и направлены на обеспечение национальной безопасности страны и общества, на защиту граждан от негативного влияния информационных материалов в различных сферах жизнедеятельности общества, а также на пресечение дискредитирующей деятельности в отношении государства и политических деятелей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной жизни россиян. Они предоставляют возможность общения, обмена информацией и самовыражения. Однако, вместе с этими преимуществами, платформы для социальных медиа все чаще используют противоборствующие стороны, применяющие различные психологические приемы для воздействия. Технологии дезинформации и манипуляции позволяют манипулировать эмоциями пользователей, управляя их поведением.

Кроме применения недостоверных данных, манипуляция в социальных сетях может быть основана на методах психологического воздействия, связанных с особенностями коммуникации и достижениями цифровых технологий, например использованием больших баз данных (Big Data), виртуальными роботами (ботами), искусственным интеллектом, основанном на технологиях машинного обучения, реализующих технологии дипфейка и т.п.

В таблице 1 представлены методы психологической манипуляции в социальных сетях, в числе которых алгоритмическая персонализация, эмоциональная манипуляция, геймификация, общение с ботами, влияние на мнение через окружающих и психологическое давление и их характеристики.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.11.2024) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 03.12.24)

⁵ Facebook/Instagram — проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена

Таблица 1. Методы психологической манипуляции в социальных сетях и их характеристики*

№	Методы психологической манипуляции в социальных сетях	Характеристика метода
1.	Алгоритмическая персонализация	Мощным способом психологической манипуляции в социальных сетях является использование алгоритмов, когда системы подбирают контент на основе интересов, предпочтений, поведения пользователей. Когда пользователи видят только те сообщения и новости, которые подтверждают их уже существующие взгляды, это снижает возможность встретить альтернативные точки зрения, «создавая информационные пузыри». Алгоритмы персонализации, настраиваются на поддержку «пузырей», они могут влиять на восприятие реальности, формируя не только личные убеждения, но и внушая идеи, которые могут вызывать страх, неуверенность или предвзятость. Подобные манипуляции в социальных сетях основаны на использовании когнитивных и психологических эффектов.
2.	Эмоциональная манипуляция	Контент, вызывающий сильные эмоции, распространяется значительно быстрее, поскольку эмоциональные реакции приводят к большей вовлеченности. Люди реагируют, комментируют, делятся подобной рекламной или новостной информацией. Посты, вызывающие чувства радости, гнева или страха, всегда получают большее количество лайков и репостов. Исследования показывают, что контент, вызвавший эмоциональный отклик, воспринимается как более достоверный.
3.	Геймификация	Геймификация — процесс внедрения игровых механик в неигровые приложения — активно используется социальными сетями. Это могут быть рейтинги, значки достижений или награды за выполнение определенных действий. Такие механизмы побуждают пользователей к большей активности и взаимодействию с приложением. Например, функция «лайков» и «репостов» создает эффект соперничества и стремление к популярности. Люди начинают сравнивать себя с другими, что может привести к зависимостям и непрерывному поиску одобрения со стороны окружающих.
4.	Общение с ботами	Современные социальные сети используют чат-ботов для взаимодействия с пользователями. Эти программы могут поддерживать разговоры, отвечать на вопросы и рекомендовать контент. Пользователи часто не осознают, что общаются с машиной, и это может приводить к тому, что они начинают доверять «ботам» больше, чем живым людям. Такое взаимодействие может создать иллюзию настоящего общения, что повышает степень вовлеченности и доверия со стороны пользователей к платформе. В результате это может влиять на их мнения и поведение, создавая ощущение, что они взаимодействуют с «друзьями», а не с алгоритмами.
5.	Влияние на мнение через окружающих	Психология социального доказательства утверждает, что люди склонны считать действия других индикатором того, как следует вести себя самим. В социальных сетях это проявляется через лайки, комментарии и репосты. Если пользователи видят, что многим нравится тот или иной пост, они сами начинают воспринимать его как более достоверный или актуальный.
6.	Психологическое давление или страх упустить что-то важное	Социальные сети могут вызывать у пользователей чувство тревоги и недостаточности. Концепция FOMO (Fear Of Missing Out), или «страх упустить что-то важное», активно используется для того, чтобы удерживать пользователей на платформах. Эта манипуляция вызывает тревожность и побуждает пользователей проводить больше времени в социальных сетях, чтобы не упустить важную информацию, новости или события из жизни друзей и знакомых.

*Составлено авторами на основе данных [12]

Перечисленные методы создают широкие возможности для влияния на сознание и поведение, а возникающие угрозы требуют выработки способов защиты от психологической манипуляции в социальных сетях (табл.2).

Таблица 2. Способы защиты от психологической манипуляции в социальных сетях*

№	Способы защиты от психологической манипуляции в социальных сетях	Предпринимаемые для защиты действия
1.	<p>Критическое мышление Первый шаг к защите от манипуляций — это умение анализировать информацию.</p>	<p>Развивайте критическое мышление, задавая себе ключевые вопросы: Откуда это пришло? Учитесь проверять источники информации. Подходите с осторожностью к материалам, которые выглядят слишком сенсационно или эмоционально. Кто это говорит? Проанализируйте, кто является автором контента. Если это неизвестный источник или блогер без экспертизы, стоит задуматься, насколько правдивы его слова. Как это может повлиять на меня? Оцените, как информация может изменить ваши убеждения или действия. Это поможет избежать влечения к манипулятивному контенту.</p>
2.	<p>Внимание к своим эмоциям. Социальные сети часто используют эмоциональные триггеры для манипуляции. Научитесь распознавать свои эмоции:</p>	<p>Отслеживайте свои реакции. Когда вы видите контент, который вызывает сильные эмоции (гнев, страх, счастье), сделайте паузу. Задайте себе вопрос, чем именно вызваны эти чувства? Не поддавайтесь импульсу. Неясные эмоции могут заставить вас реагировать автоматически, публикуя гневные комментарии или делая репост. Постарайтесь сначала разобраться в своих чувствах.</p>
3.	<p>Ограниченное время в соцсетях. Избыточное время, проведенное в социальных сетях, может повышать риск подверженности манипуляциям. Используйте эти методы, чтобы контролировать своё время:</p>	<p>Установите лимиты. Определите время, которое вы готовы тратить на соцсети, и придерживайтесь этого графика. Используйте приложения, которые помогают отслеживать и ограничивать время. Создайте «дни без экранов». Периодические перерывы от социальных сетей могут помочь вам очистить разум и вернуть фокус на реальные важные аспекты жизни.</p>
4.	<p>Подписывайтесь на разнообразные источники. Формирование множества взглядов и мнений может уменьшить риск попадания в «информационный пузырь»:</p>	<p>Ищите разные точки зрения. Подписывайтесь на аккаунты, которые предлагают альтернативные и даже противоположные мнения по важным темам. Обсуждайте информацию с разными людьми. Общение с друзьями или коллегами, которые имеют разные взгляды, поможет вам получить более полное представление о вопросах, которые вас интересуют.</p>
5.	<p>Используйте критический подход к контенту. Не позволяйте алгоритмам решать за вас, что является «правильным» или «популярным»:</p>	<p>Проверяйте факты. Прежде чем делиться информацией, проверяйте ее достоверность через надежные ресурсы. Ищите более глубокую информацию. Задумайтесь, достаточно ли того, что вы видите на поверхности. Ищите исследования, статьи и другую литературу, чтобы составить полное представление о теме.</p>
6.	<p>Создайте пространство для осознанного общения. Осуществляйте баланс между виртуальным и реальным общением:</p>	<p>Обменивайтесь информацией не только через посты. Общайтесь с друзьями и близкими на реальные темы без влияния соцсетей. Личное общение укрепляет связи и помогает лучше понимать друг друга. Осознанное потребление контента. Настройте свои подписки так, чтобы получать только тот контент, который действительно важен вам. Прекратите следить за страницами или аккаунтами, которые вызывают у вас негативные эмоции.</p>
7.	<p>Искусство игнорирования. Научитесь отказываться от манипуляций. Важно понимать, что у вас есть право игнорировать контент, который вызывает дискомфорт:</p>	<p>Не реагируйте на провокации. Если вы сталкиваетесь с контентом, который пытается вас спровоцировать, просто прокрутите его мимо. Чаще всего такие сообщения предназначены для создания конфликтов. Контролируйте и фильтруйте свое окружение. Если некоторые люди в соцсетях постоянно делятся токсичным или негативным контентом, возможно, стоит их заблокировать или отписаться от них.</p>

* Составлено авторами на основе данных [12]

Таким образом, социальные сети, развиваясь, вовлекают в работу механизмы, влияю-

щие на поведение пользователей. Психология манипуляций, использующая множество приемов — от алгоритмической персонализации до эмоциональных и социальных доказательств — формирует восприятие мира современного человека.

Важно быть осведомленным о существовании таких механизмов и уметь противостоять им. Развитие критического мышления, осознание своих эмоций и активная проверка фактов (фактчекинг) помогут защититься от манипуляций, обеспечивая более здоровое и сбалансированное взаимодействие с социальными медиа.

В то же время, высокая степень угроз манипуляции поведением в социальных сетях, приводящих к масштабным социальным и экономическим последствиям, требует от государства участия в решении проблемы, развития законодательной практики и широкого освещения происходящих процессов.

Литература:

1. Веденеева П. И. *Мировая проблема fake news: правовые пути решения. Актуальные проблемы международного права и внешнеэкономической деятельности. Материалы XIV международной научно-практической конференции преподавателей и студентов.* – Владимир, 2023. – С. 96–101.
2. Девдариани Н.В., Рубцова Е. В. *Из истории возникновения термина «лживая пресса» // Балтийский гуманитарный журнал.* – 2020. – Т. 9. – № 3 (32). – С. 246–248.
3. Елина Я.А. *Специфика и цели использования фейковых новостей // Забайкальские социологические чтения. Социальные процессы: вызовы и пути решения. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием.* – Чита, 2022. – С. 10–15.
4. Иоселиани А. Д., Бунина М. А. *Фейк и фейк-ньюс как инструменты влияния на формирование общественного мнения // Век глобализации.* – 2023. – № 2 (46). – С. 125–135
5. Кажарова М.А. *Магия слова: языковые манипуляции в юридическом, политическом и социальном дискурсе // Вестник филологических наук.* 2023. Т. 3. № 5. С. 144-152.
6. Пахонина Е.В., Синицына Т. И., Шибяев Д. В., Ковалева М. Н. *Человек между фейком и фактом в информационно-технологической среде // Международный научно-исследовательский журнал.* – 2021. – № 3–3 (105). – С. 177–181.
7. Степанова Г.Н., Самарина Е.В. *Роль визуальной составляющей рекламных коммуникаций в продвижении бренда // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела.* 2024. № 3. С. 39-45.
8. Филимонов Ф. В. *Fake news в системе современной политической коммуникации. Методология предотвращения угроз в XXI веке. Сборник научных трудов.* – Иркутск, 2022. – С. 717–721.
9. Христофорова И.В. *Медиаобразование в креативной сфере. В сборнике: Коммуникационный вектор - 2024. Материалы третьего Всероссийского симпозиума. Сборник статей.* Москва, 2024. С. 194-201.
10. Христофорова И.В., Дедюрина М.С. *Дизайнер в рекламе: творчество, креатив или манипуляции обществом? // Социально-гуманитарные технологии.* 2018. № 4 (8). С. 18-25.
11. Кудрин С. *Viber ограничен в России: причина в многочисленных нарушениях. [Электронный ресурс]. URL: WWW.KP.RU: <https://www.kp.ru/daily/27673.5/5024647/> (дата обращения 15.12.2024)*
12. *Психология манипуляций в социальных сетях. Как платформы управляют нашим поведением. [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/Zxj9UNG0s1zVGJ0T> (дата обращения 15.12.2024)*
13. *Фейк-ньюс - и как с ними бороться? ВЦИОМ. Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-/analiticheskii-obzor/feik-njus-i-kak-s-nimi-borotsja> (дата обращения: 15. 12. 2024).*
14. Axt JR, Landau MJ, Kay AC. *The Psychological Appeal of Fake-News Attributions. Psychol Sci.* 2020 Jul;31(7):848-857. doi: 10.1177/0956797620922785. Epub 2020 Jun 17. PMID: 32672128
15. Benjamin A Lyons , Jacob M Montgomery , Andrew M Guess , Brendan Nyhan , Jason Reifler. *Overconfidence in news judgments is associated with false news susceptibility May 2021. Proceedings of the National Academy of Sciences 118(23) DOI:10.1073/pnas.2019527118 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2019527118> (дата обращения: 15. 12. 2024).*

ОБ АВТОРАХ:**Точилина Татьяна Васильевна,**

кандидат психологических наук, доцент, АНОВО
«Московский международный университет»,
Москва, Россия.

Шарова Ольга Львовна,

кандидат психологических наук, доцент, АНОВО
«Московский международный университет»,
Москва, Россия.

ABOUT THE AUTHORS:**Tochilina Tatiana V.,**

PhD (Psychology), Associate Professor, Moscow
International University, Moscow, Russia

Sharova Olga L.,

PhD (Psychology), Associate Professor, Moscow
International University, Moscow, Russia

Точилина Т.В., Шарова О.Л.

Психокоррекция как учебный курс на стыке теории и практики

В статье обсуждаются вопросы подготовки студентов-психологов по курсу «Психокоррекция». В результате проведения анкеты были получены данные о применении знаний в профессиональной деятельности дипломированными психологами. Проведен сравнительный анализ оценки содержания курса «Психокоррекция» у студентов-психологов и дипломированных психологов.

Психокоррекция, практикум по психокоррекции, студенты, психологи.

Для цитирования: Точилина Т.В., Шарова О.Л. Психокоррекция как учебный курс на стыке теории и практики // Социально-гуманитарные технологии. 2024. №4 (32). С. 97-103.

PSYCHOCORRECTION AS A COURSE AT THE COMPATIBILITY OF THEORY AND PRACTICE

Tochilina T.V., Sharova O.L.

The article discusses the issues of training psychology students in the course "Psychocorrection". As a result of the questionnaire, data were obtained on the application of knowledge in professional activities by certified psychologists. A comparative analysis of the assessment of the content of the course "Psychocorrection" among psychology students and graduate psychologists has been carried out.

Psychocorrection, a workshop on psychocorrection, students, psychologists.

For citation: Tochilina T.V., Sharova O.L. Psychocorrection as a course at the compatibility of theory and practice. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2024; 4 (32): 97-103. (In Russ.)

Среди различных видов психологической помощи, реализуемых психологами-практиками психологическая коррекция (психокоррекция) определяется как деятельность, направленная на коррекцию индивидуальных особенностей психологического развития личности, не соответствующих модели, принятой социумом. Эта деятельность призвана сформировать у личности нужных психологических качеств для повышения его приспособления к изменяющимся жизненным обстоятельствам [4].

В настоящее время подготовка специалистов системы «человек-человек» является одной из самых обсуждаемых вопросов в современном научном пространстве. Согласно федеральному государственному образовательному стандарту [7] психологи, обучающиеся на бакалавриате по направлению 37.03.01, в процессе профессиональной подготовки решают диагностические и коррекционно-развивающие задачи. Так, на развитие готовности проводить психологическое консультирование клиентов связаны такие компетенции как ОПК-3. Способен выбирать адекватные, надежные и валидные методы количественной и качественной психологической оценки, организовывать сбор данных для решения задач психодиагностики в заданной области исследований и практики, ОПК-4. Способен использовать основные формы психологической помощи для решения конкретной проблемы отдельных лиц, групп населения и (или) организаций, в том числе лицам с ограниченными возможностями здоровья и при организации инклюзивного образования, ОПК-5. Способен выполнять организационную и техническую работу в реализации конкретных мероприятий профилактического, развивающего,

коррекционного или реабилитационного характера. В связи с данными компетенциями встает вопрос о необходимости актуализации рабочих программ по курсам «Психокоррекция» и «Практикум по психокоррекции».

Дисциплина «Психокоррекция», а впоследствии и практикум были введены в учебные планы различных образовательных учреждений высшего профессионального образования в начале 2000-х годов, когда началось активное развитие психологической науки и практики в России. Это было связано с растущей потребностью в квалифицированных специалистах, способных оказывать психологическую помощь и поддержку различным группам населения [6]. И.В.Дубровина, А.Ф. Ануфриев, С.Н. Костромина, Л. М. Костина, А. А. Осипова, Т. Е. Шапошникова, В. А. Шапошников стояли у истоков современной отечественной психологической науки, внесли большой вклад в развитие психологической коррекции, наполнили данное направление работы учебно-методической литературой.

Психокоррекция – это область психологической практики, направленная на развитие личности, улучшение когнитивных функций. Программа коррекции включает комплекс упражнений и методов, которые помогают улучшить внимание, память, моторику, речь и другие важные навыки. Для работы в области коррекции психологи должны пройти специальную подготовку. Она может включать:

- Изучение основ психологии;
- Овладение методами диагностики когнитивных нарушений;
- Обучение практическим техникам коррекции;

На актуальном этапе развития психокоррекции как направления науки и практики определяются цели деятельности психологов, состоящие в восстановлении психологического равновесия, устранения или минимизации проблем личности; развития и укрепления ресурсов личности, обратившейся за психологической помощью. Задачи психокоррекции в общем виде следует определять, как диагностику источников психологических затруднений клиентов, изменение деструктивных паттернов поведения и мышления, развитие позитивных качеств личности и обучение стратегиям борьбы со стрессами, научение саморегуляции на основе внутренних и внешних ресурсов личности. Все вышеперечисленные направления, цели работы реализуются исходя из основных принципов: индивидуального подхода к каждому клиенту (учёт особенностей группы), целостности коррекционного воздействия и клиент центрированной.

Для формирования профессиональных компетенций будущей работы сегодняшних студентов-бакалавров в данном направлении в программы профессиональной подготовки введены дисциплины «Психокоррекция» и «Практикум по психокоррекции». Роль этих учебных дисциплин в подготовке будущих психологов к профессиональной деятельности заключается в следующем [5, С. 5]:

1. Формирование базовых знаний и навыков в области психокоррекции.
2. Развитие умений анализировать психологические проблемы и выбирать оптимальные методы их решения.
3. Освоение методов и техник психологической коррекции, направленных на устранение психологических проблем и улучшение психологического состояния клиента.
4. Приобретение опыта практической работы с клиентами, что позволяет будущим психологам лучше понять потребности и особенности клиентов.
5. Становление и развитие навыков рефлексии и саморефлексии, необходимых для профессионального развития и самосовершенствования.
6. Развитие коммуникативных навыков и эмпатии, которые способствуют эффективному взаимодействию с клиентами и коллегами.
7. Подготовка будущих психологов к работе в различных сферах деятельности, таких как образование, здравоохранение, бизнес и социальная сфера.

Программы подготовки могут быть как краткосрочными курсами повышения квалификации, так и полноценными образовательными программами в университетах. Исследования показывают, что программы коррекции могут значительно улучшать когнитивные функции у детей с различными нарушениями. Однако важно отметить, что эффективность программ зависит от многих факторов, включая индивидуальные особенности личности, мотивацию, аспектов занятий.

Психолог играет ключевую роль в процессе коррекции. Он должен не только владеть методиками и техниками, но и уметь устанавливать доверительные отношения с клиентом, быть терпеливым, внимательным и готовым адаптировать программу под нужды конкретного клиента. Кроме того, специалисту по психокоррекции должен потребоваться обладать хорошими коммуникативными навыками для взаимодействия с родителями и другими специалистами, работающими с ребенком (педагогами, врачами).

Знание теории и практика в области психокоррекции играют важную роль в профессиональной деятельности психолога. Рассмотрим значимость каждого аспекта подробнее.

Значимость знаний

Теоретические знания являются основой для понимания механизмов психических процессов, причин возникновения различных проблем и выбора подходящих методов вмешательства. Знания позволяют психологу:

1. Диагностировать проблему: Понимание теоретической базы помогает правильно интерпретировать симптомы и признаки нарушений, что является первым шагом к эффективному лечению.

2. Разрабатывать стратегии лечения: Теория дает представление о том, какие методы и подходы будут наиболее эффективны в каждом конкретном случае.

3. Оценивать прогресс: Знание позволяет отслеживать изменения в состоянии клиента и корректировать план терапии при необходимости.

4. Проводить научные исследования: Глубокие теоретические знания необходимы для разработки новых методик и подходов, а также для участия в научных исследованиях.

Кратко остановимся на применяемых при реализации учебных программ по психокоррекции практических аспектах обучения. Поскольку государственные образовательные стандарты в сфере высшего профессионального образования нового поколения предусматривают преобладание интерактивных форм обучения [7]. Если в курсе «Практикум по психокоррекции» лекционные занятия отсутствуют, все занятия практик ориентированные, то в случае с дисциплиной «Психокоррекция» данное требование тоже должно быть реализовано в полном объеме. Напомним, особенностью интерактивного обучения является активное взаимодействие между студентами и преподавателем, обеспечивающее не только максимальное раскрытие творческого потенциала студентов, но и, что особенно важно, лучшего усвоения теоретического материала учебной дисциплины [3, с 28].

Анализ применяемых на практических занятиях по дисциплинам «Психокоррекции» и «Практикум по психокоррекции» позволил выделить наиболее эффективные интерактивные методы, направленные на развитие навыков и умений, необходимых для эффективной работы в области психологической коррекции.

Прежде всего это семинары-дискуссии [2], на которых происходит обсуждение и анализ литературных источников. Выбор дискуссии как метода неслучаен, она активизирует процесс обучения, исследования сложной темы, проблемы, вызывающей особый интерес у студентов. Дискуссия на занятиях по «Психокоррекции» помогает развить у студентов навыки диалогового взаимодействия, умения аргументированно отстаивать свою точку зрения, находить актуальность в различных теориях и возможность их применения в современных коррекционных случаях. Литературные источники могут быть разными: и первоисточники основателей психологических направлений, и современные теоретико-практические исследования.

Далее представления индивидуальных информационных проектов. Презентация индивидуального проекта может осуществляться в разных формах: Компьютерная презентация с описанием продукта. В ней целесообразно отразить тему проекта, актуальность, основную проблему, цель и задачи исследования, а также выводы по проделанной работе. Публичное представление индивидуального итогового проекта должно содержать: обоснование выбранной темы, доказательства её актуальности; цели и задачи проекта и степень их выполнения; указание на степень самостоятельности проделанной работы; описание возможностей применения продукта на практике в разных сферах деятельности. Со всеми требованиями и критериями по оценке индивидуального информационного проекта студенты знакомятся на первом семинарском занятии. Важно, что помимо теоретической составляющей в любом проекте должна быть практико-ориентированная часть. И успех проекта зависит во многом от того, как аудитория откликается на содержание проекта.

Разработка и презентация психокоррекционных программ в русле изучаемого направления психокоррекции. Предваряет данный вид работы поиск кейсов, соответствующих заданий. То есть студенты должны найти кейс, аргументированно подготовить пояснительную записку к программе и создать макет программы, который выставляется на обсуждение в группе.

Групповые упражнения. Этот вид интерактивного взаимодействия применяется как самостоятельный или в рамках презентации индивидуального информационного проекта. Студенты разрабатывают и проводят в группе сценарии коррекционных упражнений по выбранной или тематике (коррекция познавательной сферы, поведения и т.п.): Студенты работают в группах (по желанию или согласно жеребьевке, чтобы научить работать в команде не только с тем, то нравится, но и в случае случайного выбора) для разработки сценариев и алгоритмов проведения психокоррекционных упражнений, основанных на различных теоретических подходах. Важнейшими групповыми упражнениями являются **ролевые игры**: психологи учатся моделировать различные ситуации, возникающие во время сеансов психотерапии, и тренируются в применении различных техник.

Анализ практической работы с клиентами. Студенты участвуют в симуляциях сессий под наблюдением психологов-практиков, что позволяет им применять теоретические знания на практике. **Наблюдение за опытными коллегами**: Студенты наблюдают за работой опытных специалистов, что позволяет им увидеть, как теория применяется на практике. **Супервизии**: Работа под руководством более опытного специалиста помогает начинающим психологам получить обратную связь и улучшить свои профессиональные навыки. **Самостоятельные сеансы**: в ходе практических занятий студенты проводят реальные сессии с клиентами под контролем супервизора, что позволяет им приобрести необходимый опыт. Практическая составляющая обучения крайне важна, поскольку она позволяет закрепить полученные, как теория применяется на практике.

Психологический киноклуб — это совместный просмотр художественных фильмов с последующим обсуждением в группе с целью самопознания, развития эмоционально-личностной сферы, расширения жизненного опыта, решения актуальных психологических проблем. В нашей практике применяется два вида заданий по работе над фильмом. Это метод «Луча», разработанный С.В.Березиным [1, с.45] и письменных ответов на вопросы по фильму с последующим обсуждением. Как правило, любой видео-контент вызывает у студентов эмоциональный отклик, побуждает у обсуждения этических дилемм, что формирует у студентов готовность к решению сложных профессиональных задач. Для реализации данного метода следует тщательно подбирать видео-контент и не злоупотреблять данным методом.

Итак, эффективный психолог должен обладать как глубокими знаниями, так и развитыми практическими навыками. Только сочетание этих двух аспектов позволяет специалисту успешно работать с клиентами и достигать положительных результатов. Согласно нашему опыту все вышеперечисленные виды работы студентов на семинарских занятиях в рамках дисциплины «Психокоррекция», способствуют глубокому пониманию теоретического материала и формированию профессиональных компетенций студентов в области психокоррекции. Они обеспечивают возможность применения знаний на практике, что является ключевым аспектом подготовки будущих психологов. В целом, реализация курса «Психокоррекция» формирует у студентов комплекс знаний, умений и навыков, которые позволяют им эффективно работать в области психологической помощи, обеспечивая поддержку клиентам с различными психологическими трудностями. Эти компетенции являются основой для успешной практической деятельности в профессии психолога.

Обобщая вышеизложенное, утверждаем, что дисциплины «Психокоррекция» и «Практикум по психокоррекции» играют одну из ведущих ролей в формировании важнейших профессиональных компетенций будущих педагогов-практиков. Дисциплины обогащают обширными теоретическими знаниями и пониманием различных теоретических основ психокоррекции. Учат разрабатывать стратегию и тактику психологической помощи (от сбора анамнеза до написания и реализации коррекционной программы). Знакомят, а в некоторых темах и формируют практические навыки по владению методов и техник психокоррекционной работы с различными группами клиентов в зависимости от их индивидуальных потребностей. Формируют умение оценивать эффективность проведенной психокоррекции и вносить необходимые кор-

рективы в программу на основе полученных результатов. На лекционных, семинарских и практических занятиях поднимаются вопросы соблюдения этических норм и стандартов, необходимых для эффективной и безопасной работы с клиентом. Таким образом, учебные дисциплины «Психокоррекция» и «Практикум по психокоррекции» играют ключевую роль в подготовке будущих психологов к их профессиональной деятельности. Они не только обеспечивают студентов необходимыми знаниями и навыками, но и формируют такие их личностные качества, как эмпатия, терпимость и способность к критическому мышлению. Эти аспекты являются основой для успешной практической работы в области психологии.

С целью исследования потребности в знаниях и анализе дефицитов в формировании профессиональных компетенций нами была подготовлена анкета, которая включала вопросы о содержании курсов «Психокоррекция» и «Практикум по психокоррекции». Задачами исследования явились:

- Анализ спектра необходимых профессиональных компетенций в психологическом консультировании
- Выявление практических запросов на совершенствование образования по психологическому консультированию
- Анализ психологической готовности студентов к профессиональной деятельности
- Сравнительный анализ профессиональных потребностей в развитии профессиональных компетенций у студентов и психологов-практиков

Общее количество испытуемых 214, из них 140 человек – студенты старших курсов, обучающиеся по программе 37.03.01 и 74 человека – дипломированные психологи, имеющие опыт проведения психологических консультаций клиентов. В результате проведения анкеты были получены следующие данные. Возраст всех студентов – от 18 до 35, возраст дипломированных психологов-консультантов 75% - от 18 до 35 лет и 25% - от 36 до 45 лет. Опыт работы дипломированных психологов – 80% от 0 до 5 лет и 20% от 6 до 10 лет. Полученные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1. Анкета

Вопросы анкеты	Студенты	Психологи
1. Как вы оцениваете значимость психокоррекции в вашей профессиональной подготовке?		
- Очень высокая	6 %	18 %
- Высокая	52 %	82 %
- Средняя	32 %	-
- Низкая	10 %	-
- Очень низкая	-	-
2. Какие аспекты психокоррекции вы считаете наиболее важными для своей будущей практики? (можно выбрать несколько вариантов)		
- Развитие навыков саморегуляции	100 %	74 %
- Повышение рефлексивности	82 %	25 %
- Профилактика профессионального выгорания	86 %	92 %
- Улучшение качества жизни	82 %	52 %
3. Сколько часов личной психотерапии вы прошли или планируете пройти в рамках подготовки?		
- Менее 10 часов	23 %	12 %
- 10-30 часов	56 %	28 %
- 30-50 часов	15 %	31 %
- Более 50 часов	6 %	29 %
4. Какой метод психокоррекции вам наиболее интересен для изучения? (можно выбрать несколько ответов)		
- Арт-терапия	100 %	100 %
- Телесно-ориентированная терапия	28 %	56 %
- Когнитивно-поведенческая терапия	87 %	83 %
- Игровая	74 %	78 %
- Психодрама	12 %	56 %
- Другие (укажите) психоанализ	25 %	-

5. Насколько важно для вас наличие практических занятий по психокоррекции в учебной программе?		
- Крайне важно	12 %	76 %
- Важно	83 %	24 %
- Не очень важно	5 %	-
- Совсем не важно	-	-
6. Что бы вы хотели улучшить в программе подготовки психологов-консультантов в части психокоррекции? (можно отметить несколько ответов)		
- увеличение практических задач	100 %	-
- уменьшение лекционного курса	32 %	-
- наблюдение коррекционного занятия	86 %	-
- проведение и подготовка коррекционных занятий	82 %	-
- курсовой проект	12 %	-
- наблюдение практических занятий в социальных организациях	100 %	100 %
- наставничество опытного психолога	100 %	100 %
7. Как вы оцениваете роль преподавателей в процессе обучения психокоррекции?		
- Очень положительная	12 %	74 %
- Положительная	83 %	26 %
- Нейтральная	5 %	-
- Отрицательная	-	-
8. Считаете ли вы, что подготовка психолога-консультанта должна включать обязательное прохождение личной терапии?		
- Да	100 %	100 %
- Нет	-	-
- Не знаю	-	-
9. Какие формы и методы работы необходимо включить в курс Психокоррекция?		
- групповая форма работы	28 %	12 %
- работа с литературой	-	-
- интерактивные методы работы	72 %	88 %
10. В каких сферах деятельности могут быть применены знания и умения, полученные студентами в рамках предмета «Психокоррекция»?		
- в образовании	24 %	10 %
- в производственной сфере	5 %	12 %
- индивидуальной работе с клиентом	71 %	78 %
11. Насколько вы оцениваете значимость знания по предмету «Психокоррекция» актуальны для работающего психолога?		
- актуально	92 %	100 %
- неактуально	-	-
- знания устарели	8 %	-
12. Как часть в своей профессиональной деятельности вы пользуетесь учебно-методической литературой в психокоррекционной работе с клиентами		
- очень часть	-	72 %
- часто	85 %	28 %
- редко	15 %	-
- не пользуюсь	-	-

Кроме качественной обработки данных был проведён количественный анализ данных с помощью критерия χ^2 угловое преобразование Фишера.

По результатам диагностики студентов и дипломированных психологов можно отметить, что дипломированные психологи видят значимость курсов «Психокоррекция» для работы в большей степени, чем студенты-психологи, они оценивают присутствие данного учебного курса в программе подготовки психологов как крайне важное, в отличие от психолого-студентов ($p \leq 0,05$). Дипломированные психологи видят ценность курса для себя для профилактики эмоционального выгорания, а студенты как возможность повышения рефлексивности ($p \leq 0,05$). 100% студентов-психологов отмечают важность повышения саморегуляции в процессе работы с клиентами. Знания по психокоррекции актуальны для дипломированных психологов, а 8% студентов считают их устаревшими. Дипломированные психологи рассматривают применение

методов телесно-ориентированной терапии ($p \leq 0,05$) и психодрамы ($p \leq 0,01$) чаще, чем студенты.

В завершение отметим, что полученные данные могут быть полезны при разработке рабочей учебной программы для психологов – бакалавров направления 37.03.01 Психология.

Литература:

1. Березин С.В. Кинотерапия и кинотренинг : практическое пособие для психологов и социальных работников. – Самара, 2003. – 112 с
2. Ефимова О. В., Ушакова Е. В. Методика проведения семинара-дискуссии по произведениям русских писателей рубежа XIX-XX веков // Управление образованием: теория и практика. 2022. №1 (47). [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-provedeniya-seminara-diskussii-po-proizvedeniyam-russkih-pisateley-rubezha-xix-xx-vekov> (дата обращения: 07.12.2024).
3. Нечаева Т. В., Ложкомоева Е. Н. Особенности использования деловых и ролевых обучающих игр в сфере высшего образования // МНКО. 2018. №2 (69). [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ispolzovaniya-delovyh-i-rolevyh-obuchayuschih-igr-v-sfere-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 07.12.2024).
4. Осипова, А.А. Общая психокоррекция / А.А. Осипова. – М. : Сфера, 2002. – 512 с.
5. Психологическое консультирование и психологическая коррекция: Учебное пособие / Под. ред. А.С. Черепанова. – М.: Издательство «Спутник +», 2021. – 271 с. ISBN 978-5-9973-5875-4, с. 154
6. Ческидова И. Б. Формирование профессиональной компетентности студентов в области психологической коррекции развития личности // Проблемы современного педагогического образования. 2020. №67-2. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-professionalnoy-kompetentnosti-studentov-v-oblasti-psihologicheskoy-korreksii-razvitiya-lichnosti> (дата обращения: 03.12.2024).
7. Приказ Минобрнауки России от 29.07.2020 N 839 (ред. от 27.02.2023) "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 37.03.01 Психология" (Зарегистрировано в Минюсте России 21.08.2020 N 59374) // [Электронный ресурс] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_360826/?ysclid=m4e2vxwkuf923015483

5.8.7 МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378

ОБ АВТОРЕ:

Крюков Алексей Алексеевич, старший преподаватель кафедры Инженерных дисциплин, ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет», Владивосток, Россия

ABOUT THE AUTHOR:

Kryukov Aleksey A., Senior lecturer departments of Engineering disciplines, Far Eastern State Technical Fisheries University, Vladivostok, Russia

Крюков А.А.

Инженерное мышление как интегральный структурный компонент учебно-познавательной деятельности курсантов

В данной работе рассматривается инженерное мышление как результирующий структурный компонент учебно-познавательной деятельности у обучающихся мореходных специальностей. Инженерное мышление – это одна из форм мышления, которую курсант может приобрести на этапе обучения в техническом высшем учебном заведении. Целью данной работы является выработка основных принципов развития инженерного мышления на примере учебного процесса мореходных специальностей в Мореходном

институте Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета. Задачами данной работы являются рассмотрение проблемы развития инженерного мышления и её отражение в психолого-педагогической литературе; определение структуры инженерного мышления; выявление факторов и механизмов развития инженерного мышления у курсантов; характеристика инструментария инженерного мышления как интегрального структурного компонента в учебно-познавательной деятельности курсантов. Общеинженерные дисциплины способствуют развитию инженерного мышления, при этом являются ключевыми факторами для достижения определенного уровня развития. А практические задания, разработанные для этих дисциплин, являются механизмом развития.

Инженерное мышление, методы, факторы, механизмы развития, учебный процесс, курсант.

Для цитирования: Крюков А.А. Инженерное мышление как интегральный структурный компонент учебно-познавательной деятельности курсантов // Социально-гуманитарные технологии. 2024. №4 (32). С. 104–110.

ENGINEERING THINKING AS AN INTEGRAL STRUCTURAL COMPONENT OF EDUCATIONAL AND COGNITIVE ACTIVITY OF CADETS

Kryukov A.A.

In this paper, engineering thinking is considered as a resultant structural component of educational and cognitive activity among students of nautical specialties. Engineering thinking is one of the forms of thinking that a student can acquire at the stage of studying at a technical higher educational institution. The purpose of this work is to develop the basic principles of the development of engineering thinking on the example of the educational process of maritime specialties of the Maritime Institute of the Far Eastern State Technical Fisheries University. The objectives of this work are to consider the problem of the development of engineering thinking and its reflection in the psychological and pedagogical literature; to determine the structure of engineering thinking; to identify factors and mechanisms for the development of engineering thinking among cadets; to characterize the tools of engineering thinking as an integral structural component in the educational and cognitive activities of cadets. General engineering disciplines contribute to the development of engineering thinking, while they are the key factors necessary to achieve the necessary level of development. And the practical tasks developed for these disciplines are a development mechanism.

Engineering thinking, methods, factors, development mechanisms, educational process, cadets.

For citation: Kryukov A.A. Engineering thinking as an integral structural component of educational and cognitive activity of cadets. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2024; 4 (32): 104-110. (In Russ.)

Введение

Современное высшее образование переживает очередной этап реформ, связанный с переходом от европейских стандартов к отечественным. Это создает немало трудностей, так как полностью разрушенная советская система образования не может быть основой для новой российской системы. Причиной является отсутствие достаточной материально-технической базы высших учебных заведений, плохое взаимодействие с работодателями, а, следовательно, и с местами прохождения производственной практики, слабая мотивация обучающихся студентов в процессе поступления и обучения. Эти и другие причины часто вызваны некомпетентностью как представителей работодателя, учебного заведения, а так и самого обучающегося. Одним из главных критериев компетентности является мышление.

Инженерное мышление – это одна из форм мышления, которую студент может приобрести на этапе обучения в техническом высшем учебном заведении. Приобретаемое инженерное мышление позволяет будущему инженеру применять знание и умение не только в той области, связанной с профилем обучения, но и смежные сферы деятельности, связанные с расчетами, чертежами, проектированием, конструированием.

Актуальностью данной темы является стремительный рост инженерного образования на фоне упадка экономического и юридического, а также замедления темпов роста в образовании информационных технологий.

Целью данной работы является выработка основных принципов развития инженерного мышления на примере учебного процесса мореходных специальностей Мореходного института Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета. Такими специальностями являются 26.05.06 «Эксплуатация судовых энергетических установок» и 26.05.07 «Эксплуатация судового энергооборудования и средств автоматики».

Задачами данной работы являются:

- рассмотреть проблему развития инженерного мышления и ее отражение в психолого-педагогической литературе;
- определить структуру инженерного мышления;
- выявить факторы и механизмы развития инженерного мышления у курсантов;
- охарактеризовать инструментальный инженерного мышления как интегрального структурного компонента в учебно-познавательной деятельности курсантов.

Проблема развития инженерного мышления и ее отражение в психолого-педагогической литературе

Острая нехватка специалистов технической направленности является ключевой проблемой экономики. Причиной данной проблемы может быть отсутствие понимания того, как именно мыслят инженеры. Осуществление учебного процесса, основанного на принципе «думать, как инженер», смогло бы решить проблемы с привлечением молодых абитуриентов в технические вузы и как следствие в область инженерной деятельности [2].

Основной задачей инженерного образования является подготовка выпускников, которые готовы к своей профессиональной деятельности и обладают всеми необходимыми профессиональными компетенциями, и, как следствие, инженерным мышлением. Будущего работодателя, как правило, не интересуют оценки, которые получал вчерашний студент, его интересует готовность к конкретным трудовым функциям, а также способность самостоятельно принимать решения в различных ситуациях. При этом будущий сотрудник должен прогнозировать и адекватно оценивать последствия принятия им ответственных решений [3].

Создание инженером и любым другим сотрудником с техническим образованием новых идей при решении профессиональной задачи в рамках своих трудовых функций с применением инновационных технологий возможно при наличии сформированного инженерного мышления. Само понятие «инженерное мышление» может быть определено как особый вид мышления, который формируется и проявляется при решении технических задач. Инженерное мышление позволяет быстро, точно и оригинально решать как обычные, повседневные задачи, так и неординарные в определенной производственной области деятельности [4].

Ряд исследователей [12] выделяют в рамках определения «инженерное мышление», такой компонент как креативность. Под креативностью понимаются творческие способности человека, то есть способность порождать необычные идеи, которые отклоняются от схем тради-

ционного мышления, а также способность оперативно решать проблемные ситуации.

Одной из проблем развития мышления является сложность процесса адаптации студентов к обучению в техническом вузе. По результатам этого исследования были сделаны выводы о том, что развитие мышления связано не только с особенностями в эмоциональной и коммуникативной сфере студентов, но и с различными недостатками в развитии интеллектуальных способностей [11].

Еще одной проблемой, связанной с развитием инженерного мышления, является декларируемый принцип практико-ориентированного обучения. Реализация этого принципа осложняется неподкрепленной теоретической базой, что не позволяет будущему инженеру приобрести достаточно востребованные на сегодняшний день компетенции, такие как мобильность, гибкость и адаптивность, самообучаемость, умение планировать и прогнозировать перспективы карьерного роста [9].

Структура инженерного мышления

Инженерное мышление как набор необходимых компетенций, которые будущий инженер будет использовать в своей производственной деятельности, состоит из нескольких составляющих, которые в совокупности и создают мышление будущего конструктора, технолога и проектировщика. Инженерное мышление имеет структурное строение и состоит из нескольких компонентов [1].

Одним из компонентов инженерного мышления является техническое мышление, которое подразумевает умение анализировать устройство и принцип работы различных технических средств и объектов. Благодаря ему, будущий инженер на этапе обучения в рамках специальных дисциплин по мореходным специальностям изучает принцип работы двухтактных, четырехтактных дизелей, устройство дизель-генератора, принцип работы центробежных судовых насосов. Конструктивное мышление включает в себя умение строить модели для решения поставленной задачи. В процессе обучения курсантам необходимо выполнять ряд курсовых проектов, связанных с проектированием редукторов, судовых двигателей внутреннего сгорания, судовых турбомашин, электродвигателей. Опыт данной конструкторской деятельности вполне полезен в производственной деятельности.

Исследовательское мышление, основанное на определении новизны задачи, умении аргументировать полученные результаты и делать выводы, вырабатывается у курсантов во время участия в различных конференциях, что в дальнейшем пригодится при публичной защите дипломного проекта. Последняя составляющая инженерного мышления – экономическое мышление. Данный компонент характеризует качество процесса и результат деятельности. Именно этот компонент будет определять альтернативу выбора при решении производственных задач.

Факторы и механизмы развития инженерного мышления у курсантов

Основа инженерного мышления закладывалась у будущего инженера еще в период обучения в средней школе. В рамках изучения таких предметов как «Алгебра и начало анализа», «Геометрия», «Физика», а в некоторых школах и «Черчение», решались задания, позволяющие развивать мышление школьника. В высших учебных заведениях данную роль играют дисциплины общепрофессионального цикла, такие как «Инженерная графика. Начертательная геометрия», «Теоретическая механика», «Сопrotивление материалов», «Теория машин и механизмов», «Детали машин и механизмов» и другие. Данные учебные дисциплины можно рассматривать как факторы, позволяющие развивать инженерное мышление. В таб.1 приведены учебные дисциплины в качестве факторов формирования и развития инженерного мышления и виды учебной деятельности как механизмы развития этих факторов.

В процессе изучения учебных дисциплин «Инженерная графика» и «Начертательная геометрия» курсант осваивает графическое отображение основных деталей машин, способы проецирования и получения сечения. В рамках этих дисциплин курсант развивает объемное воображение, что приводит к освоению конструктивного мышления. Отсутствие в ряде средних школ такого предмета как «Черчение», не позволяет в должной мере развивать конструктивное мышление, этот недостаток не может быть скомпенсирован предметом «Геометрия» и разделом «Стереометрия» [6].

Традиционные трудности, связанные с изучением курсантами учебной дисциплины «Начертательная геометрия», которая является фундаментом инженерно-геометрической подготовки, обусловлены двумя основными причинами: слабая школьная подготовка по элементарной геометрии и тем, что в соответствии с учебным планом эта учебная дисциплина преподаётся в первом семестре. В первом семестре происходит период адаптации вчерашнего школьника к системе высшего учебного заведения. На практических занятиях, как правило, применяются рабочие тетради, что дает возможность курсантам решать задания самостоятельно. Преподавателям при этом отводится роль консультантов.

Практические занятия по «Инженерной графике» значительно отличаются от аналогичных занятий по другим учебным дисциплинам индивидуальной работой с каждым курсантом, т.е. обучающийся изучает курс самостоятельно под руководством и контролем преподавателя в специально оборудованных аудиториях. После вступительной лекции по каждой теме учебной дисциплины, курсант выполняет определенный объем графической работы.

Таблица 1. Учебные дисциплины как важнейшие факторы формирования и развития инженерного мышления

№	Название учебной дисциплины	Вид учебной деятельности
1	Инженерная графика. Начертательная геометрия	Выполнение эскизов. Изображение чертежей и проекций
2	Теоретическая механика	Выполнение расчетно-графических работ по статике, кинематики, динамики
3	Сопrotивление материалов	Выполнение практических и лабораторных работ на механические деформации материалов
4	Теория машин и механизмов	Выполнение практических задач на анализ и синтез механизмов
5	Детали машин и механизмов. Основы конструирования.	Выполнение расчётов по проектированию механических передач
6	Компьютерная графика	Разработка конструкторской документации

На занятиях преподаватель выясняет насколько самостоятельно курсант выполнил данную часть работы. При необходимости путем наводящих вопросов преподаватель направляет курсанта на устранение ошибок. Именно направляет, а не просто указывает на ошибки. Активность курсантов будет проявляться только в том случае, если они сами поймут ошибку и решат, как ее исправить. На занятиях преподаватель дает необходимые указания по технике выполнения чертежей и рекомендует учебную и справочную литературу, необходимую для следующего этапа работы. При такой форме занятий есть возможность проводить учебный процесс интенсивно, предлагая курсантам в аудитории творчески искать решение поставленной перед ними задачи. Преподаватель лучше видит способности каждого курсанта и может учитывать это в учебном процессе.

«Теоретическая механика» посредством решения расчетно-графических задач также развивает конструктивное мышление, но только аналитическую его часть. Основная цель данной дисциплины – подготовить будущего специалиста к изучению следующего раздела – «Сопrotивление материалов». Эта дисциплина, наряду с конструктивным мышлением, развивает и экономическое, и исследовательское мышления. Определение диаметра болта при расчете, например, на сдвиг (срез болта и смятие стенки отверстия) подбирается минимально возможный диаметр. Практические задания по Теоретической механике являются частью процесса изучения законов и методов механики. Главная цель этих заданий – практическое освоение методов решения наиболее характерных задач по различным темам дисциплины и одновременно закрепление, и углубление знаний по теории. Эти методы базируются на основных теоремах и положениях механики, но отличаются большим разнообразием и рядом специфических особенностей и приемов, хорошо усваиваемых только в процессе непосредственного решения задач. Поэтому, на практические задания по «Теоретической механике» обычно отводится до 50% общего времени аудиторных занятий и к методике их проведения предъявляются высокие требования [5].

В связи с большим разнообразием содержания дисциплины «Теоретическая механика», а также зависимостью методики практических заданий от темы занятий, наличия домашнего задания по данной теме и других факторов, установление единых для всех упражнений жестко регламентированных приемов их проведения совершенно неоправданно. Исходя из конкретной обстановки, преподавателю предоставляется право варьировать методику проведения практических заданий, внося в нее целесообразные изменения.

Теория машин и механизмов как учебная дисциплина [10] позволяет развивать у курсанта посредством решения практических задач на анализ и синтез механизмов техническое мышление, которое в дальнейшем пригодится при изучении дисциплины «Детали машин и механизмов. Основы конструирования». Эта дисциплина совместно с «Компьютерной графикой» являются итогом всех общеинженерных дисциплин. Одним из видов квалификационных работ по достижению определённого уровня инженерного мышления при обучении по специальности 26.05.06 «Эксплуатация судовых энергетических установок» является курсовой проект по теме «Механический расчет редуктора» [7]. Для других специальностей имеется аналогичная практическая работа. Данная работа подразумевает расчет одноступенчатого или двухступенчатого редуктора с выбором привода, определение геометрических размеров зубчатых или червячных колес, шестеренок или червячных валов, а также разработку рабочей документации со сборочным чертежом и его детализацией. Эта работа в должной мере позволяет развить все составляющие инженерного мышления, а также подготовить курсанта к изучению специальных дисциплин.

При проведении лабораторных и практических занятий, выполнении заданий и курсовых проектов по учебной дисциплине «Детали машин и механизмов» курсанты используют знания, которые были получены как на общеобразовательных, так и на общеинженерных кафедрах. При этом часто возникают ситуации, в которых курсанту необходимо найти и выбрать единственно правильное решение. Применение деловых игр на практических, лабораторных занятиях и при выполнении курсового проекта позволяет использовать весь ранее накопленный опыт и знания, творчески подходить к решению возникавших проблем и требует дополнительной подготовки, как курсантов, так и преподавателей. В ходе занятий курсанты знакомятся со структурой производства, приобретают навыки проектно-конструкторской работы, проводят самостоятельную работу со справочной литературой. Все указанные навыки позволяют лучше использовать теоретические знания в практической деятельности.

Инструментарий развития инженерного мышления как интегрального структурного компонента в учебно-познавательной деятельности курсантов

Инженерное мышление содержит в себе структурные компоненты. Они характеризуются инструментарием инженерного мышления, которые являются умственными операциями. К ним относятся – анализ, синтез, сравнение, обобщение, абстрагирование.

Под анализом понимается осмысление каждой составляющей, каждого отдельного признака какого-либо объекта. Это позволит выделить главные и второстепенные признаки. Примером данного метода может быть анализ деталей движения судового двигателя, в результате анализа которого можно сделать вывод, что возвратно-поступательное движение поршня преобразуется шатуном во вращательное движение коленчатого вала.

Синтезом называется объединение информации об объекте в нечто единое. Общая оценка позволяет получить информацию об объекте со всех сторон. При выполнении практических, курсовых и дипломных работ, а также участии в студенческих конференциях, первым этапом является сбор информации или литературный обзор. Это позволяет в дальнейшем, используя метод анализа, перейти к следующему методу механизма мышления.

Сравнение – это сопоставление объектов с формированием умозаключения о сходстве или различии данных. Результат данного метода тесно связан с понятием классификации, которая позволяет объединять объекты по одинаковым признакам. Например, по количеству тактов судовые двигатели бывают двухтактные и четырехтактные, по конструктивному исполнению – тронковые и крейцкопфные и так далее.

Обобщение – выявление общих признаков среди различных объектов. Если метод сравнения заканчивается умозаключением о сходстве или различии данных, то при обобщении основной целью является создание чего-либо нового на основе проведенного ранее ис-

следования. Обобщение можно рассматривать как результат сравнения, анализа и синтеза.

Абстрагированием является метод выделения скрытых связей и определение несущественных признаков. При простейшем абстрагировании будут учитываться свойства, неотделимые от объекта. Углубленное абстрагирование включает операции с несколькими свойствами. Данный метод легко можно проследить при изучении таких учебных дисциплин как «Теоретическая механика» и «Теория машин и механизмов». В первой дисциплине выполнение практических расчетно-графических заданий основано на понятии таких объектов как – материальная точка и абсолютно твердое тело, а вторая учебная дисциплина рассматривает работу теоретических моделей действующих механизмов.

Подытоживая данный раздел, можно отметить, что развитие инженерного мышления является сложным умственным процессом, который базируется на следующих принципах:

- развитие инженерного мышления имеет ступенчатую структуру, каждой ступенью которой является общеинженерная учебная дисциплина;

- развитие мышления на общеинженерных дисциплинах осуществляется в рамках выполнения практических заданий;

практические задания, представляют собой последовательность выполнения умственных операций.

Заключение

Развитие инженерного мышления – это серьезная задача при подготовке будущих специалистов в области промышленности, транспорта и энергетики. Основа инженерного мышления, заложенная еще в школьные годы, в полной мере может быть раскрыта в первые два года обучения в техническом вузе.

Общеинженерные дисциплины способствуют развитию инженерного мышления, используя междисциплинарный подход [8], который основан на образовательной траектории подготовки будущего инженера [13]. Общеинженерные дисциплины являются ключевыми факторами, необходимыми для достижения определенного уровня развития инженерного мышления. При выполнении практических заданий, которые являются механизмом развития, осуществляется познавательная деятельность, направленная на изучение специальных дисциплин. Механизмы развития инженерного мышления можно разбить на различные методы, которые в совокупности представляют собой практическое задание.

Литература:

1. Аржаник, А. Р. Формирование инженерного мышления школьников в процессе проектно-исследовательской деятельности во внеурочное время / А. Р. Аржаник // Формирование инженерного мышления в процессе обучения: Материалы международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 07–08 апреля 2015 года / Т.Н. Шамало (отв. ред.). – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2015. – С. 15-19.
2. Афанасьев, В. В. Инженерное мышление в структуре профессиональной подготовки студентов технических вузов: компоненты, подходы и способы развития / В. В. Афанасьев, А. И. Карпова // Антропологическая дидактика и воспитание. – 2024. – Т. 7, № 3. – С. 35-47.
3. Афанасьев, В. В. Инженерное мышление - ключевой компонент становления профессиональной позиции студентов технического вуза / В. В. Афанасьев, А. И. Карпова // Журнал психолого-педагогических исследований. – 2024. – № 1(5). – С. 20-25.
4. Балакшина, Е. В. Исследование проявления типов мышления и индивидуально-психологических свойств студентов-инженеров как профессионально значимых качеств / Е. В. Балакшина // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. – 2021. – № 4(27). – С. 44-54.
5. Борисов, К. А. Особенности преподавания темы «Введение в статику» в процессе обучения учебной дисциплины «Теоретическая механика» / К. А. Борисов, А. А. Крюков // Наука XXI века: технологии, управление, безопасность: Материалы III Национальной научной конференции, Курган, 13 мая 2024 года. – Курган: Курганский государственный университет, 2024. – С. 141-147.
6. Григорьева, Е. В. Модель реализации инновационного подхода к процессу изучения начертательной геометрии при подготовке судовых механиков / Е. В. Григорьева // Journal of Advanced Research in Technical Science. – 2022. – № 32. – С. 95-99.
7. Григорьева, Е. В. Интерактивная форма обучения в преподавании дисциплины «Детали машин и основы конструирования» / Е. В. Григорьева, Е. В. Шамрай-Лемешко // Педагогические науки. – 2021. – № 3(108). – С. 40-43.
8. Григорьева, Е. В. Применение междисциплинарного подхода в образовательной и научно-исследовательской деятельности на примере преподавания инженерных дисциплин курсантам судомеханических специальностей /

- Е. В. Григорьева, С. В. Куличков, В. А. Плоткина // *Научные труды Дальрыбвтуза.*—2022. — Т. 61, № 3. — С. 87-92.
9. Кругликов, В. Н. Экспериментальные методы изучения теории в инженерном вузе / В. Н. Кругликов // *Образование и наука.* — 2018. — Т. 20, № 6. — С. 50-69.
10. Кузлякина, В. В. Теория механизмов и машин: вчера, сегодня, завтра / В. В. Кузлякина, М. В. Нагаева // *История науки и техники.* — 2021. — № 11. — С. 44-53.
11. Пискун, О. Е. Влияние особенностей интеллекта на адаптацию студентов к обучению в техническом вузе / О. Е. Пискун // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта.* — 2011. — № 11(81). — С. 123-126.
12. Рожик, А. Ю. Креативная составляющая инженерного мышления: теоретическое и экспериментальное исследование / А. Ю. Рожик // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки.* — 2018. — Т. 10, № 2. — С. 89-108.
13. Kriukov, A. A. Introduction of the educational trajectory for training workers in the ship repair field in Primorsky Kray / A. A. Kriukov // *Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Marine Engineering and Technologies.* — 2023. — No. 4. — P. 115-120.

ОБ АВТОРАХ:

Ларионов Алексей Эдиславович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королёв, Россия.

Новичков Андрей Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королёв, Россия.

ABOUT THE AUTHORS:

Larionov Aleksey E., PhD in History, associate professor, associate professor of the Department of Humanitarian and Social Disciplines, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Technological University named after twice Hero of the Soviet Union, Pilot-cosmonaut A.A. Leonov", Korolev, Russia

Novichkov Andrey V., PhD in History, associate professor, associate professor of the Department of Humanitarian and Social Disciplines, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Technological University named after twice Hero of the Soviet Union, Pilot-cosmonaut A.A. Leonov", Korolev, Russia

Ларионов А.Э., Новичков А.В.

Советская педагогика в социально-политических реалиях Великой Отечественной войны: проблемы, стратегии и актуальность опыта

Настоящая статья посвящена анализу важнейших тенденций и особенностей отечественной педагогической модели в период Великой Отечественной войны. Авторы рассматривают педагогику как важнейшую и универсальную технологию воспроизводства социума как системы в историческом времени. Комплексному изучению подвергнуты те изменения, которые были вызваны войной, в советской педагогической практике и государственной педагогической политике. Выявлено воспитательное и личностно-формирующее значение таких факторов, как военные действия, мобилизация, оккупация, эвакуация, труд в тылу. Особо отмечены роль общества и семьи, традиционных ценностей Русской цивилизации в советской педагогике 1941-1945 гг. сделаны выводы относительно актуальности востребованности педагогического наследия для современности.

Педагогика, Великая Отечественная война, образование, общество, семья, трудовое воспитание.

Для цитирования: Ларионов А.Э., Новичков А.В. Советская педагогика в социально-политических реалиях Великой Отечественной войны: проблемы, стратегии и актуальность опыта // Социально-гуманитарные технологии. 2024. №4 (32). С. 111-117.

SOVIET PEDAGOGY IN THE SOCIAL AND POLITICAL REALITIES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: PROBLEMS, STRATEGIES AND RELEVANCE OF EXPERIENCE

Larionov A.E., Novichkov A.V.

This article is devoted to the analysis of the most important trends and features of the domestic pedagogical model during the Great Patriotic War. The authors consider pedagogy as the most important and universal technology for the reproduction of society as a system in historical time. The changes caused by the war in Soviet pedagogical practice and state pedagogical policy are subjected to a comprehensive study. The educational and personality-forming significance of such factors as military actions, mobilization, occupation, evacuation, labor in the rear is revealed. Particular attention is paid to the role of society and family, traditional values of Russian civilization in Soviet pedagogy of 1941-1945. Conclusions are made regarding the current demand for pedagogical heritage for the present.

Pedagogy, Great Patriotic War, education, society, family, labor education.

For citation: Larionov A.E., Novichkov A.V. Soviet pedagogy in the social and political realities of the Great Patriotic War: problems, strategies and relevance of experience. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2024; 4 (32): 111-117. (In Russ.)

*Хотя мы и были дети, но спрос был как со взрослых, потому что была война, и оставались в деревнях старики и мы – дети.
(Труженица тыла Кировской области Г.А. Алёхина) [10, с.179]*

Термин «педагогика» в переводе с греческого (παιδαγωγία) буквально означает «детоводительство». В современном социокультурном контексте под педагогикой подразумевается вся совокупность мер по социализации и становлению личности детей-подростков-молодёжи в рамках социума и государства. Соответственно, генераторами педагогических энергий, акторами и «заказчиками» персонифицированных результатов обучения и воспитания являются не только учителя (воспитатели, профессора) и родители, но также всё общество в целом, вся идеологическая и политическая система государства, каждый гражданин в отдельности. Бесспорным является утверждение о том, что формируя педагогику, страна определяет облик собственного будущего и, в конечном итоге, собственную историческую судьбу.

В реалиях социально-исторического контекста подходы, модели, социальный заказ к педагогике могут радикально и неоднократно меняться – под воздействием господствующих общественных настроений, официальных идеологических постулатов, актуальных вызовов текущей исторической ситуации. То есть, обучая и воспитывая детей и молодёжь, общество, государственная власть, педагогические работники могут исходить из разных ценностных и прагматических установок, по-разному представлять себе желаемый образ будущего страны и соответствующий ей облик подрастающего поколения, последовательно созидая его от детских яслей до университетских аудиторий. Телеологию и аксиологию педагогического пространства в этих случаях во многом определяют те исторические вызовы и проблемы, которые реально стоят перед народом и государством. Но, в то же время и в не меньшей степени, тенденции и содержание педагогических (учебно-воспитательных) социальных практик и теоретического дискурса определяют культурно-исторические традиции данного общества, сформировавшиеся и прошедшие многовековую апробацию. Таким образом, педагогическая модель настоящего оказывается объективно детерминирована реалиями переживаемого исторического момента в совокупности с багажом национальной духовно-культурной традицией, которая сложилась в процессе исторической эволюции социума, исторического опыта его хозяйственной деятельности и низовой социальной организации.

Судьбоносная дата 22 июня 1941 года разделила судьбы всех без исключения советских людей на «ДО» и «ПОСЛЕ». Многие планы, тревоги и печали, надежды и мечты мирного довоенного времени стали полностью неактуальными с того момента, когда люди услышали из репродукторов и радиоприёмников выступление Председателя Совнаркома В.М. Молотова [3, с.5-7]. Для десятков тысяч граждан СССР новая реальность наступила несколькими часами раньше и гораздо более трагично – когда на приграничные города и сёла упали первые немецкие снаряды и бомбы. Соответственно, перед отечественной педагогикой встали иные задачи, подчинённые социальной цели абсолютного приоритета – спасти будущее страны и народа. Дети, подростки и молодёжь были зримо-осязаемым воплощением этого будущего.

Соответственно, советская педагогическая практика и политика государства в данной отрасли оказались нацелены на такое воспитание подрастающего поколения, которое, с одной стороны, содействовало сохранению детей, с другой – вовлекало их как активных субъектов в деятельность, полезную для всей страны. Под контролем наркома просвещения РСФСР В.П. Потёмкина предпринимались систематические усилия по продолжению обучения даже тех подростков, которые по нуждам военного времени работали на производстве [8, с.60-61]. Объективно последняя интенция означала раннее взросление для миллионов детей и подростков. которым пришлось решать вполне взрослые задачи ответственности за младших, помощи взрослым, работы на предприятиях и в сельском хозяйстве, выживания в нечеловеческих условиях (например, в условиях блокады Ленинграда или уличных боёв в Сталинграде), адаптации к оккупационному режиму, жизни в партизанских отрядах. Очень значимую роль играла реакция общества на повышенные риски и тяжёлые условия существования детей и подростков. Воспитывало не только государство через учебно-воспитательные учреждения, детские и молодёжные организации и пропаганду. Детей воспитывала сама войны во всех её проявлениях, та ответственность, которая ложилась на их плечи, обычные люди в тылу, военнослужащие в воинских частях, сталкивавшиеся с детьми в самых разнообразных обстоятельствах. Память об этих встречах, о помощи и благородстве, бескорыстной жертвенности, равно как о подлости и жадности, становилась важной частью личного актуального опыта детей, во многом определяя матрицу их личности на всю последующую жизнь.

Выступления И.В. Сталина как главы государства и Верховного Главнокомандующего,

значимые события на фронтах, общая информационная картина и важные сообщения о решениях государственной власти также оказывали своё массовое и мощное воздействие на формирование сознания, личности и поведения молодого поколения. Трагические лично переживаемые события – разрушения и пожары, гибель родных и близких, голод и нужда, воочию наблюдаемая смерть (становившаяся обыденностью) – всё это воздействовало на личности подрастающего поколения, формируя особую шкалу ценностей, меру добра и зла, должного, разрешённого и запрещённого. Таким образом, резки изменившиеся условия существования социума и каждого конкретного человека в отдельности явились важнейшим фактором изменений в советском педагогическом пространстве. При этом, объективно произошло их наложение на те концептуальные установки и практический опыт советской педагогики, которые успели оформиться за четверть века существования Советской власти и господства коммунистической идеологии. В свою очередь, оба указанных компонента в категориях «Большого исторического времени» были только поверхностными добавлениями на огромной тектонической плите русской педагогической традиции, которая формировалась, пополнялась, трансформировалась за более чем тысячелетнее существование России и русского народа как субъектов мировой истории. В тот момент, когда само физическое и историческое существование русского народа подверглось смертельной, максимальной за последние 300 лет, духовно-культурные ресурсы и резервы, накопленные отечественной педагогической традицией, породили мощный всплеск социальной энергии конструктивного характера, будучи направлены на достижение обозначенной выше *общенациональной цели абсолютного приоритета – спасение будущего страны и народа*, что конкретизировалось и персонифицировалось в судьбе подрастающего поколения.

Выявление, описание и анализ особенностей актуализации и воплощения национальной педагогической традиции в экстремальных условиях Великой Отечественной войны и составляет предмет настоящей статьи (возможно, серии статей, учитывая обширность источниковой базы и самого событийного пространства предмета исследования).

Обращаясь к документальным источникам, можно проследить основные тенденции советской педагогической политики в период Великой Отечественной войны. На начальном этапе войны наиболее остро и драматически встала проблема эвакуации детей и подростков из прифронтовой полосы, подальше как от ужасов войны, так и от угрозы остаться в оккупации. эвакуировались семьи военных, советских и партийных работников, целые детские учреждения. Согласно сводным данным, численность детей, эвакуированных только организованно с детским учреждениями (детские сады, интернаты, детские дома) составила на июнь 1942 года (когда военная жизнь советского общества была упорядочена, приобрела устойчивый характер и появилась возможность достоверных подсчётов) составила более 188 тысяч человек [2, с. 171]. Подчеркнём – это не считая эвакуации детей в семьях.

Масштабное перемещение детей и подростков с запада на восток СССР, отрыв от семей, тяготы дальнего пути и обустройства на новом месте, наконец, сам факт централизованной и организованной заботы государства о юном поколении оказывали мощное воспитательное воздействие на тысячи детских душ. Каким именно было это воздействие? Какие впечатления формировали детскую личность, её последующее отношение к миру и людям? При всём том, на новых местах своего проживания дети встречали заботу, участие, сострадание. О чём много лет спустя вспоминали с теплотой и благодарностью, считая места эвакуации второй родиной: «В начале Великой Отечественной войны в 1941 г. я (Сорочан Марк) с детским садом, проживая в г. Минске, находился за городом. Мне в то время было примерно 4 года. Как известно, г. Минск был взят 29 июня 1941 г. Помню, подошли три грузовые машины, с водителем и бойцом с винтовкой в каждой машине. Нас, детей, посадили человек, наверное, 50 вместе с обслуживающими нас людьми, и мы целые сутки ехали на восток, где на какой-то железнодорожной станции посадили в переполненный пассажирский поезд. Наконец, оказались мы на железнодорожной станции «Юдино» Казанской железной дороги в 14 км от г. Казани. Татарстан я считаю второй родиной, где в детских домах находился до октября 1951 г. Родители мои все погибли в Минском гетто» [12, с. 82]. Можно с полным основанием говорить, что если бы ребёнок, потерявший родителей, переживший эвакуацию под вражескими бомбами и вынужденный жить в совершенно чужом для себе месте круглой сиротой, не испытал бы на собственном опыте доброты и сочувствия, то едва ли он назвал бы место эвакуации «второй родиной».

Кроме того, дети, пусть и в экстремальных условиях, чувствовали о себе заботу государства – перевозка на машинах и поездах, обеспечение продовольственным пайком, медицинская помощь.

Безусловно, повседневная социальная реальность войны была многогранна, встречались дети не только с добротой и состраданием, но и с негативными проявлениями отношений к эвакуированным: В какой-то хутор мы всё-таки приехали (Саратовская обл.). Ночь мы там переночевали, потом переехали куда-то на быках в какой-то район... Деревня эта была Макаровка. Так нам говорили: «Вот приехали нас объедать!» Девять женщин было с детьми. Спасибо, всё-таки были там добрые люди. Председатель колхоза выписал нам обрат, лишь бы какую-нибудь нам баланду сварить и поесть» [9, с. 271]. Как видим, в сознании ребёнка несправедливый поправ «кусом хлеба» оказался уравновешен сочувственным отношением местного начальства. Другая мемуаристка приводит эпизод гораздо более жестокого отношения в Омской области со стороны бывших кулаков, сосланных до войны в Сибирь – эвакуированных детей кормили впроголодь и нагружали непосильной работой, заставляя худую 14-летнюю девочку таскать трёхпудовые мешки и откровенно заявляя, что это месть «коммунячке» за прошлое [9, с. 271]. Надо полагать, что столь жестокое отношение только укрепляло детей в правильности довоенной политики Советской власти в отношении кулаков. Иными словами, в данном случае работала педагогика «от противного».

Вообще, педагогическое влияние государства, его политики и идеологии нельзя преуменьшать. Так, в дневнике юной блокадницы Лены Мухиной можно прочитать восторженную запись за 27 февраля 1942 года в связи с повышением нормы выдачи хлеба и бесхитростную благодарность Советскому правительству и лично Сталину: «Началось постепенное улучшение. Боже, как это досадно, что ни Ака, ни мама не дожили до этого времени. Скорей бы кончилась война. Нет, не правы были те люди, которые говорили, что нашему правительству наплевать на нас, ленинградцев, что для них ничего не значит, что какими-нибудь 4–5 тысячами ленинградцев станет меньше. Нет, я всегда знала, что это не так, что о ленинградцах правительство и сам товарищ Сталин помнят каждую минуту и стараются по мере возможности облегчить наше положение» [6]. На данном примере мы видим, как, казалось бы, далёкая от собственно педагогики мера оказывает на подростка политико-воспитательное воздействие. В целом, педагогическая роль государства в военное время может быть оценена как безусловно конструктивная, созидательная: детей не только спасали от военных действий, но централизованно продолжали заботиться о них во время эвакуации. Что складывалось в их сознании в собирательный образ заботливой Родины-Матери. Конечным воспитательным эффектом (в данном случае, едва ли строго запланированным) был рост политической лояльности и патриотизма у молодых граждан СССР.

Иная грань педагогического воздействия приоткрывается нам при знакомстве с судьбами детей, изначально рождённых и выросших в деревне, в семьях советских крестьян, сельской интеллигенции: «Дети военного времени очень рано обретали самостоятельность. Малыши в два-три года уже сами без надзора, ходили по двор, на улице... Мальчишки залезали на высоченные берёзы и забирали из гнезда сорочки кладки. Яйца были покрупнее, мальчишки выпивали их содержимое через соломинку»... Взрослые нас не спрашивали, где были, что делали. Присматривать за нами было некому, мы были сами по себе, всё обозримое пространство деревенских просторов принадлежало нам, шли куда хотели, никого не боялись, ни бандитов, ни маньяков, ни насильников не было, даже понятий таких не было, воры были, но детей они не трогали» [1, с. 55]. Далее у этого же автора мы встречаем такую характерную зарисовку быта военного времени (присущую в равной степени взрослым и детям), как бытовой аскетизм. В данном случае речь шла о предельной простоте одежды, её нарочитой неказистости и даже неприятии в локальном социуме деревни излишне (по меркам военного времени) яркой и качественной одежды. Так что родителям даже приходилось отказываться от идеи чрезмерно обряжать детей. Напротив, чтобы дети не были «белыми воронами» и не подвергались насмешкам и обидам от сверстников, мамы и бабушки до поры убирали наряды, одевая детей в невзрачную, штопаную одежку. И это также имело большое воспитательное воздействие – в период общенародного горя и нужды не следует выделяться, даже на уровне одежды надо разделять общую судьбу.

Резко изменяется репрезентация детей в советской пропаганде. Если мы обратимся к

такому визуальному источнику, как советский пропагандистский плакат времён Великой Отечественной войны, то без труда и каких-либо натяжек увидим изменение статусно-ролевых позиций детей и подростков в едином социальном пространстве. Уже в первые военные месяцы 1941 года появились плакаты, в которых подростки исполняли совершенно не детские роли: они не играли и не учились, но вносили посильный и ощутимый вклад в оборону страны.

Так, на плакате художника Алексея Пахомова двое советских подростков-пионеров выслеживают немецких диверсантов-парашютистов, чтобы в дальнейшем сообщить о них «куда следует». Разумеется, в реальной жизни подростки едва ли одели галстуки для патрулирования местности, но в данном случае подчёркнута связь принадлежности детей к «коммунистическому резерву», что как бы программировало их патриотическое и бесстрашное поведение. На другом плакате того же художника подростки 12-14 лет обоёго пола энергично собирают металлолом, из которого призывают «отлить хороший снаряд, чтобы угостить фашистских гадов» [7, с. 58-59].

В связи с массовым призывом в Красную Армию взрослых, особенно мужчин, на плечи детей легла трудовая миссия. Что нашло отражение в плакатах кисти Татьяны Ерёминой и Алексея Лаптева: призыв «Убрать урожай до единого зерна» реализуется силами женщин трёх поколений: пожилой крестьянки, молодой женщины и школьницы в пионерском галстуке. Таким образом, юная девочка априори зачислялась в разряд кормильцев тыла и фронта. Кроме социальной энергетике основного образа (именно девочка показана на переднем плане плаката, получается, что ей отведено основное место на трудовом фронте!) обращает на себя внимание его реалистичность: пионерка профессиональным движением перевязывает сноп при помощи ловко скрученного жгута из колосьев [7, с. 64-65]. Никакой условности и схематичности – перед нами полноценный реализм со знанием реалий ручной уборки хлеба. В целом нельзя не отметить, что такой директивно взрослый статус подростка вполне вписывался в ценности и социальные практики русского традиционного общества, где дети в силу объективных жизненных обстоятельств рано усваивали себе взрослые социальные функции. Если до начала Великой Отечественной войны в Советском Союзе насаждалась педагогика Модерна с его выделением детского статуса как особого и нуждающегося в оберегании от чрезмерных нагрузок, то с началом войны социальная и государственная система, с опорой на массовую пропаганду, совершают достаточно резкий разворот (в целях выживания и спасения будущего). Дети и подростки становятся (или призваны стать средствами воспитания и пропаганды) полноценными членами общества с той же долей ответственности за страну, что и взрослые советские граждане. На плакате А. Лаптева «Москва начеку» в центра плаката мальчик 13-14 лет показан в одном ряду военным лётчиком, пожарным, медицинской сестрой, артиллеристом и бойцом МПВО – то есть показано, что на подростка надеется Москва и, в конечном итоге, вся страна. Это касалось дежурства на крышах и тушении зажигательных бомб, помощи в бомбоубежищах, работы на предприятиях и т.п.

О том, что ответственность перед обществом и государством была вполне реальной, свидетельствует факт из автобиографической повести Михаила Дёмина «Блатной». 16-летний подросток, вчерашний школьник, получает повестку о трудовой мобилизации и обязанности явиться на завод. По жизненной неопытности он не принял документ всерьёз, так что срок явки был безнадежно пропущен. Итогом становится арест и уголовное наказание по решению суда, которое юноша отбывал на том же заводе, к которому его ранее прикрепили [4]. То есть реалии социальных практик, в том числе и репрессивных, в полной мере подтверждают правильность ретроспективного высказывания труженицы тыла, взятого в качестве эпиграфа к настоящей статье – скидок действительно никто не делал даже детям, «по законам военного времени».

Такая высочайшая и без поблажек требовательность, которая была санкционирована государственной политикой, средствами убеждения (пропаганда) и принуждения (наказания), а также всем жизненным укладом и историко-культурной традицией, являлась мощнейшим средством воспитания подрастающего поколения, его ранней, быстрой и эффективной социализации, вхождения во взрослую жизнь. В последующие военные годы образ подростка-полноценного, сознательного и ответственного гражданина своей Родины продолжал поддерживаться средствами визуальной пропаганды. Так, на повествовательном плакате Петра Аляксинского, посвящённом подвигу Матвея Кузьмина (1942 год) 14-летней внук героя выполняет

функцию связного с советскими войсками, предупреждая их (по поручению деда) о готовящейся операции немцев [7, с. 125]. Естественно, в случае разоблачения мальчика ждала бы смерть, возможно, после истязаний. Не иссякала и тема трудового участия – образы подростков в заводских цехах и на колхозных полях устойчиво воспроизводятся на плакатах в 1942-1944 гг. [7, с. 92, 124]

Возможно, столь последовательное вовлечение подростков в раннее взросление не потребовалось бы, если не реалии исторической ситуации – фашистское нашествие угрожало смертью и рабством всем без исключения гражданам СССР, без скидок на пол и возраст. И потому призыв общества и государства к детям скорее повзрослеть и взять на себя долю ответственности за судьбу страны подкреплялся широкой и постоянной демонстрацией в образах пропаганд тех реальных страданий, которые несли немцы советским людям на оккупированных территориях. Многочисленные образы погибших, замученных, страдающих под пятой фашистов детей постоянно транслировались на общество, служа действенным, доходчивым и наглядным средством воспитания как детей, так и взрослых, в тылу и на фронте.

Так мы выходим на ещё одну, пожалуй, самую жестокую грань советской педагогики военного времени – вовлечение подрастающего поколения к дискурсу страдания-смерти-невинной жертвы как обыденной реальности. Такая пропагандистско-педагогическая практика противоречила не просто довоенным матрицам советской педагогики, построенной на принципах бережного отношения к детскому сознанию, но и диссонировала со сложившейся в течение XIX – начала XX вв. в европейской и русской культуре особой заботе о чистоте и благодати детской психики, которые необходимо оберегать от слишком ранних негативных впечатлений. Например, литературные редакции национальных фольклорных текстов тщательно вычищали из первично записанных повествований излишне откровенные сцены, редактировали концовки сказок и мифов, придавая им оптимистический, жизнеутверждающий окрас, убирая откровенные описания насилия, жестокости, мучительной смерти персонажей. В советской же пропаганде военного времени многократно показаны сцены именно детской смерти, мучений, страданий, истязаний от оккупантов. Дети оказались вовлечены во взрослое информационно-культурное пространство без каких-либо обиняков. То есть, с одной стороны, государство заботилось о спасении, пропитании, образовании детей – как то было и до войны. С другой же стороны, оно требовало от детей взрослого участия в социальных процессах, взрослого сопереживания и взрослой же ответственности за всё происходящее. Неправильно было бы упрекать советское общество и государство в какой-то нарочитой суровости, безжалостности по отношению к детям и подросткам. Скорее, здесь видны в предельном выражении суровый реализм, честность и понимание нужд времени как в обществе, так и со стороны государственного руководства. Детей готовили к жизни в суровой и даже жестокой социально-исторической реальности, а не к мифической стране «розовых пони».

Такой была базовая педагогическая установка военного времени в СССР. Её можно расценивать как диалектическую в своей основе. Она сложилась достаточно быстро и господствовала всю войну. Фактически это означало резкое сокращение собственно «детского пространства» в советском социуме. Только в самом конце вооружённой борьбы на советско-германском фронте можно отметить шаги к возвращению детям их полноценного детского статуса. Опять-таки, прежде всего, в образцах советской наглядной монументальной пропаганды, когда плакаты советских художников демонстрируют обществу, значит, и самим детям, что смертельная угроза миновала, страшный враг сокрушён, в том числе и благодаря усилиям юных граждан СССР, что и выразил в своей ёмкой и лаконичной манере И.В. Сталин в своём обращении к народу 9 мая 1945 г.: «Великие жертвы, принесённые нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимы лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряжённый труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом» [11, с. 193]. На плакатах победного 1945 года мы часто видим, как вернувшиеся с фронта отцы обнимают детей, которым как бы возвращён детский статус – они значительно ниже ростом взрослых, доверчиво обнимают родителей, на их лицах улыбки. О том же самое говорил и советский писатель Леонид Леонов, обращаясь к детям со страниц вполне взрослой газеты «Правда» (следовательно, полагал, что дети будут приобщены к этой информации – также отзвук войны!) после Парада Победы 25 июня 1945 года: «Дорогие, отроки и девочки, и вы – совсем маленькие! Запоминайте этих

грозных и очень добрых людей, избавивших вас от кнута и виселицы, от газа циклона и печки со страшным красным глазком, от изуверских фашистских вивисекций и от горьких, всегда таких неслышных детских слез. Пусть в вашей невинной памяти навеки запишется этот день, полный всяческих благодеяний. Таких подарков детям не дарил еще никто. И если когда-нибудь усталость надломит ваше вдохновенье или грянут черные минуты, от которых мы, немножко постаревшие и смертные, не можем оборонить вас на расстоянии веков, – вспомните этот день, и вам смешна станет временная невзгода. Вам будет так, как если бы вы раскрыли бесконечно святую книгу творческой муки, беззаветного героизма и бессонного труда. Эта книга называется – Великая Отечественная война» [5]. Так был проложен мост от военно-мобилизационной педагогики труда, страданий и ответственности к педагогике мирного времени – радости, безопасности, созидания.

Завершая статью, уместно затронуть вопрос об актуальности советского педагогического опыта периода Великой Отечественной войны для современной российской педагогики. Как известно, в настоящее время Россия находится в состоянии практически открытой конфронтации со странами Запада. Нельзя исключать возможности перерастания военных действий СВО в полномасштабную войну России с коалицией НАТО. Российская государственная власть, учитывая эту угрозу, активно продвигает идеологию патриотизма, усиленно апеллируя к героическим традициям Великой Отечественной войны. В то же время, общество, включая господствующую парадигму образования и воспитания, остаётся не отмобилизованным. Более того, оно российская педагогика явственно продолжает воспроизводить пагубные для неё подходы глобалистского образца с их детоцентризмом, приматом прав над обязанностями, презумпцией виновности и неправоты родителей и педагогов, максимального оберегания детей от любого труда, риска и напряжения. Что ведёт к формированию ущербных эгоистичных личностей, зацикленных на индивидуальных правах и обидах, получении удовольствия и отрицании всякого жертвенного действия на пользу общества. Никакие «разговоры о важном» здесь не помогут, оставшись голым теоретизированием, пока не будут тотально и на практике изменены средства, методы и содержательное наполнение обучения и воспитания, в том числе с использованием опыта и наработок советской педагогики периода Великой Отечественной войны. Детали и подробности этого опыта будут рассмотрены в наших последующих публикациях.

Литература:

1. Ананьева Л.И. Крестьянская история. М.: ИТРК, 2017. С. 55.
2. Бельская Н. Эвакуированные дети: трудности выживания в тылу // Демографическое обозрение. Том 3. №2/2016. С.171.
3. Братья и сёстры! К вам обращаюсь я, друзья мои! О войне от первого лица. М.: АСТ, 2013. С. 5-7.
4. Дёмин М. Блатной // <https://mybook.ru/author/mihail-demin/blatnoj/read/?page=2> Дата обращения 12.09.2024.
5. Леонов Л.М. Полдень Победы // Правда. №151/1945. 25 июня 1945 г.
6. Мухина Е. В. «...Сохрани мою печальную историю...» : блокадный дневник Лены Мухиной: Москва: КоЛибри, 2015.
7. Наша Победа. Плакаты Великой Отечественной войны // сост. А.Ф. Шклярчук и др. М.: 2010. С. 58-59.
8. Очерки истории российского образования // ред. Б.Г. Яковлев. Том 3. М.: МГУП, 2002. С. 60-61.
9. Рыблова М.А., Кринко Е.Ф. и др. Детство и войны: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы). Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС, 2015. С. 271.
10. Сомов В.А. Потому что была война: внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Н.Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2008. С. 179.
11. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1948. С. 193.
12. Шафигуллина О. Эвакуация детей в ТАССР в годы Великой Отечественной войны // «Гасырлар авазы – эхо веков». №3/4, 2012. С. 82.

ОБ АВТОРЕ:

Силайчева Валерия Вадимовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

ABOUT THE AUTHOR:**Silaicheva Valeria V.,**

PhD, assistant professor of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology, National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russia

Силайчева В.В.

Актуальные принципы педагогики И. Канта

В данной статье автор рассматривает идеи выдающегося немецкого философа XVIII века Иммануила Канта с позиции педагогического наследия. Одной из главных педагогических идей немецкого классика является необходимость воспитывать личность, которая свободно действует, может стать членом общества, имеет внутреннюю ценность в своих собственных глазах. И. Кант считал, что образование должно быть основано на принципах разума и нравственности. Кроме того, в статье проводится параллель с педагогической концепцией знаменитого отечественного последователя Канта С.И. Гессена, по мнению которого целью всего образования также является свобода, которая не исключает, а предполагает факт принуждения.

Кант, педагогика, воспитание, философия образования.

Для цитирования: Силайчева В.В. Актуальные принципы педагогики И. Канта // Социально-гуманитарные технологии. 2024. №4 (32). С. 118-123.

CURRENT PRINCIPLES OF PEDAGOGY OF I. KANT

Silaicheva V.V.

In this article, the author examines the ideas of the outstanding German philosopher of the 18th century Immanuel Kant from the perspective of pedagogical heritage. One of the main pedagogical ideas of the German classic is the need to educate a person who acts freely, can become a member of society, has an intrinsic value in his own eyes. An outstanding German philosopher believed that education should be based on the principles of reason and morality. In addition, the article draws a parallel with the pedagogical concept of the famous Russian follower of Kant, Sergei I. Gessen, according to whom the goal of all education is also freedom, which does not exclude, but presupposes the fact of coercion.

Kant, pedagogy, education, philosophy of education.

For citation: Silaicheva V.V. Current principles of pedagogy of I. Kant. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2024; 4 (32): 118-123. (In Russ.)

Фундаментальные мысли Канта о воспитании и образовании не только вошли в историю педагогики, но оказались чрезвычайно актуальными для современной действительности. Как и его знаменитые вопросы (1873 года): Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться? Что такое человек? В контексте этой антропологической глубины Кант формулирует свои концептуальные идеи воспитания, ибо «человек может стать человеком только путём воспитания». [13, с 401]

В современной философии образования прежде всего обращается внимание на это фундаментальное положение Канта, которое, в свою очередь, ставит вопрос о том, каким должен быть человек. Поиски ответа на этот вопрос вызывали и сегодня вызывают многочисленные дискуссии как идеологического, политического, так и практического характера.

Российская система образования находится в трудных условиях из-за кризисного развития экономики, недостаточного финансирования и отсутствия возможностей для реализации программ по улучшению образовательной деятельности. Эти проблемы затрудняют повышение качества образования, разработку новых образовательных технологий и их внедрение. Образование не только передает знания, но также является институтом социализации, спо-

способствует социальному и культурному развитию личности. Необходимо искать новые пути развития образовательной системы, ориентированной на формирование личности, способной к адаптации и творческой работе в условиях быстрой изменчивости жизни.

Сегодня образование определяет основные направления развития личности, ее социального и культурного становления. Возникают вопросы ценностных приоритетов в образовательной деятельности, связанные со сохранением уникального социокультурного и образовательного пространства.

В условиях глубоких социокультурных трансформационных процессов, образование и воспитание сегодня оказываются в центре происходящих изменений. Современное образование особое внимание обращает на необходимость в образовательной и воспитательной деятельности учитывать экзистенциальные аспекты жизни человека, связанные не только со знанием, но и с переживанием мира, с выработкой норм и принципов существования в нём. В сфере образования это необходимо связано с развитием философской культуры человека, с пониманием того, что знание не может быть свободно от ценности и морали [14, с.32]. «Мы живем в эпоху дисциплины, культуры и цивилизованности, но еще далеко не в эпоху распространения нравственности» [13, с.156].

В публикациях современных исследователей проблеме морального воспитания и образования уделяется значительное внимание, подчёркивается актуальность идей Канта.

Иммануил Кант, выдающийся немецкий философ Просвещения, не только оказал огромное влияние на развитие философии, но также внес значительный вклад в область педагогики. Его размышления по вопросам воспитания представляют собой ценный источник знаний, который до сих пор актуален и важен для современного образования.

Одним из основных принципов педагогической теории И. Канта является идея о приоритете нравственного воспитания. Учение Канта о нравственности и долге имеет глубокие корни в его теории. Он считал, что целью образования должно быть не только формирование умственных способностей, но и развитие нравственных ценностей и принципов. Кант утверждал, что истинная цель образования – воспитание нравственно правильной личности, способной к саморазвитию и самореализации.

Другим важным принципом педагогических воззрений И. Канта является принцип самостоятельности и свободы воспитанника. Кант признавал важность индивидуального развития каждого человека и подчеркивал необходимость уважения к его личности. Он считал, что воспитание должно способствовать развитию самостоятельности и независимости учащихся, а педагог должен выступать в роли наставника и помощника в этом процессе.

Также стоит отметить принцип универсализма кантовской теории. Он признавал равные возможности для всех детей в получении образования и поддерживал идею об обязательном и всеобщем образовании. Кант считал, что образование должно быть доступно для всех слоев общества, независимо от социального статуса или материального положения.

Можно выделить еще один момент, на котором акцентирует внимание мыслитель: необходимость приучать ребенка (да и взрослого) к дисциплине. Дисциплинировать человека — это средство предотвращения возможности проявления его животной сущности, которая может повредить его человеческие качества. Также важно развивать человека интеллектуально. Он должен быть умным и способным для общения в человеческом обществе, приятным и обладающим влиянием. Сюда включаются элементы цивилизованности, включающие хорошие манеры, вежливость и такт.

Таким образом, воспитание формирует личность, способную свободно действовать, вступать в общество и ценить саму себя. Основной целью воспитания является приобретение навыков, поэтому оно имеет дидактическую направленность. Воспитание характеризуется прагматическим (разумное поведение) и моральным (нравственность) аспектами.

Разработке прагматического воспитания способствуют: 1) умения; 2) знания; 3) нравственность. Умение должно быть глубоким, а не поверхностным, и стать привычкой в мышлении. Знания заключаются в возможности применять его к конкретным людям, то есть в умении использовать людей для достижения своих целей. Нравственность связана с характером. «Терпи и воздерживайся» — это подготовка к мудрой умеренности.

Знаменитый просветитель предложил пути осознанного и разумного отношения к ценностям жизни, демонстрируя тесную связь между психикой и физическим состоянием, которые

могут быть контролированы. Эти принципы нашли свое отражение не только в педагогике, но и в современной медицине и прикладной психологии, которые освещают важность психосоматического здоровья человека и способствуют его развитию.

Идеи о приоритете нравственного воспитания, уважении к личности учащегося и универсальном доступе к образованию продолжают вдохновлять педагогов и формировать основы современной образовательной системы. Реализация этих принципов способствует формированию гармонично развитой личности, способной к самореализации и принятию ответственных решений.

В своё время Кант вступил в полемику с французскими просветителями по вопросу натуралистической этики, прагматической нравственности, прагматической модели поведения, когда нравственность становится способом достижения успеха, самосохранения, благоразумия. Но Кант возражает стремлению так воспитывать детей, чтобы они годились только «для современной жизненной обстановки, хотя бы и далёкой от совершенства». Он утверждает, что «дети должны воспитываться не для настоящего, а для будущего, возможно лучшего состояния рода человеческого, то есть для идеи человечества и сообразно его общему назначению» [13, с.406].

Значимость этого основного принципа педагогической теории Канта глубоко осознавалась мыслителями прошлого. Особую актуальность он приобретал в сложные периоды общественного развития.

Э.Фромм в статье «Человек одинок» (1966 г.) пишет, что мир всеобъемлющего потребления, который создал сам современный человек, стал причиной его «одиночества». В обществе, сосредоточенном на производстве, продаже и потреблении, человек ощущает себя «товаром, который надо повыгоднее продать на рынке». Потребление, превращённое в самоцель, становится причиной «отчуждённости» человека от своей сущности, от истинного, реального «я». Одну из особенностей жизни современного человека Э. Фромм видит в подавлении интереса к важнейшим сторонам человеческого существования.

Также Э. Фромм подчеркивает важность культуры, отмечая, что каждый человек мог бы достичь совершенства при наличии необходимых культурных условий, так как развитие личности определяется исключительно «культурным фактором». Изучая состояние общественной жизни и возможные культурные трансформации с позиции своей «гуманистической психологии», он рассматривает проблему с точки зрения феномена отчуждения как характеристики общества в эпоху капитализма. Под отчуждением Э. Фромм понимает «восприятие себя как чего-то чужого», когда человек отчуждается от самого себя и воспринимает как будто отдельное от себя и других, используя лишь чувства и здравый смысл, но не имея продуктивной связи с самим собой и миром.

Эрих Фромм утверждает, что у детей может возникать некоторая враждебность и мятежность в результате конфликтов с окружающим миром, которые вызывают ощущение бессилия, одиночества, тревоги и неуверенности. Это происходит, если с самого начала воспитание ребенка основано на подавлении его индивидуальности и самостоятельности мышления, что приводит к уничтожению непосредственности и замене оригинальных психических актов чуждыми чувствами, мыслями и желаниями. Неофрейдист считает, что одной из основных задач воспитания является разрешение этой «антагонистической реакции» у детей на ранних стадиях воспитания. В противном случае, социальное давление впоследствии лишь усугубит проблему.

Современное образование рассматривается Фроммом с большой критикой. По его мнению, оно ориентировано в основном на передачу знаний для успешного существования в современной «промышленной цивилизации», на формирование таких качеств личности, как амбициозность, трудолюбие, конкурентоспособность и прочее, не уделяя достаточного внимания развитию гуманистических ценностей и идеалов. По мнению автора, современное образование ставит своей целью накопление знаний как имущество, которые будут соответствовать будущему положению человека.

Корпус педагогических идей Иммануила Канта основательно изучен и продолжает осваиваться современными исследователями. Одновременно с этим актуализируется значение педагогических принципов Канта в контексте современного образовательного процесса. Речь идёт не только о теоретико-методологической и культурно-исторической значимости

педагогического наследия Канта, но и возможности его практического применения в образовательной практике сегодня.

По Канту: «Воспитывать – значит воспитывать личность. Воспитывать существо, которое свободно действует, может оберегать самого себя и стать членом общества, имеет внутреннюю ценность в своих собственных глазах» [13, с.414].

В то же время справедливо утверждается, что педагогика Канта стоит на фундаменте ответственности личности перед миром.

Прагматические задатки развиваются благодаря формированию здравого смысла, знакомству ребенка с правилами, нормами и общественными нормами, которые помогут ему стать общительным, осведомленным и влиятельным, то есть адаптированным к требованиям своего времени. В современном обществе данные цели связаны с процессом социализации личности, ее включением в существующий социально-экономический порядок.

Безусловно, Кант ставит целью воспитания превращение человека в свободную личность. Но в контексте проблем и задач, которые стоят сегодня перед современной организацией образовательной деятельности необходимо обратить внимание на феномен принуждения, который, по Канту, органически присущ воспитанию. Кант считает одной из самых больших проблем воспитания объединение требования подчиняться законному принуждению и способность пользоваться собственной свободой.

На этот важный момент обратил особое внимание С.И. Гессен в своей статье 1924 года (к 200-летию юбилею И.Канта). По Гессену, Кант понимает свободный характер воспитания иначе, чем Руссо, для которого воспитание свободно от принуждения. У Канта человек не свободен, а только становится свободным, поэтому принуждение в воспитании им не только не отрицается, но является необходимым. В то же время он считает одной из самых больших проблем воспитания необходимость объединить подчинение законному принуждению и способность пользоваться собственной свободой.

Последователь Канта Гессен утверждает, что целью всего образования является свобода, которая «не исключает, а предполагает факт принуждения», поскольку для русского неокантианца образование всегда связано как с индивидуальным, так и с общественным бытием. С.И. Гессен пишет: «понять систему образования данного общества – значит понять строй его жизни» [5, с.37]. Свободная личность в процессе образования усваивает и творчески реализует различные ценности культуры. Таким образом, сфера образования накладывается на культуру в целом. Данная особенность ценности образования сближает ее с моралью, которую Гессен также понимает как личностную ценность — ценность моральной личности [см.5].

Процесс образования, согласно Гессену, представляет собой реализацию в субъектном духе, т. е. в личности человека, законов ценностей культуры, в том числе ценностей моральных. Содержание ценности морали есть реализация в субъекте объективных законов добра, а как внутренняя форма мораль присутствует в любой деятельности субъекта. Таким образом, моральное, нравственное образование оказывается «как бы естественным следствием, внутренней формой любого образования вообще» [5, с.34].

Можно выделить еще одно понятие в педагогике Канта, на которое С.И. Гессен обращал особое внимание - понятие автономии. Кант утверждал, что истинное образование должно помочь индивидууму стать автономным, то есть способным принимать решения и действовать в соответствии с собственными моральными принципами, а не под влиянием внешних обстоятельств. Гессен развивал идею автономии как основы педагогической деятельности, подчеркивая важность развития самостоятельности и ответственности у учащихся.

Кроме того, отечественный педагог обращал внимание на значимость этических и нравственных аспектов в образовании. По его мнению, истинное образование должно стремиться не только к формированию знаний и навыков, но и к развитию нравственных ценностей и качеств личности. Гессен придавал большое значение нравственному воспитанию, считая его основой построения гармоничного общества.

Таким образом, исследуя педагогические идеи Канта, Сергей Иосифович Гессен делал акцент на важности нравственного воспитания, развитии автономии и этических аспектов в образовании. Его работы стали важным вкладом в понимание философских основ образования и воспитания, и до сегодняшнего дня остаются актуальными для педагогов и исследователей в области образования.

В этом же русле следует рассматривать и вопрос, который для Канта был чрезвычайно важным - научить детей в процессе воспитания работать, ибо человек – это «единственное существо, которое должно работать» [13, с.475]. Философ даёт классическое определение игры в отличие от работы. При работе «приятно занятие не само по себе, его предпринимают для какой-нибудь другой цели». В игре же напротив, «занятие приятно само по себе, оно не преследует какой-либо посторонней цели». Отсюда и его оценка значения школы в приучении к работе, ибо «где следует прививать эту склонность к работе, как не в школе». В кантовской формулировке «школа есть принудительная культура» [13, с.476].

Известно, что Кант критиковал модные в его время попытки обучать детей в игре. В «Критике чистого разума» (1781) он отмечает, что «многие современные педагоги думают, что они способствуют развитию свободного искусства, наилучшим образом удалив из него всякое напряжение и целиком превратив его из работы в простую игру» [11, с.156].

Таким образом, вопросы воспитания у Канта соотносятся не только с природными наклонностями и интересами детей, с «культивированием» свободы, но и с дисциплиной в воспитании и необходимостью принуждения.

Но следует отметить, что воспитание личности по Канту включает в себя не только воспитание детей и подростков, но и взрослых людей. По мнению Канта, у человека изначально есть все необходимые предпосылки для добра, но ему необходимо развивать свои способности для совершенства. По его убеждению, судьба не вкладывает их в человека в уже готовом виде. Человек должен самосовершенствоваться, самообразовываться и, при наличии склонности к злу, развивать моральные качества в себе – это его обязанность. Каким образом нужно воспитывать ребенка, чтобы он стал частью того просвещенного общего разума, который способствует идеальному миру? И. Кант считал, что для этого необходимо дальнейшее «разумное» развитие «искусства воспитания, или педагогики», чтобы она могла «превратиться в науку» [13, с. 451].

На мой взгляд эти воззрения И. Канта созвучны с идеями еще одного представителя психоанализа, неопрейдиста – Альфреда Адлера. Адлер отмечает, что в процессе воспитания должны принимать участие родители, педагоги, школа и общество. Он подчеркивает, что воспитание является необходимостью, обусловленной физической недостаточностью ребенка, и его целью является преодоление этой недостаточности через групповое воздействие.

Можно сказать, что основным принципом педагогики Адлера является «воспитание воспитателей». Он убежден в том, что каждый человек способен изменить свое поведение и свое мышление, если ему предоставить подходящую поддержку и стимул. Воспитатели, учителя, обученные по методике Адлера, стремятся к тому, чтобы помочь детям принять ответственность за свои действия, развить чувство собственного достоинства и научиться строить здоровые отношения с окружающими.

Один из ключевых аспектов методики воспитания по Адлеру – это понимание того, что поведение человека определяется его целями и убеждениями. Сами преподаватели обучаются помогать детям осознать свои личные цели и мотивы, а также находить конструктивные способы достижения желаемых результатов.

По мнению Адлера, воспитание должно быть ориентировано на социальные ценности: каждый человек является частью социальной системы и взаимодействует с другими людьми. Применяя методику «воспитания воспитателей», можно помогать детям развить эмпатию, умение слушать и понимать других, а также научить их находить компромиссы и решать конфликты конструктивно.

Важно отметить, что такой метод требует от воспитывающих постоянного саморазвития и работы над собой, они должны быть готовы к постоянному анализу своего поведения и отношений с детьми, а также к поиску новых способов помощи детям в их личностном и социальном развитии.

Представляется, что в русле современных образовательных проблем данный кантовский подход оказывается актуальным. Равно как и важнейший вопрос о роли педагогов, воспитателей, ибо «человек может быть воспитан только человеком – людьми, точно так же получившими воспитание» [12, с.447].

В социокультурном плане особое значение сегодня приобретает кантовское утверждение: «Два человеческих приобретения можно считать самыми трудными, а именно: искусство

управлять и искусство воспитывать» [12, с.450]. В этом плане можно сказать, что не только «искусство воспитывать» является одной из сложных проблем современной педагогической деятельности, но и «искусство управлять» этой деятельностью. Об этом свидетельствует опыт реформ отечественной системы образования последних десятилетий, в результате которых стали очевидны негативные последствия этих реформ в образовании и воспитании. Сломав традиционную систему отечественного образования, пройдя через тотальное принятие зарубежного опыта, сегодня делаются попытки выстроить собственную модель образовательной деятельности. И здесь педагогические идеи Канта оказываются современно значимыми, если исходить из того, что «воспитание – величайшая проблема и труднейшая задача для человека, так как сознание зависит от воспитания, а воспитание, в свою очередь, от сознания» [12, с. 450].

В условиях длительного и масштабного эксперимента по реформированию отечественного образования сложилась острая необходимость обсуждения его соответствия не только современным потребностям, но и «формирование человека соответственно сущности, нуждам и перспективам общества и эволюции самой жизни в XXI веке» [14, с.29]. Системообразующим фактором в дальнейшем позитивном развитии образования и культуры в целом могут стать принципы педагогики И. Канта и его последователей, которые сквозь века сохраняют, а во многом даже увеличивают, свою актуальность.

Успех кантовской теории педагогики свидетельствует о ее надежности и важности. Великий представитель эпохи Просвещения решительно выражал свои взгляды, выступая против нетерпимости, доктринерства, трусости и лени. Очевидно, что его философия внесла значительный вклад в развитие мирового сообщества на позитивных началах. Имя И. Канта имеет великое значение в теории и практике педагогики; его идеи по-прежнему актуальны и помогают направлять действия людей к успеху в воспитании молодого поколения, их нравственной и гражданской подготовке к будущему.

Литература:

1. Аксенова, Э.А. Ценностные основы педагогики И. Канта /Э.А. Аксенова //Проблемы современного образования. – 2015. – №1. – С. 64–73.
2. Бим-Бад, Б.М. Педагогические взгляды Иммануила Канта / Б. М. Бим-Бад // Советская педагогика. 1982. № 10. С. 102–105.
3. Бурханов Р.А. Педагогическое учение Иммануила Канта и его значение для духовной жизни современности // Дискуссия. 2017. №7 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskoe-uchenie-immanuila-kanta-i-ego-znachenie-dlya-duhovnoy-zhizni-sovremennosti> (дата обращения: 01.10.2024).
4. Гессен С. И. Иоганн Генрих Песталоцци // Русская школа за рубежом. Прага, 1926–1927. № 24. С. 611–630.
5. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1997.
6. Гессен С. И. Педагогика Канта // Гессен С. И. Педагогические соч. Саранск, 2001. С. 341–353.
7. Гессен С. И. Русская педагогика в XX веке // Гессен С. И. Педагогические соч. Саранск, 2001.
8. Грифцова И.Н., Сорина Г.В. Идеи И. Канта о моральном образовании и воспитании в современном контексте // XII Кантовские чтения, 2019г.
9. Кант и кантианцы: Критические очерки одной философской традиции. Москва: Наука, 1978. 360 с.
10. Кант И. Критика практического разума. // Основы метафизики нравственности. Москва. Изд-во "Мысль", 1999. – 1472 с.
11. Кант И. Критика чистого разума. М.: Изд-во «Мысль», 1994. - 592 с.
12. Кант И. О педагогике. //Трактаты и письма. М.: Изд-во «Наука», 1980. С. 445 -504
13. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Сочинения в 4 х томах на немецком и русском языках. Т. 1 М.: Издательская фирма АО "Ка-ми", 1993.
14. Миронов В.В. Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации — СПб. : СПбГУП, 2019. С.29
15. Мясников А.Г. Педагогическое учение И.Канта и современная философия образования // Кантовский сборник, 2004. Выпуск №1(24). – С.74-88
16. Сафронова Е. М. Воспитательная деятельность в школе в контексте личностного подхода в образовании // Педагогика. 2003. N 3.
17. Weisskopf T. Immanuel Kant und die Padagogik. Zurich, 1970.
18. Niethammer A. Kants Vorlesung uber Padagogik: Freiheit und Notwendigkeit in Erziehung und Entwicklung. Frankfurt; М., 1980.

ОБ АВТОРЕ:**Федотова Елена Андреевна,**

кандидат педагогических наук, преподаватель Колледжа космического машиностроения и технологий, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», Королёв, Россия

ABOUT THE AUTHOR:**Fedotova Elena A.,**

PhD in Pedagogy, Lecturer of College of Mechanical Engineering and Technology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Technological University named after twice Hero of the Soviet Union, Pilot-cosmonaut A.A. Leonov", Korolev, Russia

Федотова Е.А.

Формирование информационно-аналитической культуры, критического и аналитического мышления в эпоху цифровизации

В современном обществе умение мыслить критически и аналитически является ключевым для успешной адаптации к постоянно меняющимся условиям, а также для принятия осознанных решений в различных сферах жизни. Как можно заметить, формирование информационного общества происходит под влиянием множества факторов, включая технологические, социальные и экономические изменения, что создает новые возможности и вызовы для всех его участников. Формирование информационно-аналитической культуры является наиболее важным в современном мире, где объем доступной информации постоянно растет, а способность ее правильно интерпретировать и использовать становится одним из самых главных навыков для успешной деятельности в различных областях.

Информационно-аналитическая культура, информационная грамотность и безопасность, информационное общество, критическое и аналитическое мышление.

Для цитирования: Федотова Е.А. Формирование информационно-аналитической культуры, критического и аналитического мышления в эпоху цифровизации // Социально-гуманитарные технологии. 2024. №4 (32). С. 124-130.

FORMATION OF INFORMATION AND ANALYTICAL CULTURE, CRITICAL AND ANALYTICAL THINKING IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Fedotova E.A.

In modern society, the ability to think critically and analytically is key for successful adaptation to constantly changing conditions, as well as for making informed decisions in various spheres of life. As can be seen, the formation of information society is influenced by many factors, including technological, social and economic changes, which create new opportunities and challenges for all its participants. The formation of information and analytical culture is the most important in the modern world, where the amount of available information is constantly growing, and the ability to correctly interpret and use it becomes one of the most important skills for successful activities in various fields.

Information and analytical culture, information literacy and security, information society, critical and analytical thinking.

For citation: Fedotova E.A. Formation of information and analytical culture, critical and analytical thinking in the era of digitalization. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2024; 4 (32): 124-130. (In Russ.)

В эпоху цифровизации всех сфер жизни появляются современные направления формирования информационного общества: развитие онлайн-сервисов и платформ для работы и общения, доступность информации, развитие искусственного интеллекта, увеличение использования цифровых технологий, использование социальных сетей и их влияние, кибербезопасность и защита данных, мобильность и удобство доступа, увеличение использования мобильных устройств для доступа к информации, экологическая осознанность. Поэтому возникает необходимость развития информационно-аналитической культуры, которая описывает совокупность знаний, умений и навыков, необходимых человеку для эффективного поиска, анализа, интерпретации и использования информации в современном мире.

Ценности мирового пространства, страны, семьи и собственно образовательного пространства, обуславливают контекст формирования личной культуры субъекта познания, проектируя все те стереотипы, которые возникают в той или иной культуре. [3, с.181]

Понятие информационно-аналитической культуры (ИАК) включает в себя умение критически оценивать источники информации, отличать факты от мнений, а также способность анализировать и синтезировать полученные данные для принятия обоснованных решений. Изучение информационно-аналитической культуры позволяет понять, какие компетенции необходимы для успешной адаптации в информационном обществе и каким образом они могут быть развиты в рамках образовательных и практических программ.

Информационное пространство культуры, с одной стороны, представляет собой совокупность знаний и представлений обо всех сторонах культурного наследия и современной культурной деятельности, которая накоплена в информационной сфере, и, с другой стороны, является комплексом цифровых технологических процессов и информационных ресурсов, систем и инфраструктуры. [2, с.15]

В рамках данной культуры важно иметь навыки эффективного поиска информации, для этого необходимо знание различных источников, как традиционных (книги, журналы, учебные материалы), так и цифровых (интернет, базы данных, социальные сети). Основной компонент ИАК - это умение анализировать полученные данные, которое включает в себя способность критически оценивать информацию, выявлять ее достоверность, актуальность и значимость для конкретной задачи. Не менее важным аспектом является умение правильно интерпретировать полученные данные, что означает способность выделять ключевую информацию, распознавать тенденции и понимать их значения в конкретном контексте. Наиболее важной является способность использовать проанализированную и интерпретированную информацию для принятия обоснованных решений, а именно оценивать альтернативы развития компании, предвидеть возможные последствия и выбирать наилучший вариант действий.

Современное общество предъявляет к молодому специалисту такие требования, когда владение знаниями только в области профессиональной деятельности недостаточно. Выпускники должны быть готовы реализовывать себя в социуме, уметь выстраивать коммуникативные отношения, оперативно решать различного рода задачи, нести ответственность за свои поступки, иметь широкое информационное мировоззрение. [6, с.395]

В целом, информационно-аналитическая культура является неотъемлемой частью современной компетентности личности в информационном обществе, и ее развитие имеет стратегическое значение для успешной адаптации в условиях постоянно меняющейся информационной среды. Изучение и развитие ИАК имеет важное значение в образовательном процессе. Образовательные программы должны способствовать формированию у обучающихся навыков поиска, анализа и интерпретации информации, а также развитию критического мышления и способности принятия обоснованных решений.

Среда, пространство образовательной организации должны формировать нового специалиста информационного сообщества, который наряду с профессионально-личностными качествами, профессиональными компетенциями должен уметь владеть практическими навыками и умениями, позволяющими отыскивать, анализировать, дифференцировать, систематизировать, интерпретировать, представлять информацию, при этом выделяя главную, акцентируя внимание на важной значимой информации. [4, с.215]

В процессе становления информационного общества происходит глобализация познавательной деятельности и ее результатов, а также в связи с распространением и интеграцией информации, формируется некая глобальная система знания. Информационным обществом называется общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан. [5, с.2]

Критическое мышление и аналитическое мышление играют ключевую роль в современном обществе, где информационный поток постоянно растет, а условия и задачи становятся все более сложными.

Критическое мышление позволяет людям анализировать информацию, получаемую из различных источников, в том числе из масс-медиа, интернета и социальных сетей. Это включает в себя способность критически оценивать достоверность и надежность источников, а также

оценивать качество представленных данных. С помощью критического мышления можно распознавать логические ошибки в аргументах и выводах, что позволяет избегать манипуляций и ошибок в суждениях, а также принимать обоснованные решения на основе анализа фактов и аргументов. Это помогает людям принимать осознанные решения в различных ситуациях, включая личные, профессиональные и общественные аспекты жизни.

Аналитическое мышление позволяет людям разбираться в сложных ситуациях, выделяя ключевые факты и причинно-следственные связи, помогает отделять важную информацию от второстепенной, дает возможность эффективно использовать ресурсы времени и усилий, применять абстрактное мышление для поиска решений проблем и разработки стратегий и планов действий.

В целом, критическое мышление и аналитическое мышление являются необходимыми интеллектуальными навыками для успешной адаптации и принятия обоснованных решений в современном информационном обществе. Эти способности играют важную роль в личном и профессиональном развитии, а также в повседневной жизни каждого человека.

В связи с тем, что культура использования современных технологий не сформирована, возникает ряд проблем в различных сферах жизни общества.

Среди наиболее важных проблем, на которые стоит обратить внимание, можно перечислить следующие:

1. Недостаток цифровой грамотности: люди, не обладающие основными навыками работы с технологиями, могут испытывать трудности в доступе к информации и недостаточно эффективно использовать цифровые ресурсы, что приводит к снижению качества принимаемых решений.

2. Подмена понятий: часто термины и определения, связанные с новыми технологиями, используются неправильно или в искажённом понимании, что вызывает недопонимание их функциональности и назначения, а также создает риски в бизнесе и повседневной жизни.

3. Обесценивание экспертного мнения: в эпоху информационного перенасыщения и распространения фейковых новостей, мнение экспертов может недооцениваться. Люди всё чаще полагаются на непроверенные источники или свои интуитивные суждения, что может привести к принятию неверных решений.

4. Сопротивление изменениям: неумение адаптироваться к новым технологиям может вызывать страх перед ними, что приводит к сопротивлению как со стороны отдельных сотрудников, так и со стороны организаций в целом. Это замедляет процесс использования инноваций и развития компании.

5. Социальные разрывы: отсутствие равного доступа к технологиям может усугублять социальное неравенство. Люди, не имеющие возможности обучаться или использовать современные технологии, могут оказаться в ещё более уязвимом положении.

6. Проблемы безопасности: неосведомлённость о способах обеспечения безопасности данных может привести к неосторожным действиям с личной информацией, что увеличивает риски киберпреступлений.

Для решения этих проблем необходимо развитие образовательных инициатив, повышения уровня цифровой грамотности, а также популяризация мнений и рекомендаций экспертов, что в конечном итоге создаст более устойчивое и технологически грамотное общество.

Основными аспектами формирования информационно-аналитической культуры являются:

1. Образовательные программы и курсы, направленные на развитие информационно-аналитической культуры среди студентов и общественности.

Разработка специализированных образовательных программ и курсов, цель которых направлена на развитие информационно-аналитической культуры у студентов различных уровней образования и широкой общественности. Включение в учебные планы предметов, направленных на формирование навыков анализа информации, оценки ее достоверности, а также критического мышления.

Образовательные программы и курсы являются основным инструментом формирования информационно-аналитической культуры среди обучающихся и общественности. Эти программы могут включать в себя специализированные курсы по информационной грамотности, критическому мышлению, анализу данных и другим аспектам формирования информационно-

аналитических навыков.

Специализированные курсы по информационной грамотности направлены на обучение студентов навыкам эффективного поиска, анализа, интерпретации и использования информации. Они помогают развить у студентов понимание основных принципов информационной грамотности, включая различение фактов и мнений, оценку достоверности источников, а также этические аспекты использования информации.

Курсы по критическому мышлению призваны развить у студентов умение анализировать информацию критически, выявлять логические ошибки в аргументации, распознавать предвзятость и манипуляции в информационном материале. Кроме того, они помогают учащимся развить способность формулировать логически обоснованные аргументы и делать выводы.

Курсы по анализу данных призваны развить у студентов навыки работы с информацией. Они обучают методам сбора, обработки, анализа и визуализации данных, а также помогают в освоении программных инструментов и технологий, используемых для работы с ними.

С развитием технологий появились различные онлайн-платформы, предоставляющие доступ к образовательным материалам по формированию информационно-аналитической культуры, которые предлагают широкий выбор курсов разной сложности и направленности, что позволяет студентам выбирать программы, соответствующие их интересам и потребностям.

Образовательные программы и курсы являются не только источником знаний, но и площадкой для развития практических навыков и компетенций. Они предоставляют обучающимся возможность применять полученные знания на практике и развивать умения, необходимые для успешной адаптации в современном информационном обществе.

2. Использование информационных технологий в образовании для обучения навыкам анализа и интерпретации информации.

Формирование информационно-аналитической культуры в образовательном процессе должно обеспечиваться путем проведения основных мероприятий, которые показывают различные инструменты использования информационных технологий, а также создание эффективной системы мотивации преподавателей и студентов с точки зрения формирования и поддержки культуры использования информационных технологий в образовательном процессе.

Одним из важных аспектов формирования культуры использования информационных технологий в образовательном процессе выступает соблюдение норм информационной этики всеми участниками образовательного процесса, нормами которой выступают нераспространение, конфиденциальность, защита безопасности, соблюдение авторских прав, деловая репутация. [1, с.167]

Информационные технологии внедряются в образовательный процесс с целью обучения школьников и студентов навыкам работы с информацией, для этого необходимо использование специализированного программного обеспечения, онлайн-курсов, виртуальных библиотек и баз данных, обучение методам поиска, анализа и интерпретации информации в цифровой среде, а также развитие навыков оценки достоверности и авторитетности источников.

Информационные технологии, такие как интернет и цифровые базы данных, предоставляя широкий доступ к разнообразной информации, позволяют исследовать тему более глубоко, находить актуальные и авторитетные источники, и расширять свои знания. Виртуальные библиотеки предоставляют доступ к электронным версиям книг, журналов, научных статей и других источников и позволяют быстро находить информацию, осваивать современные методы работы с данными без необходимости посещения традиционной библиотеки.

Онлайн-курсы по различным предметам и навыкам позволяют изучать материал в удобном для них режиме обучения. Это особенно полезно для тех, кто занят или не имеет доступа к учебным заведениям. Видеоматериалы, доступные онлайн, такие как лекции, семинары, вебинары и учебные ролики, помогают усваивать информацию более эффективно. Визуальное представление материала может сделать его более доступным и понятным.

Использование специализированного программного обеспечения для анализа данных позволяет осваивать современные методы работы с информацией, включающие в себя программы для визуализации данных, статистического анализа, машинного обучения и другие.

Использование информационных технологий в образовании не только расширяет доступ к информации, но и способствует развитию навыков работы с данными, критического

мышления и самостоятельности у обучающихся. Это помогает им успешно адаптироваться к современной информационной среде и быть конкурентоспособными на рынке труда.

3. Развитие навыков критического мышления через образовательные практики, такие как дискуссии, дебаты, критическое чтение и письмо.

Для стимулирования критического мышления и анализа различных точек зрения на занятиях можно организовывать дискуссии, дебаты и групповые обсуждения. Участие в дискуссиях требует от студентов анализа различных точек зрения, выявления сильных и слабых сторон аргументации и выработки собственной позиции. В ходе дебатов необходимо активно применять критическое мышление для опровержения аргументов оппонентов и защиты своей точки зрения.

Практика критического чтения – это инструмент активного анализа текстов с целью выявления скрытых смыслов, подтекстов, авторских взглядов и аргументов, нахождения фактов в источниках, оценки достоверности источников информации, выявления логических ошибок в материалах.

Практика критического письма предполагает написание аргументированных эссе, обзоров, аналитических статей и других текстов, в которых студенты выражают свои мысли и оценку относительно конкретных тем и проблем. При написании текстов обучающиеся вынуждены анализировать информацию, формулировать свои аргументы, подкреплять их фактами и доказательствами, а также анализировать возражения и контраргументацию.

Организация специализированных семинаров и тренингов по развитию критического мышления позволяет обучающимся активно участвовать в мероприятиях и практиковать навыки анализа и оценки информации. В ходе тренингов можно решать различные кейсы, обсуждать этические дилеммы, выявлять проблемы и принимать обоснованные решения на основе имеющихся данных.

Эти образовательные практики не только способствуют развитию критического мышления у обучающихся, но и помогают им стать более осознанными и компетентными участниками современного информационного общества.

4. Влияние масс-медиа и интернета на формирование информационной культуры и способности критического анализа информации.

Роль масс-медиа и интернета в формировании информационной культуры огромна, поскольку они являются основными источниками информации для большинства людей в современном мире. Поэтому необходима организация образовательных проектов, направленных на развитие критического анализа медиа-содержания, включая новостные и информационные ресурсы в интернете, а также проведение обучающих семинаров и тренингов, нацеленных на развитие навыков критической оценки, эффективного анализа и использования информации в современном информационном обществе.

Масс-медиа и интернет предоставляют огромное количество информации по различным темам: от новостей и политики до развлекательного контента и актуальных тем общественного значения. Этот доступ к информации позволяет людям быть информированными о происходящих событиях в мире и влияет на их восприятие окружающей реальности.

Важно обучать студентов критически анализировать информацию, которую они получают из масс-медиа и интернета, что включает в себя способность различать достоверные и недостоверные источники, а также оценивать качество представленной информации. Для этого необходимо уметь задавать критические вопросы к информации, проверять факты и авторитетность источника, а также осознавать возможные предвзятости и манипуляции.

Организация специализированных курсов по медиа-образованию и критическому мышлению помогает студентам развивать навыки критического анализа информации из масс-медиа и интернета. Эти курсы могут включать в себя изучение основных принципов медиа-анализа, методов оценки достоверности информации, а также практические задания, для решения которых применяется анализ различных типов медийного контента.

Организация обсуждений и дебатов на занятиях позволяет студентам обсуждать различные точки зрения на актуальные темы, выявлять аргументы и контраргументы, а также развивать навыки критического мышления. Это способствует формированию критической осведомленности и позволяет студентам применять полученные знания на практике.

В целом, масс-медиа и интернет играют важную роль в формировании информационной

культуры, и важно помогать обучающимся развивать критическое мышление для осознанного и ответственного потребления информации из этих источников.

Организация образовательных проектов, направленных на развитие критического анализа медиа-содержания, включая новостные и информационные ресурсы в интернете, проведение обучающих семинаров и тренингов, нацеленных на развитие навыков критической оценки информации, получаемой из различных источников в масс-медиа и интернете - эти подходы в совокупности способствуют формированию информационно-аналитической культуры, обучая необходимым навыкам для эффективного анализа и использования информации.

В современном мире, где развитие технологий идёт стремительными темпами, финансовое мошенничество стало одной из главных угроз для граждан и бизнеса, оно становится все более распространенным и изощренным. Существует множество способов, с помощью которых злонамеренные лица пытаются обмануть доверчивых людей. В эпоху цифровой информации и массового доступа к интернету люди сталкиваются с огромным объемом информации каждый день. Однако, не все обладают достаточными знаниями и навыками для эффективного анализа, оценки и использования этой информации. Недостаток информационной грамотности может привести к распространению недостоверной информации, манипуляциям и даже к принятию ошибочных решений.

Одним из ключевых аспектов информационной грамотности является умение критически мыслить. Люди должны быть способны анализировать информацию, оценивать ее достоверность, надежность и достаточность, а также отличать факты от мнений или вымысла. Эти навыки особенно важны в контексте распространения фейковых новостей и манипуляций в цифровой среде. С развитием технологий и интернета возрастает угроза для конфиденциальности данных и личной безопасности. Необходимо быть грамотными в области защиты своей личной информации в онлайн-среде, использовать надежные пароли, избегать подозрительных ссылок и быть осведомленными о методах защиты от кибератак.

В заключение стоит отметить, что формирование информационно-аналитической культуры, критического и аналитического мышления в эпоху цифровизации является важным аспектом нашего времени. Вследствие того, что современные технологии предоставляют громадный объем информации, то способности к критическому осмыслению и анализу становятся жизненно необходимыми для успешной навигации в этом информационном потоке. Развитие информационно-аналитической культуры способствует более глубокому пониманию информации и её источников, уменьшает воздействие дезинформации и манипуляций, а также помогает формировать устойчивые навыки принятия обоснованных решений. Критическое и аналитическое мышление позволяет нам задавать правильные вопросы, анализировать аргументы и выстраивать логические связи, что особенно важно в условиях постоянных изменений и неопределенности, присущих цифровому миру.

Поэтому обучение информационной грамотности и безопасности должно стать неотъемлемой частью образования в современном мире. Школы, колледжи, университеты и другие учебные учреждения должны включать эти темы в свои учебные программы, а также проводить информационные кампании и тренинги для повышения осведомленности общества. Только таким образом можно сформировать информационно-аналитическую культуру общества и обеспечить гражданам необходимые знания и навыки для успешной навигации в информационном пространстве и защиты от его угроз.

Таким образом, необходимо поддерживать процессы формирования информационно-аналитической культуры в образовательных учреждениях, семье и обществе в целом. Данные процессы направлены на развитие аналитического мышления, навыков поиска и обработки информации, а также критического оценивания источников, что станет основой для подготовки будущих специалистов и граждан, способных не только адаптироваться к быстро меняющемуся миру, но и активно участвовать в его развитии. В конечном счете, информационно-аналитическая культура, критическое и аналитическое мышление укрепляют демократические процессы, способствуют социальной ответственности и помогают формировать общество, где каждый обладает необходимыми инструментами для понимания сложных реалий современности.

Литература:

1. Гасило Е.А., Мизяева Н.О. Культура использования информационных технологий в образовательном процессе// *Использование информационных технологий в различных сферах деятельности. Сборник научных статей международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию основания университета. Гомель, 2024. С. 165-168.*
2. Житенёв С. Ю. Новые информационные технологии и современная культура коммуникаций: состояние, определения и вопросы развития//*Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы информационных технологий//2020. С. 12-19.*
3. Жукова Н. В., Вершинина Т.С. Образовательная среда коммуникативной и информационной культуры как внешний контекст формирования личной культуры субъекта познания // *Педагогическое образование в России. 2021. № 3. С. 178-187.*
4. Козилова Л.В., Гуськова С.К. Информационная культура: понятие, сущность и методология анализа //*Современное педагогическое образование. 2023. №4. С.213-218*
5. *Стратегия развития информационного общества в РФ (утв. Президентом РФ 07.02.2008).*
6. Хачикян Е.И., Заборина М.А., Рябова И.А. Формирование информационной культуры студентов в процессе профессиональной подготовки: проблемы и перспективы// *Проблемы современного педагогического образования. 2022. №77-2. С.393-396*